

РАЗРЕШИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ОДИН ИЗ ИНСТРУМЕНТОВ ПУБЛИЧНОЙ АДМИНИСТРАЦИИ В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

PERMITTING AS A PUBLIC ADMINISTRATION TOOL FOR PUBLIC SAFETY

A. Voronov

Summary. Based on the analysis of the materials for reforming control, supervisory, as well as permitting activities carried out as part of the administrative reform, the role and importance of permitting activities of the public administration is noted, the purpose of which is precisely to ensure public safety, since licensing such activities is a reliable barrier to the inappropriate use by subjects of the permitting system of means of increased danger subject to licensing.

Keywords: control, supervision, permitting system, licensing, security.

Воронов Алексей Михайлович

Д.ю.н., профессор, г.н.с., ФГКУ «ВНИИ МВД России»
vnii-nic-4@yandex.ru

Аннотация. На основе анализа материалов реформирования контрольной, надзорной, а также разрешительной деятельности, проводимого в рамках административной реформы отмечается роль и значение разрешительной деятельности публичной администрации, цель которой заключается именно в обеспечении общественной безопасности, так как лицензирование такой деятельности является надежным барьером ненадлежащего использования субъектами разрешительной системы средств повышенной опасности, подлежащим лицензированию.

Ключевые слова: контроль, надзор, разрешительная система, лицензирование, обеспечение безопасности.

Противоречия пронизывают всю регуляторную, и не только, политику публичной администрации, при этом разрешительная деятельность публичной администрации сосредотачивает в своем содержании всю совокупность противоречий. Это обуславливается тем, что разрешительная деятельность является ключевым элементом регуляторной стратегии. Она включает в себя все три вида контроля: предварительный, текущий и последующий. Предварительный контроль включает в себя подготовку документов и выдачу разрешений, текущий подразумевает осуществление контрольно-надзорной деятельности, при этом последующей включает в себя инспекционную деятельность либо расследование каких-либо событий, аварий, катастроф и т.п.

Все перечисленные виды разрешительной деятельности публичной администрации осуществляются в рамках регуляторной стратегии. Здесь важно учитывать очень существенный методологический посыл о том, что вся регуляторная деятельность публичной администрации, прежде всего, основана на общем запрете. Сначала запрещается определенный вид деятельности, представляющей повышенную общественную опасность, а затем для осуществления такой деятельности следует получить разрешение на ее осуществление.

Здесь уместно отметить, что запреты устанавливаются с определенными целями, которые определены ч. 3

ст. 55 Конституции Российской Федерации: «Права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства» [1], они также же воспроизведены в ст. 5 Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации» [2], и были отражены в проекте ФЗ «Об основах разрешительной деятельности в Российской Федерации» [3], разработанном Минэкономразвития, однако в связи с неразрешимыми противоречиями законопроект был отложен до поиска вариантов выхода из этих противоречий.

Основываясь на положениях перечисленных нормативных правовых актов уместно отметить, что запреты устанавливаются именно в целях правоохраны, в целях защиты охраняемых законом ценностей. Таким образом главной функцией разрешительной деятельности публичной администрации является правоохрана и обеспечение общественной безопасности.

Разрешительная деятельность публичной администрации должна соответствовать ряду критериев. *Во-первых* к разрешаемой деятельности допускаются лица, которые в состоянии осуществлять такую деятельность не причиняя вреда охраняемым ценностям. Эта

способность должна быть подтверждена официальным документом, например наличием документов об образовании, прохождении специальных курсов, медицинского освидетельствования, а в отдельных случаях требуется проведение специальных проверок с целью подтверждения репутации — отсутствия судимости, отсутствия фактов совершения административных правонарушений и других порочащих и компрометирующих материалов;

во-вторых, к осуществлению разрешающей деятельности допускаются субъекты, которые имеют определенную техническую подготовку, в частности по транспортировке транспортных средств, подготовку по использованию информационных технологий, навыки программирования и проч.;

в-третьих, требуется определенная организационная подготовка — наличие квалифицированных сотрудников в определенном виде деятельности, наличие компетентных должностных лиц ответственных за обеспечение безопасности, также должна быть пройдена паспортизация объектов и проч.

Также следует обратить внимание, что с позитивной, правоохранительной функцией тесно связана негативная, так называемая протекционистская функция. Суть заключается в том, что для преодоления определенных административных барьеров на пути получения разрешения на осуществление того или иного вида лицензируемой деятельности лицензиаты, в большей степени представители бизнеса, несут определенные затраты, например по финансовому обеспечению своей деятельности, либо когда вводится ограничение на количество участников, а точнее претендентов на получение лицензии. Здесь также велика вероятность коррупционных правонарушений среди должностных лиц разрешительного органа публичной администрации.

Современная Россия вступила в период масштабного реформирования регуляторной политики, цель которого — формирование современной, адекватной требованиям времени и технологического развития эффективной системы регулирования в соответствующей сфере общественных отношений, основанной на выявлении наиболее значимых общественных рисков и их снижении до приемлемого уровня. В ее рамках была осуществлена «регуляторная гильотина», реформировано законодательство о государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле, сформировано законодательство об обязательных требованиях. Однако, на наш взгляд, регуляторная реформа не может считаться завершенной без преобразования разрешительной системы.

В деятельности исполнительной власти применяется широкий спектр методов. Все они объективно обуслов-

лены и направлены на достижение целей публичного администрирования, взаимосвязаны друг с другом, но применяются в зависимости от конкретных условий и особенностей регулируемых общественных отношений.

В практике публичного администрирования всегда особое значение придавалось разрешительному методу, суть которого в предоставлении субъекту права совершать определенные действия. Мощный импульс к применению этот метод получает в условиях рыночного регулирования. Многие виды деятельности, нуждающиеся в государственном регулировании, доступны посредством предоставления разрешений. Применение разрешительного метода регулирования общественных отношений является наиболее востребованным не только в российской, но и в зарубежной практике. Однако единство мнений относительно как природы и сущности разрешений, так и их системы в настоящее время отсутствует.

Одной из существенных особенностей данного метода является то, что существует множество видов разрешений, которые могут приобретать различные формы — лицензии, собственно разрешения, допуски, пропуски, квоты, права, регистрация и т.д. Официального перечня разрешительных документов и органов, имеющих право их выдавать, не существует.

Одними из главных вопросов для практиков являются: критерии выбора того или иного вида разрешения применительно к конкретным общественным отношениям; разграничение полномочий между федеральным и региональным уровнями государственной власти в разрешительной сфере; повышение эффективности разрешительного метода регулирования деятельности субъектов права при минимизации административной нагрузки. Вопросы цифровизации, глобализации и интеграции, формирование новой системы публичной власти также влияют на развитие и совершенствование разрешительной деятельности государства в сфере обеспечения общественной безопасности.

Цель, которую преследует разрешительная система, заключается прежде всего в обеспечении безопасности граждан общества и государства, в связи с тем, что некоторые виды деятельности, такие как управление автомобилями, производство оружия, занятия охотой и проч. должны осуществляться с соблюдением определённых правил, несоблюдение которых может причинить существенный вред обществу. Некоторые виды деятельности представляют определённую общественную опасность для окружающих, в связи с этим на них накладывается определённые запреты, поэтому заниматься такими видами деятельности могут только те субъекты, которые

получили разрешение или лицензию на и на её осуществления соответствующих органов публичной власти.

Таким образом разрешительная система призвана защитить граждан общества, государства от нанесения вреда, который может быть причинён неправильным осуществлением деятельности, в отношении которой установлен относительный запрет, то есть деятельности, которая должна быть лицензирована.

Здесь представляется уместным обратить внимание на один существенный аспект разрешительной деятельности публичной администрации, а именно обеспечение законности в такой деятельности.

Законность в разрешительной деятельности публичной администрации имеет существенное значение, вместе с тем имеют место быть многочисленные проблемы правового регулирования данной сферы деятельности, в том числе и коррупционного характера. В частности, не преодолена практика административных барьеров в использовании разрешительных процедур, избыточное администрирование, усложнение и затягивание разрешительных действий, отсутствия административных регламентов осуществление некоторых видов деятельности и прочие негативно сказывается на качестве обеспечения разрешительной деятельности. В связи с чем представляется целесообразным разработка и ведение единых антикоррупционных стандартов всех сфер разрешительной деятельности публичной администрации.

Существует целый ряд сфер общественных отношений, где разрешительное урегулирование имеет удельно высокий риск безопасности: производство алкоголя, лицензионно-разрешительная работа, выдача оружия, миграционная сфера, перевозка пассажиров и грузов, обращение с отходами вредного производства и проч. Об этом свидетельствует ряд примеров, когда лицензионные органы публичной администрации, уполномоченные на осуществление контроля и надзора в пределах своей компетенции халатно относятся к проверкам таких объектов. Свидетельством тому является целый ряд трагических примеров, среди прочих: трагедия в клубе «Хромая лошадь» в 2009 г. в Перми — крупнейший по числу жертв пожар в России, когда в результате нарушения правил пожарной безопасности погибли 156 человек, различные по степени тяжести травмы и ожоги получили более 100 человек, многие навсегда остались инвалидами; также нарушения правил эксплуатации судна явились причиной трагедии с дизель-электроходом *Булгария* 2011 г., которая повлекла гибель 122 человек и проч.

Следует также обратить внимание на уровень теоретической проработки проблем разрешительной

системы. При этом следует отметить, что комплексные монографические проработки данной проблематики отсутствуют, как отсутствуют докторские и кандидатские диссертации по проблемам законности разрешительной деятельности. Однако профильные Министерства и ведомства Российской Федерации и ее субъектов предпринимают попытки по совершенствованию правового регулирования в сфере разрешительной деятельности.

Как нами отмечалось ранее, в 2017 г. Минэкономразвития России предложено законодательное закрепление основ разрешительной деятельности в виде проекта федерального закона «Об основах разрешительной деятельности Российской Федерации».

Целью настоящего законопроекта, регулирующего общественные отношения в сфере разрешительной деятельности публичной администрации является, прежде всего минимизация причинения вреда жизни и здоровью физических лиц, правам, свободам и законным интересам граждан их имуществу, интересам обороны страны и безопасности государства, нравственности, окружающей среде и иным ценностям защищаемым Конституцией Российской Федерации.

Законопроект устанавливает общие правила разрешительной деятельности публичной администрации в сфере обеспечения общественной безопасности и направлен, в числе прочего, на предотвращение избыточного вмешательства государственных органов, муниципальных органов, выполняющих публичные функции организаций, в деятельность физических и юридических лиц, претендующих на получение разрешения либо получивших его, а также оптимизацию использования материальных и финансовых ресурсов органов публичной власти на осуществление разрешительной деятельности.

В законопроекте приводится, в частности, понятийный аппарат, определяются полномочия органов публичной власти, регламентируются запреты и ограничения, предусматривается порядок защиты прав физических и юридических лиц при осуществлении разрешительной деятельности, приводятся полномочия должностных лиц разрешительного органа [4]. Однако в настоящее время разработка законопроекта прекращена в связи вступлением в силу пакета законодательных актов в сфере контрольной и надзорной деятельности.

Обращаясь к опыту Министерства экономического развития следует отметить, что основополагающим в данной сфере деятельности является Федеральный закон «О лицензировании отдельных видов деятельности» от 04.05.2011 № 99-ФЗ [5] в редакцию которого Фе-

деральный закон от 30.12.2021 № 490-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О лицензировании отдельных видов деятельности» и о приостановлении действия и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» [6] с 1 марта 2022 года вносится ряд существенных изменений. Среди прочих следует отметить следующие.

Наиболее массовыми видами в сфере лицензионной деятельности публичной администрации является образовательная деятельность, медицинская деятельность, деятельность в сфере общественной безопасности, перевозки грузов и т.п. Обращаясь к статистике, следует отметить, что законодательно определены 54 вида лицензируемой деятельности, 20 лицензирующих органов на федеральном уровне, более 500 лицензирующих органов исполнительной власти субъектов Федерации и более 600 тыс. лицензиатов, из которых деятельность по перевозкам осуществляет 64 тыс. лицензиатов, медицинскую деятельность осуществляет более 100 тыс. лицензиатов, образовательную деятельность осуществляют более 120 тыс. лицензиатов

Следует отметить, что до недавнего времени система лицензирования была не вполне совершенной и нуждалась в комплексной модернизации. В связи с цифровизацией всех сфер публичного администрирования органы исполнительной власти переходят на электронную модель осуществления различных видов деятельности, в том числе и лицензионно-разрешительной. Введена система единого юридически значимого реестра лицензиатов, при этом процесс получения лицензии становится максимально простым и менее затратным для граждан и иных субъектов разрешительной деятельности. Также были учтены потребности бизнеса в упрощении конкретных процедур лицензирования на основе клиентоориентированного подхода.

Глава 2. Следует отметить, что 45 видов лицензируемой деятельности попали под юрисдикцию Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» [7], из них 21 вид контроля является самостоятельным видом лицензионного контроля, по 24 видам контроля лицензионные требования входят в предмет общих видов контроля.

Глава 3. При этом следует обратить особое внимание, что в лицензировании появилась новая сущность лицензионного контроля, которая заменила такой вид контроля как выездные проверки на новую форму контроля — периодичное подтверждение соответствия, которая ранее не существовала. Его суть заключается в том, что орган выдающий лицензию выбирает один из трех вариантов контроля: первый — проведение пла-

новых проверок с определенной периодичностью с учетом риска (высокий риск — периодичность 1 раз в год, низкий риск без проверок), второй вариант — выездные проверки заменяются на периодическое подтверждение соответствия деятельности, при этом лицензиатом подтверждается соответствие деятельности лицензионным требованиям при получении госуслуги от лицензионного органа, третий — заключается в том, что орган контроля отказывается от одного или другого вида контроля в рамках возможных выездных контрольных проверок не носящих плановый характер.

При этом следует отметить, что в связи с введением поправок в базовый Федеральный закон «О лицензировании отдельных видов деятельности» от 04.05.2011 № 99-ФЗ также сокращен срок представления лицензии с 45 рабочих дней почти два раза, в связи с оптимизацией процесса лицензирования, основанного на внедрении новых цифровых технологий.

На основании вышеизложенного представляется целесообразным отметить некоторые результаты оптимизации процесса лицензирования, осуществляемого публичной администрацией.

С 1 марта 2022 г. подача заявлений по 19 видам лицензионной деятельности будут осуществляться через единый портал Госуслуг, по 10 видам исключена выездная оценка, при этом будет осуществляться только проверка документов; по ряду видов деятельности предусмотрена дистанционная оценка соответствия, при этом средний срок получения лицензии составит 25 рабочих дня. Как нами отмечалось ранее, для мониторинга динамики лицензирования создан единый реестр учета лицензий являющийся подсистемой федерального реестра Госуслуг.

Также для координации реформирования лицензионной деятельности публичной администрации создана специальная платформа по мониторингу практики внедрения больших, сложных проектов, которая содержит инновационные решения, полученные, в том числе, и на основании запросов пользователей через личные кабинеты субъектов лицензионной деятельности в режиме он-лайн. Также в рамках проводимого реформирования в ближайшей перспективе планируется оптимизация получения более 250 видов лицензий на осуществление того или иного вида деятельности.

Здесь уместно отметить, что одним из основных государственных органов уполномоченных в сфере разрешительной системы является Министерство внутренних дел России. Ранее в системе МВД России существовали подразделения лицензионно-разрешительной работы, осуществляющие административно-служебную деятель-

ность в рамках осуществления лицензионно-разрешительной системы. В настоящее время данные функции переданы в войска национальной гвардии Российской Федерации (далее — Росгвардия). На основании Федерального закона от 03.07.2016 № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» [8] которые являются государственной военной организацией, предназначение которой заключается в обеспечения государственной и общественной безопасности, защиты прав и свобод человека и гражданина.

Именно для выполнения одной из основных задач Росгвардии в охране общественного порядка, обеспечении общественной безопасности ее подразделения наделены целым спектром полномочий. Так согласно п.п. 15–20 ст. 9 Федерального закона от 03.07.2016 № 226-ФЗ, среди прочих «выдавать гражданам и организациям при наличии оснований, предусмотренных федеральным законом, лицензии на приобретение гражданского и служебного оружия; разрешения на хранение или хранение и ношение гражданского и служебного оружия, на хранение и ношение наградного оружия, на транспортирование, ввоз на территорию Российской Федерации и вывоз с территории Российской Федерации указанного оружия и патронов к нему; контролировать оборот гражданского, служебного и наградного оружия, боеприпасов, патронов к оружию, сохранность и техническое состояние боевого ручного стрелкового и служебного оружия, находящегося во временном пользовании у граждан и организаций, а также соблюдение гражданами и организациями законодательства Российской Федерации в области оборота оружия; выдавать при наличии оснований, предусмотренных законодательством Российской Федерации, лицензии на осуществление

частной охранной деятельности или частной детективной деятельности; осуществлять контроль за деятельностью частных охранных организаций и частных детективов и т.д.» [9].

Данную деятельность по предоставлению государственной услуги по выдаче различных разрешений должностные лица Росгвардии осуществляют на основании более 35 Административных регламентов, разработанных и утвержденных приказами Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации.

На основании изложенного следует отметить, что главной функцией разрешительной деятельности публичной администрации является правоохрана и обеспечение общественной безопасности.

Как нами отмечалось в работе, законность в разрешительной деятельности публичной администрации имеет существенное значение, вместе с тем имеют место быть многочисленные проблемы правового регулирования данной сферы деятельности, в том числе и коррупционного характера. В частности, не преодолена практика административных барьеров в использовании разрешительных процедур, избыточное администрирование, усложнении и затягивание разрешительных действий, отсутствия административных регламентов осуществление некоторых видов деятельности и прочие негативно сказывается на качестве обеспечения разрешительной деятельности. В связи с чем представляется целесообразным разработку и ведение единых антикоррупционных стандартов всех сфер разрешительной деятельности публичной администрации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Российской Федерации.
2. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020 г. № 31 (часть I) ст. 5006
3. Проект ФЗ «Об основах разрешительной деятельности в Российской Федерации» // URL: https://www.economy.gov.ru/material/dokumenty/zakonoproekt_ob_osnovah_razreshitelnoy_deyatelnosti_v_rossiyskoy_federacii.html
4. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc; base=PRJ; n=161494#Ue8dtzSALTddfMls> URL: <https://www.consultant.ru/law/hotdocs/50218.html/>
5. Федеральный закон «О лицензировании отдельных видов деятельности» от 04.05.2011 № 99-ФЗ (последняя редакция) // СЗ РФ. 2011 г. № 19 ст. 2716
6. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_405501/3d0cac60971a511280cbb229d9b6329c07731f7/#dst100009
7. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) // СЗ РФ. 2020 г. № 31 (часть I) ст. 5007
8. Федеральный закон от 03.07.2016 № 226-ФЗ (ред. от 01.07.2021) «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» // Режим доступа URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_200506/
9. См. Федеральный закон от 03.07.2016 № 226-ФЗ // Режим доступа URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_200506/

© Воронов Алексей Михайлович (vnii-nic-4@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

К ВОПРОСУ О СУЩНОСТИ И РОЛИ ВИНЫ В ОБЯЗАТЕЛЬСТВАХ ИЗ ПРИЧИНЕНИЯ ВРЕДА

ON THE QUESTION OF THE ESSENCE AND ROLE OF GUILT IN THE OBLIGATIONS OF CAUSING HARM

**A. Gudkov
V. Mishchenko**

Summary. The authors, analyzing such an aspect of civil law regulation as obligations from causing harm, evaluate the concept of "guilt", based on the condition that this element of identifying the properties of an offense will relate to the consequences in the form of causing harm.

The authors draw attention to the fact that in civil law this phenomenon is due to a number of principles, the formation of which is mainly in line with doctrinal logic. As a result, this concept does not have an exact fixation in civil law, but is one of the most important forms for determining the legitimacy of the behavior of the parties in an obligation relationship and at the same time a tuning fork for assessing the harm that occurs in the event of their violation.

Keywords: contract, law, obligations, civil law, guilt.

Гудков Анатолий Иванович

К.ю.н., доцент, ВЮИ ФСИИ России
gudkovaniv@yandex.ru

Мищенко Вячеслав Иванович

К.ф.н., доцент, ВЮИ ФСИИ России
vyacheslav-mischenko@mail.ru

Аннотация. Авторы, анализируя такой аспект гражданско-правового регулирования, как обязательства из причинения вреда, дают оценку понятию «вина», исходя из условия, что данный элемент идентификации свойств правонарушения будет касаться последствий в виде причинения вреда.

Авторы обращают внимание на то, что в цивилистике данное явление обусловлено рядом начал, формирование которых в основном находится в русле доктринальной логики. Вследствие этого указанное понятие не имеет точного закрепления в гражданском законодательстве, но является одной из важнейших форм определения правомерности поведения сторон в обязательственных отношениях и одновременно камертоном оценки того вреда, который возникает в случае их нарушения.

Ключевые слова: договор, закон, обязательства, гражданское право, вина.

В настоящее время исследователями все чаще затрагивается вопрос определения такого признака субъективной стороны гражданского деликта, как вина, который, представляя собой отдельное свойство оценки развития отношений, а также учета сформировавшихся вследствие нарушения норм права последствий, давно уже нуждается в фундаментальной переоценке его сторон и сопутствующих факторов.

Ученые, которые пытались раскрыть сущность вины, утверждали, что данный феномен, прежде всего, имеет моральные истоки. Причем данные истоки берут свое начало задолго до того, как указанное понятие стало активно использоваться юристами при определении положения того или иного лица к совершенному им проступку.

Вместе с тем значимость такого критерия оценки поведения субъекта переоценить просто невозможно, так как им охватывается не только отношение участника к социально обусловленным форматам сосуществования, но и затрагивается более объективное (глубокое) понимание сути социального взаимодействия. В этом вопросе особое внимание уделяется позиции законо-

дателя, но последний, используя уже имеющиеся разработки в правовой доктрине, не всегда, на наш взгляд, правильно истолковывает идею вины (а точнее её роль) для правового регулирования.

К примеру, автор диссертационного исследования «Вина как общеправовой институт» Е.В. Юрчак ставит во главу угла сущности вины не только разработанные и принятые законодателем признаки идентификации действий правонарушителя, но и другие факторы, прежде всего определяющие её как степень объективного отражения правовых отношений, выраженного в таких категориях, как цель, образование, воспитание, влияния общественности, и др. [1, с. 29].

Отчасти данный подход справедлив, ведь определение вины человека, даже при четких параметрах учета его поведения, не всегда зиждется исключительно путем сопоставления следующих факторов: осознавал возможность наступления последствий от собственных действий (бездействий), предвидел неизбежность их наступления или желал, чтобы указанные последствия стали реальностью. В том же законодательстве нет ответов на все вопросы, и, зачастую, выбор наказания, применя-

емого к нарушителю, несопоставим с представлением о характере совершенного проступка.

С.С. Магдесян утверждает, что вина не должна определяться, что в принципе в нашей практике встречается очень часто, на уровне только тех критериев, которые установлены в законе. Тот факт, что понятие вины не продекларировано ни в одном официальном источнике, относит данный феномен к категориям философского характера, где наиболее вероятную природу его идентификации формируют совсем не правовые принципы и предписания, а нормы морали [2, с. 129].

Если же оттолкнуться от приведенной позиции, то можно увидеть, что сегодня к ранее указанным факторам присовокупляются такие составляющие оценки, как условия совершения тех или иных действий, влияющие или сопутствующие поведению аспекты, общее состояние лица в момент совершения правонарушения и др. Это, в свою очередь, говорит о том, что креатура представления о вине, как об основополагающем сегменте общей оценки поведения, не так тривиальна, как кажется на первый взгляд.

Не менее интересным по данному вопросу представляется позиция исследователя Л.В. Фоноберова, который утверждает, что вина — это социальная или правовая парадигма оценки действий, направленных на нарушение установленных правил взаимодействия между субъектами отношений, нашедшая свое выражение в отдельно принятых признаках их идентификации и направленная на установление барьеров юридической ответственности [3, с. 33]. Такой тезис выражает представление о вине более детально, но не раскрывает его структуру и особенности.

Между тем, как мы указали, в действующем законодательстве нет дефиниции, которая бы четко отражала сущность вины в целом. В частности, в гражданском праве вина выступает фактором оценки поведения субъекта права без указания на то, какие именно свойства данного явления используются законодателем прежде, чем она будет спроецирована на конкретное поведение. Так, в статье 401 Гражданского Кодекса РФ [4] указано, что лицо, должным образом не исполнившее свои обязательства, несет ответственность при наличии вины, которая, в свою очередь, находит выражение в двух основных и нам известных формулах — умысел и неосторожность. То есть, если истолковать буквально приведенное положение, то можно увидеть, что вина здесь выступает в качестве условия для привлечения к гражданско-правовой ответственности.

В свою очередь, если попытаться определить место вины при нарушении установленных законом (договором) или принятых кем-либо на себя обязательств, то её

сущность будет находить выражение в двух основных функциях: право-характеризующей и санкционно-определяющей. В основу такого подхода, как утверждают исследователи, положено понимание того, что вред, причиненный действием (или бездействием) конкретного лица, требует необходимых последствий его возмещения в полном объеме. А, следовательно, законодатель, измеряя виновностью конкретное поведение, предполагает, что такая оценка будет иметь возможность дать ответ на два вопроса: что конкретно стало причиной причиненного вреда и какие меры необходимо применить к нарушителю обязательств.

К примеру, если исходить из того, что на данный момент считается обязательствами из причинения вреда, то мы можем увидеть, что основным фактором, характеризующим положение отношений, возникших на фоне установления такого вреда, является именно виновность. Здесь, в соответствии со ст. 1064 ГК РФ, будет иметь значение размер вреда, так как он, согласно требованиям данного предписания, должен возмещаться в полном объеме, а также характер действий, которые стали причиной его возникновения.

В первом случае вина рассматривается как некое обязательное условие, определяющее размер санкции и прилаемое к лицу, допустившему нарушение обязательств, в свою очередь, повлекших вред. Она буквально не устанавливает ту или иную санкцию, и уж тем более не дифференцирует возможности правоприменителя по части расширения наказания или объема вреда, но она выставляет грань, абстрактно контролирующую возможность пострадавшей стороны взыскать некие материальные блага. То есть, здесь вина будет находить свое выражение в качестве условия, определяющего такой фактор, как необходимость возмещения вреда.

В другом случае вина, как в принципе ей и положено, раскрывается в роли правохарактеризующей модели поведения с учетом ряда признаков, объективно устанавливающих связь (или её исключение) конкретного субъекта (участника отношений) с наступившими последствиями (непосредственным вредом). Стоит сказать, что её конструктив охватывается как умыслом, так и его отсутствием, что указывает на то, что используемая модель содержит в себе избирательный подход в оценке того поведения, которое и стало причиной нарушения установленных обязательств [5, с. 389].

Отдельное внимание стоит уделить тому, что именно вина, а точнее её наличие в действиях субъекта, не всегда может служить достаточным обстоятельством применения гражданско-правовых санкций. Более того, как мы уже указывали, вина не всегда должна иметь выражение состояния (или отношения) конкретного лица, чьи дей-

ствия непосредственно оценены или подвергнуты критическому анализу с точки зрения непосредственной причастности. Она может быть следствием создания конкретных условий.

Так, в соответствии со ст. 1095 Гражданского Кодекса РФ [6] обязанность возмещения вреда может быть возложена на лицо и при отсутствии вины, если, к примеру, будет установлено, что такое лицо должным образом не проинформировало потребителя в установленном порядке о свойствах товара, создав тем самым условия, непосредственно повлиявшие на возникновение вреда, предусмотренного ст. 1064 ГК РФ.

Таким образом, вина в гражданском праве — понятие собирательное, критерии и параметры которого

находятся в плоскости научных изысканий и дискуссий ученых, но её парадигма может иметь разное целенаправленное, в том числе и законодательное, представление. Особым началом её формирования, прежде всего в гражданско-правовых отношениях, является принцип соотношения последствий от невыполненных обязательств и условий, послуживших причиной их возникновения.

Анализ действующих норм гражданского законодательства показал, что вина, при оценке причин возникновения вреда, проистекающего из обязательств, не всегда опирается только на критерии умысла или неосторожности. В некотором смысле это еще и условие (состояние) развития отношений, которое может привести к тем же негативным последствиям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Юрчак Е.В. Вина как общеправовой институт: канд. . . юрид.наук. Специальность: 12.00.01, Москва, 2016, 297 с.
2. Магдесян С.С. Вина как элемент состава гражданского правонарушения / С.С. Магдесян // Государство и правовая система в условиях информационного общества: сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции, Челябинск, 24 февраля 2021 года. — Стерлитамак: Общество с ограниченной ответственностью «Агентство международных исследований», 2021. — С. 29–31.
3. Фоноберов Л.В. Особенности категории вины в обязательствах вследствие причинения вреда: специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право»: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Фоноберов Леонид Владимирович. — Москва, 2010. — 219 с.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N51-ФЗ (ред. от 25.02.2022) // Собрание законодательства РФ. 05.12.1994. N32. ст. 3301.
5. Церковная Е.В. Особенности вины как основания гражданско-правовой ответственности за причинение вреда / Е.В. Церковная // Правовая культура в современном обществе: Сборник научных статей, представленных на Международной научно-практической конференции «Правовая культура в современном обществе», посвященной 70-летию образования Могилевского института МВД / Отв. ред. И.А. Демидова. — Могилев: Учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь», 2018. — С. 386–391.
6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 N14-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 08.07.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2022) // Собрание законодательства РФ. 29.01.1996. N5. ст. 410.

© Гудков Анатолий Иванович (gudkovaniv@yandex.ru), Мищенко Вячеслав Иванович (vyacheslav-mischenko@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ НАПРАВЛЕНИЙ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ

Гусева Ирина Ивановна

К.ю.н., доцент, Владимирский юридический институт ФСИИ России
guseva-ir@mail.ru

Зубков Владимир Николаевич

Старший преподаватель, Владимирский юридический институт ФСИИ России
z-vladimir-z@mail.ru

STRATEGY FOR THE DEVELOPMENT OF ANTI-CORRUPTION AREAS

**I. Guseva
V. Zubkov**

Summary. The article draws attention to Russia's place in the corruption perception ranking, in the context of statistical data on certain types of corruption crimes. The directions of combating corruption are analyzed, attention is paid to the opinions of scientists on promising ways to combat this type of criminal manifestations. The conclusion is made about the primary directions that can root a universal irreconcilable attitude to corrupt behavior.

Keywords: corruption crimes, a bribe, combating corruption, anti-corruption policy, public service.

Аннотация. В статье обращается внимание на место России в рейтинге восприятия коррупции, в контексте статистических данных по отдельным видам коррупционных преступлений. Анализируются направления противодействия коррупции, уделяется внимание мнениям ученых о перспективных способах борьбы с этим видом преступных проявлений. Делается вывод о первостепенных направлениях, способных укоренить всеобщее непримиримое отношение к коррупционному поведению.

Ключевые слова: коррупционные преступления, взятка, противодействие коррупции, антикоррупционная политика, государственная служба.

С момента разумного существования человечества зародилось суеверие задабривания идолов для их благодушного расположения и оказания помощи, перешедшее впоследствии на обожествленных вождей, жрецов, фараонов. Обращение к высшим силам переросло в религию, а потребность получить благосклонность со стороны вышестоящего представителя человеческого рода за тысячелетия породило гидрумздоимства, казнокрадства, волокиты, произвола, бюрократизма, сформировавшуюся на современном этапе в явление «коррупция».

В толковом словаре Ожегова коррупция трактуется как моральное разложение должностных лиц и политиков, выражающееся в незаконном обогащении, взяточничестве, хищении и срастании с мафиозными структурами [1]. Советский энциклопедический словарь раскрывал коррупцию как преступление, заключающее-

ся в прямом использовании должностным лицом прав, связанных с его должностью, в целях личного обогащения, отмечая ее присущность буржуазному государству и обществу [2, с. 633–634].

В Федеральном законе «О противодействии коррупции» заложено понятие коррупции как умышленного действия, направленного против законных интересов общества и государства, осуществляемого должностным лицом в целях извлечения материальной выгоды для себя или третьих лиц, в том числе юридических.

К сожалению, коррупция распространилась по всему миру вне зависимости от государственного строя, формы государственного устройства и политической системы. Усиление борьбы с преступлениями в сфере коррупции в зарубежных странах и России дает определенные результаты, однако степень ее влияния настолько вели-

ка, что в настоящее время не удастся минимизировать ее уровень.

По сведениям Генпрокуратуры РФ в первом полугодии 2021 года количество зарегистрированных преступлений коррупционной направленности составило 24,5 тысячи, что по сравнению с аналогичным периодом 2020 года (далее — АППГ) показало рост на 16,5% [3]. За девять месяцев выявлен рост преступлений коррупционной направленности на 12,7%. Причину всплеска данного вида преступлений Генпрокурор Красноя объясняет повышением результативности работы правоохранительных органов по выявлению коррупционных деяний [4].

Согласно исследованию «Индекс восприятия коррупции», проводимому ежегодно международным антикоррупционным движением Transparency International, Россия оказалась на 136 месте из 180, набрав 29 баллов, что характеризует достаточно высокий уровень восприятия коррупции [5]. Не смотря на увеличение числа выявленных преступлений коррупционной направленности, по мнению экспертов это узконаправленные уголовные дела, а активное развитие антикоррупционных инструментов практически отсутствует.

Уголовный кодекс Российской Федерации не выделяет в отдельную главу коррупционные преступления и не содержит особого преступного деяния — коррупция. Лидерство среди данного вида преступлений занимает взятка (ст. ст. 290, 291, 291.1, 291.2 УК РФ). Согласно статистике в 2021 г. количество выявленных взяток выросло на 28,7% [6]. Следующие часто регистрируемые преступления с коррупционной составляющей — злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285, 285.4 УК РФ), превышение должностных полномочий (ст. 286 УК РФ), на 4,6% вырос коммерческий подкуп (ст. 204 УК РФ), а количество выявленного мелкого коммерческого подкупа (ст. 204.2 УК РФ) сократилось на 14,5% [6]. Председатель Следственного комитета РФ А.И. Бастрыкин отметил, что с момента создания Следственного комитета РФ в суды направлено более 90 тысяч уголовных дел коррупционной направленности. Выступая на совещании по результатам работы следственных аппаратов в первом полугодии 2021 г. он пояснил, что в суды за этот период было передано 5091 уголовное дело о коррупции, в том числе против 242 человек с особым правовым статусом [7].

В целях эффективной борьбы с продажностью и мздоимством должностных лиц Указом Президента РФ от 16 августа 2021 г. № 478 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2021–2024 годы» был утвержден соответствующий план мероприятий [8]. План направлен на модернизацию порядка и реализации

запретов, ограничений и обязанностей, установленных для противодействия коррупции, и предполагает анализ соответствующими органами существующей практики, подготовку и представление предложений, методических рекомендаций, обзоров. Обращается внимание на совершенствование порядка предоставления сведений о доходах, расходах и имуществе госслужащих, получения ими подарков, целесообразности замещения и совмещения отдельных должностей, нецелевого использования госсредств. Предлагается рассмотреть возможность наделения высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации правом направлять запросы о проведении оперативно-разыскных мероприятий в соответствии с требованиями Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» при осуществлении антикоррупционных проверок, а также проанализировать возможность доступа прокуроров к банковской тайне по делам о коррупции. В нескольких разделах обращено особое внимание на совершенствование правового регулирования и актуализации нормативно-правовой базы, а также результативности антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов. Президентом поручено сосредоточиться на обеспечении защиты информации ограниченного доступа, полученной при осуществлении антикоррупционной деятельности, а также на защите лиц, сообщивших о коррупции. В рамках реализации плана предусмотрено антикоррупционное просвещение и популяризация в обществе антикоррупционных стандартов, на Минобрнауки возложена обязанность открытия магистратуры по программе «Антикоррупционная деятельность». Помимо этого, даны поручения проработать направления по международному сотрудничеству в этой области, стимулированию волонтерского движения, применению цифровых технологий.

Направления, входящие в Национальный план, отвечают международным требованиям и, как показывает зарубежная практика, дают хорошие результаты. Так, прозрачность деятельности государственного аппарата, независимая и эффективная система правосудия, реализация строгих требований к высокопоставленным должностным лицам, в том числе касающихся их морально-нравственных качеств, со значительным увеличением их заработной платы, смена в госконтроле системы запрет-разрешение на стимулы и прочие меры позволили Швеции преодолеть процветание коррупции, достигнув одного из самых низких ее уровней в мире.

Сингапурская стратегия борьбы с коррупцией, основанная на строгом соблюдении установленных норм позволила стране подняться на одно из лидирующих мест по искоренению коррупции. Комплекс мер, предпринятый государством, направлен на строгий надзор за чет-

ким исполнением требований чиновничьим аппаратом и установление для каждого из них высоких этических стандартов, обеспечение независимости судебной власти, но ужесточение законодательных норм и введение экономических санкций за склонение к совершению коррупционных действий или отказ в сотрудничестве по антикоррупционному расследованию, предоставление свободы обжалования действий чиновников, ослабление отдельных бюрократических процедур и др.

Российские исследователи, обращавшиеся к вопросу борьбы с этим социально-экономическим явлением, выделяли приоритетные направления государственной антикоррупционной политики, часть из которых не потеряла своей актуальности в настоящее время.

Рассматривая более 10 лет назад историко-экономический анализ коррупции М.П. Гуров и А.И. Примакин пришли к обоснованному выводу, что в противодействии коррупции могут способствовать изменение законодательных норм, укрепление судебной власти, модернизация правоохранительных органов, уравнивание системы «сдержек» и «противовесов» между ветвями и основными институтами власти, совершенствование правил прохождения государственной службы, создание условий для эффективного контроля за распределением расходов бюджетных средств [9, с. 114].

Е.Р. Пудаков в качестве лидирующих направлений выделял: правовые, включая внедрение отдельных международных принципов, корректировку отечественного законодательства, ужесточение уголовных норм по коррупционным преступлениям; организационно-управленческие, среди которых превалировали активизация деятельности по борьбе с коррупцией и подготовка высококвалифицированных кадров; предупредительно-профилактические, включающие правовое просвещение, совершенствование образовательных стандартов, проведение конференций; развитие системы СМИ [10, с. 59–81].

Несмотря на низкие рейтинговые показатели, в России наметился верный путь преодоления коррумпированности государственных служащих и создания

условий и стимулов для укоренения честности, порядочности, неподкупности как образа жизни.

Обновление законодательных норм в данном направлении, перестройка механизма подбора, подготовки кадрового аппарата для государственной службы, судейского корпуса, правоохранительных органов, модернизация системы ограничений и мотиваций при прохождении ими службы, новаторство в контрольно-надзорных функциях, в том числе с привлечением IT-технологий, уже дают определенные результаты и будут в дальнейшем способствовать воспрепятствованию коррупционным намерениям.

В то же время, полагаем, ведущее место в настоящее время должны занять:

- ◆ воспитательно-просветительные меры, направленные на формирование у граждан, начиная с детского возраста, неприемлемости коррупционных проявлений и стремления способствовать предупреждению, пресечению и раскрытию такого рода преступлений;
- ◆ усовершенствование пропагандистско-разъяснительной деятельности с привлечением общественных объединений, граждан, включая молодежь и волонтерское движение, способствующей выработке в сознании людей стойкого неприятия коррупционного поведения и решимости при оказании помощи в борьбе с коррупцией;
- ◆ расширение открытости и прозрачности при осуществлении действий, способных привести к коррупционным проявлениям;
- ◆ гласность и доступность сведений о привлечении к ответственности лиц, заподозренных в совершении коррупционных правонарушений, принятых судебных решениях, возмещенных суммах и пр.

Комплексные меры, направленные на борьбу с таким антиобщественным проявлением как коррупция, способны привести к положительным результатам. Однако не следует ждать быстрого успеха. Чтобы достичь всеобщего осознанного понимания необходимости честности и порядочности в любых взаимоотношениях могут потребоваться годы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ожегов С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов; Под ред. Н.Ю. Шведовой. 16-е изд., испр. — М.: Рус. яз., 1984. — 797 с.
2. Советский энциклопедический словарь / Гл. ред. А.М. Прохоров. 2-е изд. — М.: Сов. энциклопедия, 1983. — 1600 с.
3. О состоянии преступности в России за январь — июль 2021 года. Генпрокуратура // URL: <https://procrf.ru/news/print/2410410-o-sostoyanii-korrupcionnoy-prestupnosti.html>
4. Генпрокурор объяснил рост числа выявленных коррупционных преступлений. РИА Новости. // URL: <https://ria.ru/20211209/prestupleniya-1762853535.html>

5. Россия в Индексе восприятия коррупции — 2021: 29 баллов и 136-е место. Трансперенси Интернешнл Россия // URL: <https://transparency.org.ru/research/indeks-voSPIriyatiya-korruptsii/rossiya-v-indeks-voSPIriyatiya-korruptcii-2021-29-balloV-i-136-e-mesto>
6. Состояние преступности в России. МВД РФ // URL: <https://мвд.рф/folder/101762>
7. Подразделения СК отправили за полгода в суд пять тысяч коррупционных дел. Российская газета 10.08.2021. // URL: <https://rg.ru/2021/08/10/podrazdeleniia-sk-otpravili-za-polgoda-v-sud-piat-tysiach-korruptsionnyh-del.html>
8. Указ Президента РФ от 16 августа 2021 г. № 478 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2021–2024 годы» // URL: <https://base.garant.ru/402619978/>
9. Гуров М.П., Примакин А.И., Коррупция в современной России как угроза безопасности государства: история и современность. // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России 2011. № 4 (52) с. 114.
10. Пудаков Е.Р. Государственная политика Российской Федерации по противодействию коррупции. / Е.Р. Пудаков; БИСТ (филиал) ОУП ВО «АТиСО». — Уфа: Изд-во Башкирского института социальных технологий (филиала) Образовательного учреждения профсоюзов «Академия труда и социальных отношений», 2015. — 166 с.

© Гусева Ирина Ивановна (guseva-ir@mail.ru), Зубков Владимир Николаевич (zvladimir-z@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВЮИ ФСИН России

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ТРАНСГРАНИЧНОЙ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ

THEORETICAL ASPECTS OF CROSS-BORDER INSOLVENCY

**M. Zhovtonozhko
D. Belyaev**

Summary. The article is devoted to the analysis of theoretical approaches to the definition of cross-border bankruptcy. Until now, the contradictions between the two main conceptual approaches — universalistic and territorial to cross-border insolvency — have not been resolved. In this regard, an average approach was developed — a modified universalism, on the basis of which the main legal documents in the field of cross-border insolvency were created. However, even this averaged approach faces criticism of the appropriateness of its use and application. The article discusses the relationship of these concepts and concludes on the appropriateness of their application.

Keywords: cross-border bankruptcy, universalism, territorialism, modified universalism, lex fori concursus.

Жовтоножко Максим Алексеевич

Финансовый университет при Правительстве РФ,
г. Москва
maxsim-sev02@mail.ru

Беляев Даниил Александрович

Финансовый университет при Правительстве РФ,
г. Москва
da_belyaev@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу теоретических подходов к определению трансграничного банкротства. До сих пор не разрешены противоречия между двумя основными концептуальными подходами — универсалистским и территориальным к трансграничной несостоятельности. В связи с этим был разработан усредненный подход — модифицированный универсализм, на основе которого были созданы основные правовые документы в области трансграничной несостоятельности. Однако, даже данный усредненный подход сталкивается с критикой целесообразности его использования и применения. В статье рассматриваются соотношения данных концепций и делается вывод о целесообразности их применения.

Ключевые слова: трансграничное банкротство, универсализм, территориализм, модифицированный универсализм, lex fori concursus.

Законодательство о банкротстве, чаще всего, является отражением экономического развития во всех частях мира. Экономика всегда играла ключевую роль в развитии законодательства о банкротстве, поскольку несостоятельность — это явление, которое в равной степени можно рассматривать как с юридической, так и с экономической точки зрения. Двойственность природы данного явления отражена и в наиболее распространенном определении: несостоятельность (банкротство) — признанная судом или иным уполномоченным органом неспособность должника расплатиться по своим обязательствам.

Следует отметить, что существует позиция, согласно которой законодательство о банкротстве также является отражением всех особенностей страны и развитости правовой культуры, из чего следует, что несостоятельность или банкротство — это многомерное явление, а не только экономико-правовое. Однако, в любом случае, несостоятельность — это сложное явление, при исследовании которого требуется учитывать различные факторы, благодаря которым представляется возможным более точно определить первоосновы банкротства физического или юридического лица, среди которых: личные качества должника, уровень закре-

дены рыночные условия (которые представляют собой подмножество факторов), а также наличие всех денежных активов лица и его производственные возможности.

Необходима достаточная информация о вышеперечисленных характеристиках субъекта несостоятельности, чтобы проверить их и дать точную оценку данному лицу, однако очень часто всю необходимую и интересующую информацию о хозяйственном субъекте не представляется возможным получить в силу наличия принципа конфиденциальности. Таким образом, можно легко сказать, что несостоятельность хозяйствующего субъекта — это трудноустанавливаемое юридическое понятие, которое может быть подтверждено при наличии определенных элементов.

В наше время все меняется с огромной скоростью. Влияние экономики на законодательство о банкротствах огромно. При этом, подходы к пониманию несостоятельности очень часто имеют циничный окрас. Например, существует мнение, что несостоятельность сама по себе не обязательно является негативным фактором, поскольку экономический рост по своей сущности требует свертывания некоторых нерентабельных видов де-

тельности, чтобы освободить место для новых, и поэтому неудачные проекты и замена нерентабельных фирм должны рассматриваться как фундаментальный элемент экономического роста [1].

Необходимо отметить, что несостоятельность — это коллективное производство. Существенными элементами несостоятельности в каждом национальном законодательстве являются упорядоченное выявление имущества должника, проверка требований кредиторов и распределение делимого имущества должника для удовлетворения этих требований в соответствии с законодательно установленными правилами.

Индивидуальные частные права контрагентов хозяйствующего субъекта, в случае его ликвидации, трансформируются в возможность участия в коллективном управлении, а в случае реорганизации влияют на позицию кредитора при коллективном утверждении плана [2].

При наличии в деле о банкротстве иностранного элемента, имеет место так называемая «трансграничная несостоятельность». В случае трансграничной несостоятельности поднимаются основные вопросы международного частного права: выбор суда (вопрос юрисдикции); признание и исполнение судебных решений, выбор права (применимое право). При этом судебная практика, сложившаяся в национальных правовых системах в отношении решения данных вопросов, часто сильно различается.

Вышеуказанные различия являются основной причиной проблем, которые возникают в делах о трансграничном банкротстве. Нахождение чего-то общего в национальных законах, а также их унификация, являются сложными задачами. Гармонизация норм рассматривается как «более легкая» задача, однако представляется, что это не совсем так, поскольку в мировой юридической практике очень мало примеров «успешных» международных документов, которым после долгих лет неудач удалось гармонизировать некоторые области законодательства [3]. Кроме того, даже тогда интерпретация гармонизированных правил национальными судами часто давала разные результаты.

В связи с этим, регулирование проблемы трансграничного банкротства представляется сложной задачей. Для ее решения выдвигались две противоположные теории: теория универсализма и теория территориализма. Универсализм предполагает единство банкротства: одно производство для каждого несостоятельного должника, где бы ни находились его кредиторы и/или активы. Каждый суд будет вести производство по делу о трансграничной несостоятельности, применяя *lex fori concursus*

(право государства банкротства субъекта), то есть свои собственные правила, регулирующие открытие, ведение, и завершение производства по делу о несостоятельности, а все решения будут иметь силу во всех странах, где находятся активы должника [4]. Основными преимуществами универсализма являются повышенная предсказуемость, снижение издержек и рисков, а также гарантированно равная защита всех кредиторов.

Территориальный подход предполагает множественность производств по делам о несостоятельности: для каждого должника открыто столько производств по делам о несостоятельности, сколько стран, в которых находятся его активы на момент открытия дела о его несостоятельности. Каждое судебное производство включает и управляет только активами, находящимися на его территории, применяет свое собственное законодательство о несостоятельности и к судопроизводству допускает участие только местных кредиторов, «практически не принимая во внимание иностранные производства в отношении того же должника» [4]. Теория территориализма подчеркивает важность различий между национальными правовыми режимами и указывает на то, что применение формального универсалистского подхода можно было бы рассматривать как вмешательство во внутреннюю политику и нарушение государственного суверенитета.

Дискуссия об универсализме и территориализме кажется бесконечной, она длится на протяжении долгого времени с необычайной интенсивностью. Тем не менее, ситуация изменилась за период в несколько десятилетий — стало очевидным несовершенство обеих теорий (что в дальнейшем поставило вопрос о разработке новой, усредненной теории).

Универсализм способствует достижению целей законодательства о несостоятельности, то есть эффективности и справедливости, а также равного отношения к кредиторам, оказавшимся в схожей ситуации. Для обеспечения эффективности и справедливости в рамках универсалистской модели государства должны отказаться от суверенитета в делах о трансграничной несостоятельности, что является трудновыполнимым [4].

Вполне справедливо отмечается, что чистый универсализм не может быть реализован без принятия международной конвенции, также предполагается, что он был бы недостижим в нынешних мировых условиях. Утверждается, что переход к «идеальному» универсализму «может занять десятилетия или даже столетия». «Остается только ждать появления «нового мирового общества» — и, по сути, мирового правительства, способного урегулировать несостоятельность хозяйствующих субъектов» [5].

Одним из последствий универсализма является повсеместное применение *lex fori concursus*. Соответственно, применяемые в результате использования такой коллизионной привязки нормы о распределении активов несостоятельного должника могут не рассматриваться кредиторами в других странах (кроме той, где открыто производство по делу о несостоятельности) как благоприятные для удовлетворения их требований, поскольку данные нормы часто предполагают применение местного законодательства.

Государствам зачастую трудно, если не невозможно, согласиться с тем, что законодательство о несостоятельности какого-либо другого государства (а именно это законодательство зачастую является *lex fori concursus*) будет устанавливать приоритетность удовлетворения требований из имущественной массы, где бы эти требования ни возникли. Многим государствам (и их судам) трудно изменить свое прежнее отношение к трансграничной несостоятельности, поскольку государства не могут смириться с тем, что местные нормативно-правовые акты не будут применяться при распределении местных активов.

Однако, при этом, территориальный подход кажется недостаточным для решения особых проблем трансграничной несостоятельности в связи с тем, что «территориальный подход может оказаться контрпродуктивным для реорганизации или эффективной ликвидации целой международной компании, если каждая юрисдикция будет рассматривать только часть дела», а также множественность процедур увеличивает затраты и затрудняет достижение полной продажи активов или реструктуризации бизнеса в целом [6].

Противники теории территориализма часто задаются вопросом, зачем разрешать параллельное производство по делу о несостоятельности. В качестве основных причин выдвигаются следующие: дань уважения национальным судам, обладающим юрисдикцией в отношении активов, расположенных в их государствах, а также оправдание ожиданий национальных кредиторов, что их права будут регулироваться внутренним законодательством о несостоятельности. Утверждается, что параллельное производство необходимо для того, чтобы воспрепятствовать нарушению суверенитета других государств [7].

В связи с отсутствием единого мнения о том, какой подход является наиболее приемлемым, был разработан «средний» подход к регулированию трансграничной несостоятельности — модифицированный универсализм. Модифицированный универсализм, похоже, почти везде в настоящее время является доминирующим подходом для решения проблемы трансгранич-

ной несостоятельности. Именно на основе модифицированного универсализма велась работа по созданию «Европейской конвенции»: Конвенции Европейского союза о производстве по делам о несостоятельности 1995 года» [8]; (Европейская конвенция — так и не вступила в силу, в итоге ее положения были закреплены в Регламенте Совета Европейского Союза 1346/2000 от 29 мая 2000 г. О процедурах банкротства [9]. Именно этот подход был избран в рамках Типового закона ЮНСИТРАЛ о трансграничной несостоятельности 1997 года [10]. Он был предложен американскими учеными 25 лет назад, как лучшее промежуточное решение на пути к оптимальному решению — «истинному/идеальному универсализму».

Модифицированный универсализм представляет собой компромиссный вариант между универсализмом и территориализмом, по сути своей данная теория берет за основу теорию универсализма, но делает ее применимой на практике, модифицирует ее за счет использования элементов, свойственных территориализму. Данный подход предполагает наличие основного производства (главного производства, в котором суд уполномочен распоряжаться всеми активами должника, в том числе за рубежом), но при этом оставляет возможность возбуждать вторичные производства в иных государствах, в рамках которых участвуют только местные кредиторы и местные активы [11].

В последние годы были выдвинуты и другие предложения о возможностях регулирования трансграничной несостоятельности. Одним из них является «универсальный процессуальный подход или универсальный процессуализм». Этот подход основан на принципе выбора права, который его сторонники называют «виртуальной территориальностью» [12].

Согласно этому предложению, «цель состоит в том, чтобы облегчить дело о банкротстве, управляемое в центре основных интересов должника (COMI), которое процессуально является глобальным, но фактически — территориальным». Универсальный процессуализм предполагает возбуждение основного (и единственного) производства, в рамках которого к различным иностранным активам и кредиторам применяется иностранное право, как если бы были возбуждены вторичные производства. Таким образом, универсальный процессуализм от модифицированного универсализма отличается тем, что вторичные производства фактически не возбуждаются, а имитируются внутри единого производства. Сторонники модифицированного универсализма верят в режим «одно дело по одному закону», а сторонники универсального процессуализма — в режим «одно дело по многим законам».

Сторонники универсального процессуального подхода обвиняют модифицированный универсализм в «асимметричной вежливости». Они утверждают, что «это улица с односторонним движением», значит, согласно этому подходу, суды вспомогательной юрисдикции должны подчиняться суду страны происхождения, даже если кредиторы получают там существенно иное отношение. Сторонники универсального процессуального подхода считают, что в отличие от этого суд основной юрисдикции будет применять только свое право и не будет делать ничего, чтобы минимизировать различия в результатах.

Но это парадоксальный аргумент. Уважение основного производства путем применения принципа вежливости не означает, что суды вспомогательной юрисдикции отдают что-то, чтобы получить что-то взамен. Это означает, что они способствуют упорядоченному управлению банкротством и что в аналогичных делах они ожидают, что суды других стран будут делать то же самое (хотя такое подразумеваемое ожидание взаимности не является формальным требованием, это лишь надежда).

Также не совсем понятно, почему сторонники универсального процессуализма утверждают, что модифицированный универсализм создает «порочный круг выбора права». По такой логике, осуждению подвергается сама возможность выбора применимого права, свойственная международному частному праву, благодаря которой применимым правом в определенных вопросах будет иностранное право, а в случае банкротств — не обязательно *lex fori concursus*.

Конечно, модифицированный универсализм работает лучше всего, если режимы банкротства заинтересованных стран согласованы, однако это не так просто сделать, но сказать, что «модифицированный универсализм сам по себе создает стимул для юрисдикционной дифференциации и закладывает семена собственного поражения» — это преувеличение [13]. Это означало бы, что режимы банкротства будут меняться из-за страха, что в случае трансграничного банкротства им придется сотрудничать в соответствии с теорией модифицированного универсализма.

С другой стороны, есть и другие мнения, которые резко высказываются о модифицированном универсализме. Так, утверждается, что, позволяя вспомогательным судам сохранять свое право применять собственное законодательство и защищать своих местных кредиторов, модифицированный универсализм является территориалистическим по своей природе, и в этом его недостаток. Предсказуемость, которую гарантирует чистый универсализм, при применении модифицированного универсализма приносится в жертву, поскольку «режим или режимы, которые в конечном итоге будут распреде-

лять активы должника, могут зависеть от страны, в которой эти активы находятся на момент банкротства».

Кроме того, отмечается, что модифицированный универсализм не решает проблему «forum shopping» (проблему выбора «удобного» суда), которая считается одним из главных зол чистого универсализма [14].

Поэтому был предложен другой подход — «кооперативный территориализм». Согласно этому подходу, каждая страна может открыть и вести свое собственное дело о банкротстве, применяя каждый свое собственное законодательство. Ни одно из этих дел не может считаться основным или вспомогательным делом. При этом в отличие от традиционного территориализма, кооперативный территориализм предполагает сотрудничество юрисдикций, в которых возбуждены параллельные производства, в целях эффективного распределения конкурсной массы, путем заключения специальных протоколов [11].

Как было заявлено, «ни у одной страны нет желания признавать иностранную власть над национальными активами или жертвовать интересами местных должников или кредиторов в конкретных делах. Устранение этого универсалистского противоречия закладывает основу, которое будет взаимовыгодным в каждом конкретном случае, необходимую для сотрудничества между судами и представителями» [11].

Хотя кооперативный территориализм может иметь некоторые преимущества, например, то, что он решает проблему «основной» страны и обеспечивает большую предсказуемость для кредиторов, он все равно кажется слишком оптимистичным подходом, учитывая тот факт, что подход, на котором он основан, не подразумевает сотрудничества.

В настоящее время высказывается мнение, что модифицированный универсализм может стать нормой обычного международного права [4]. Однако такая возможность кажется сомнительной.

Утверждается, что «мы являемся свидетелями постепенного воссоединения частного и публичного международного права как в теории, так и на практике» [4]. Также указывается, что речь идет не о слиянии международного частного права и международного публичного права, а о «международно-ориентированной миссии международного частного права», которое «должно продолжать развиваться» и учиться у международного публичного права [4].

Тем не менее, возникает вопрос, будет ли это чем-то новым. По крайней мере, в странах континентальной

Европы международное частное право никогда не было действительно национально-ориентированным, применение иностранного права было и остается почти всегда гарантированным, если на это указывают нормы международного частного права. Исключение публичного порядка используется только в особых обстоятельствах. Напротив, в странах общего права (конечно, с многочисленными различиями между ними) международное частное право очень часто указывает на *lex fori* как на применимое право.

Различные подходы к выбору применимого права, очевидно, определяются различными правовыми традициями. Если применимым правом является иностранное право, то очевидно, что очень трудно, если не невозможно, его действительно применить в случае трансграничного банкротства, где ставки чрезвычайно высоки.

Даже в европейских континентальных странах до вступления в силу Регламента 1346 существовали разногласия относительно применения иностранного законодательства в случае несостоятельности, не ограниченной одной страной.

Например, Франция и Германия (и ряд других стран) хотели, чтобы их решения по делам о несостоятельности имели универсальную силу, но отказывали в такой силе иностранным решениям по делам о несостоятельности и, соответственно, отказывались признавать их и применять иностранное право, например, путем отказа в передаче активов, находящихся на их территории, иностранному управляющему в соответствии с нормами иностранного *lex fori concursus*. Они поддерживали методы универсализма и территориализма, в отношении внутренней и внешней несостоятельности соответственно. Напротив, Греция была среди тех (довольно немногих) стран, которые признавали иностранную несостоятельность и, следовательно, применяли иностранный *lex fori concursus*. Очевидно, что модифицированный универсализм является скорее недостатком для этих стран: их международное частное право действительно имело международно-ориентированную миссию, которая постепенно была ограничена из-за регулирующих норм Регламента 1346 и принятия законодательства, включающего положения Типового закона.

Как было сказано выше, модифицированный универсализм не решает проблему «forum shopping». Однако, научное сообщество имеет различные позиции по вопросу того, является ли концепция «forum shopping» проблемой — как положительные, так и отрицательные. Те, кто выступают против использования данной концепции, утверждают, что во внедоговорных условиях «forum shopping» является проблематичным

и таит в себе опасности. Те, кто выступает за его использование, утверждают, что принцип обладает многими неочевидными достоинствами на глобальном уровне. Однако, аргументы против применения данной концепции в современной международной системе кажутся более убедительными.

Концепция «forum shopping» может нанести вред в процессе производства по делу о несостоятельности ввиду того, что последствия, благоприятно влияющие на одну сторону, имеют неблагоприятное влияние для другой стороны. Кроме того, это снижает правовую определенность производства, поскольку применимое законодательство может быть изменено [15]. Отсутствие правовой определенности дает возможность самим должникам или руководителям компаний, находящихся в тяжелом положении, пренебрегать правомерным использованием концепции из-за различий между различными законами о несостоятельности. Когда должник выбирает юрисдикцию и, следовательно, применимое право (наиболее благоприятное для собственных интересов), существует возможность, что некоторые кредиторы могут пострадать от этого выбора. Скрытые правовые нюансы в силах вызвать неожиданные денежные расходы и обязательства, дискриминацию между внутренними и иностранными кредиторами, изменения характера выплат [16].

Концепция «forum shopping» имеет большой простор для злоупотребления правом. Так, должники или директора компаний могут поставить кредиторов в чрезмерно невыгодное процессуальное положение, выбрав юрисдикцию, которая позволит им избежать личной ответственности или затянуть производство.

Концепция «forum shopping» содержит две наиболее часто применяемых стратегий использования. Первая — должник стремится перенести свой зарегистрированный офис в другую страну. Вторая стратегия — корпоративный должник переносит свой административный центр управления за границу, но оставляет за собой зарегистрированный офис.

В США использование концепции «forum shopping» при рассмотрении дел о банкротстве стало обычным делом. «Начиная с 1990 года, выбор места проведения банкротства привел к неожиданной динамике. В течение шести лет почти 90 процентов всех крупных публичных компаний, подающих иски о банкротстве в США, подавали иски в штате Делавэр» [17].

Стоит отметить, что данная концепция имеет место только в случаях, когда суд применяет собственное законодательство в делах о должниках, имеющих лишь ограниченную связь с юрисдикцией суда.

ЛИТЕРАТУРА

1. Kammel AJ (2008) The law and economics of corporate insolvency — some thoughts. In: Omar P (ed) International insolvency law. Themes and perspectives. Routledge, London and New York, pp 61–79
2. Mason R (2008) Cross-border insolvency law: where private international law and insolvency law meet. In: Omar P (ed) International insolvency law. Themes and perspectives. Routledge, London and New York, pp 27–60
3. Anderson K (2000) The cross-border insolvency paradigm: a defence of the modified universal approach considering the Japanese experience. *Univ Pa J Int Econ Law* 21:679–779
4. Mevorach I (2018a) The future of cross-border insolvency. Overcoming biases and closing gaps. Oxford University Press
5. LoPucki LM (2000) The case for cooperative territoriality in international bankruptcy. *Mich Law Rev* 98:2216–2251
6. Mevorach I (2014) Cross-border insolvency of enterprise groups: the choice of law challenge. *Brooklyn J Corp Financ Commer Law* 9:226–249
7. Pottow JAE (2006) Greed and pride in international bankruptcy: the problems of and proposed solutions to “local interests”. *Mich Law Rev* 104:1899–1949
8. «Европейская конвенция»: Конвенция Европейского союза о производстве по делам о несостоятельности 1995 года». Режим доступа: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/A-4-1999-0234_EN.html#title1
9. Регламент Совета Европейского Союза 1346/2000 от 29 мая 2000 г. О процедурах банкротства. Режим доступа: <https://base.garant.ru/2570577/>
10. Типовой закон ЮНСИТРАЛ о трансграничной несостоятельности (1997 год). Режим доступа: <https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/ru/1997-model-law-insol-2013-guide-enactment-r.pdf>
11. Мохова Е.В. Модификации традиционных доктрин правового регулирования трансграничной несостоятельности юридических лиц: проблемы и перспективы реализации в международном праве / Е.В. Мохова // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2007. № 8. С. 102–109.
12. Janger EJ (2007) Universal proceduralism. *Brooklyn J Int Law* 32:819–849
13. Moss G (2007) Group insolvency — choice of forum and law: the European experience under the influence of English pragmatism. *Brooklyn J Int Law* 32:1005–1018
14. Mevorach I (2013) Forum shopping in times of crisis: a directors’ duties perspective. *Eur Company Financ Law Rev* 10:523–553
15. McCormack G (2014) Bankruptcy forum shopping: the UK and US as venues of choice for foreign companies. *Int Comp Law Q* 63:815–842
16. Almaskari BJ (2016) Towards legal certainty: European cross-border insolvency law and multinational corporate groups. Thesis submitted for the degree of Doctor of Philosophy at the University of Leicester School of Law
17. LoPucki L (2005) *Courting failure: how competition for big cases is corrupting the bankruptcy courts*. University of Michigan Press, Ann Arbor, MI

РОЛЬ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ В ИНФОРМАЦИОННЫХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ

THE ROLE OF STATE BODIES IN INFORMATION LEGAL RELATIONS

**I. Kondratiev
S. Kudina
A. Simonov**

Summary. The article examines the legal nature of relations in the information sphere, analyzes their signs and structure, identifies the qualitative features of legally regulated relations in the information sphere, assesses the independence and self-sufficiency of information legal relations in the general system of Russian law.

Keywords: legal relationship, information law, regulatory legal act, content, information legal relationship.

Кондратьев Иван Анатольевич

Санкт-Петербургский политехнический
университет им. Петра Великого
kondrvanya@ya.ru

Кудина София Игоревна

Московский государственный университет имени
М.В. Ломоносова
skmsu@ya.ru

Симонов Алексей Андреевич

Санкт-Петербургский политехнический
университет им. Петра Великого
alsim_alexa@mail.ru

Аннотация. В статье исследуется правовая природа отношений в информационной сфере, анализируются их признаки и структура, выявляются качественные особенности урегулированных законом отношений в информационной сфере, оценивается самостоятельность и самодостаточность информационных правоотношений в общей системе российского права.

Ключевые слова: правоотношение, информационное право, нормативно-правовой акт, содержание, органы местного самоуправления, информационное правоотношение, государственные информационные системы, органы местного самоуправления.

Глобальные процессы всеобщей информатизации и цифровизации, получившие широкое распространение с начала XXI века, оказали, среди прочего, серьезное воздействие на многие сферы правового регулирования. Представляется, что подобное воздействие обозначилось двойственным образом: информационные процессы, во-первых, повлияли на содержание уже действовавших законов, и, во-вторых, предопределили становление новых институтов и даже отраслей права. В частности, в отечественной правовой системе появилось информационное право. Разумеется, указанная отрасль имеет собственное содержание, которое составляют, в том числе, информационные правоотношения — предмет настоящего исследования.

Актуальность выбранной темы обуславливается стремительным развитием информационного права в современную эпоху, и, следовательно, количественным и качественным расширением понятия правоотношений в информационной сфере. Так, например, широкое распространение получили государственные информационные системы, на основе которых формируются новые взаимосвязи между органами государственной власти, органами местного самоуправления, гражданами и др. Так, например «Министерство иностранных дел Российской Федерации использует информационную систему «Автоматизированная система оформления приглашений иностранных граждан на территорию Российской Федерации Министерства иностранных дел России».

Данная информационная система создана с целью реализации полномочий Министерства иностранных дел Российской Федерации, следовательно, она относится к государственной. Очевидна роль информационных отношений в контексте становления рынка, предоставляющего информацию как самостоятельный продукт, объект потребления. Более того, в последнее время учеными-правоведами все более настойчиво высказывается позиция о признании законом информации как самостоятельного объекта гражданско-правового регулирования [8]. Представляется, что приведенные примеры объясняют необходимость серьезного изучения проблематики правоотношений в информационной сфере.

Правоотношения в информационной сфере, несомненно, являют собой новое слово в юридической науке, в законодательном регулировании, в практике правоприменения, а также в человеческих взаимоотношениях. Однако, прежде чем анализировать означенную тему, необходимо определиться с «универсалиями» и исследовать юридическую природу самого правоотношения. Указанная категория является центральной для большинства юридических дисциплин как отраслевого, так и общетеоретического характера. Примечательно, что содержания понятий правоотношения в отраслевых дисциплинах юриспруденции полностью не совпадают друг с другом, что обусловлено спецификой отраслей права. В связи с этим предлагаем обратиться к классическому определению правоотношения, сформулированному в общей теории права, которое будем использовать применительно к предмету настоящего исследования. Как указывает современный выдающийся теоретик права Л.А. Морозова, «правоотношения в широком смысле определяются как общественные отношения, урегулированные нормами права. Они суть юридическая связь между субъектами данного отношения» [9]. Из приведенной дефиниции представляется возможным вывести общие признаки, характеризующие любое правоотношение. Во-первых, правоотношение возникает вследствие воздействия норм законодательства на поведение людей. Иными словами, до тех пор, пока сложившееся общественное отношение не найдет своего нормативного закрепления, оно не приобретет статус правоотношения. Во-вторых, правоотношение мыслится как волевое отношение. Данный признак означает, что для возникновения конкретного правоотношения требуется, чтобы его потенциальные субъекты выразили свою волю на вступление в него. В-третьих, неотъемлемым признаком любого правоотношения выступает его содержание. В науке существует множество точек зрения относительно элементов правоотношения; при этом, едва ли найдется несколько позиций, которые не признают содержание правоотношения его самостоятельным элементом. Содержание правоотношения — это права и обязанности его субъектов (участников). Нако-

нец, в-четвертых, правоотношение сохраняет индивидуализированную связь между субъектами. Его участники практически всегда конкретны. Вышеприведенные признаки будут использованы при характеристике правоотношений в информационной сфере. Таким образом, правоотношение выступает результатом воздействия на общественные отношения определенных правовых норм. Оно представляет собой самостоятельную (наряду с иными) форму правореализации, когда абстрактная модель возможного или должного общественного отношения, закрепленная в правовой норме, обретает характер персонально определенной юридической связи между участниками означенного отношения [13].

В соответствии с уже упомянутым тезисом, общественные отношения в информационной сфере обрели статус самостоятельного, юридически оформленного правового отношения сравнительно недавно. Становление исследуемых правоотношений произошло, как представляется, с принятием Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» как системообразующего нормативного правового акта в системе информационного права. Впоследствии, с принятием иных законов и подзаконных актов в исследуемой сфере правового регулирования, содержание данных отношений только расширялось. Так, например, принятие Федерального закона «О персональных данных» обусловило возникновение информационных правоотношений между оператором персональных данных и их субъектом (носителем) по поводу конфиденциальной информации последнего [2]. Постановление Правительства РФ от 10.07.2013 г. № 583 определило содержание информационных отношений между гражданами и публичными органами, наделенными властными полномочиями, по поводу обеспечения доступа к их актуальной деятельности [4].

Представляется необходимым исследовать категорию информационного правоотношения с точки зрения вышеизложенных критериев правовых отношений, что позволит оценить его самостоятельность в системе современного российского права. Так, первым руководящим критерием правоотношения выступает воздействие норм права на то или иное общественное отношение. В контексте сложившихся человеческих отношений в информационной сфере указанный признак представляется действующим. В самом деле, большинство рассматриваемых отношений урегулированы положениями информационного законодательства. Достаточно обратиться внимание на ст. 1 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», которая указывает на то, что данным законом регулируются отношения, возникающие при осуществлении права на поиск, получение, передачу, производство и распространение информации; применении

информационных технологий; обеспечении защиты информации. Следующим важным признаком любого правоотношения является выражение его участниками воли на вступление в подобное отношение, а также на приобретение соответствующих прав и обязанностей. Анализ действующего информационного законодательства позволяет заключить, что данный признак также присущ правоотношениям в информационной сфере. К обязательным признакам правоотношения относится его содержание, которое традиционно определяется как совокупность прав и обязанностей его участников. Анализ законодательной базы свидетельствует о том, что данный признак присущ также информационным правоотношениям. Так, в соответствии с ч. 2 ст. 8 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» гражданин вправе получать от органов государственной власти, органов местного самоуправления, их должностных лиц информацию, непосредственно затрагивающую его права и свободы. Содержание приведенного правоотношения составляет право физического лица на доступ к информации и корреспондирующая ему обязанность публично-властного органа предоставить подобную информацию [1]. Ст. 38 Федерального закона «О средствах массовой информации» закрепляет содержание схожего правоотношения, складывающегося между гражданином и органом государственной власти, органом местного самоуправления, их должностными лицами: гражданин имеет право на оперативное получение достоверных сведений о деятельности данных органов через средства массовой информации, а публичные органы, в свою очередь, обладают обязанностью своевременно предоставить означенные сведения СМИ [3]. Наконец, как было отмечено, правоотношение сохраняет индивидуализированную связь между субъектами. Думается, что анализ законодательства и правоприменительной практики не позволит в полной мере охарактеризовать этот признак применительно к информационным правоотношениям. Отметим, что индивидуализированную связь субъектов правоотношения не представляется возможным проиллюстрировать на основе нормативного материала практически в любом правоотношении, поскольку нормативный правовой акт распространяется на неопределенный круг лиц. Тем не менее, отдельные нормы, указывающие на наличие признака индивидуализации в информационных правоотношениях, все же можно обнаружить. Так, обращаясь к содержанию Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» следует обратить внимание на ст. 6, определяющую содержание категории обладателей информации. Данная норма по сути являет собой конкретизацию участников информационных правоотношений, к которым относятся граждане, юридические лица и публично-правовые образования. Более подробное «означивание» соответствующих участников про-

исходит в рамках конкретного, реально сложившегося общественного отношения, урегулированного нормами информационного права.

Применив признаки правоотношений к исследуемым отношениям в информационной сфере, удалось выяснить, что последние имеют самостоятельность и самодостаточность, что позволяет отграничить их от иных урегулированных законом отношений (административных, уголовных и др.). Представляется необходимым обозначить структуру информационного правоотношения. Как и любое другое, правоотношение в информационной сфере состоит из субъекта, объекта и содержания [12]. Субъект как первый элемент информационного правоотношения уже был обозначен выше. Его характеристика широким образом определена в ст. 6 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». В научных исследованиях данный субъект нередко именуется «носителем информационных прав и обязанностей» [7]. Объект информационных правоотношений выглядит несколько сложнее. Диспозиция ст. 5 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» сообщает о том, что объектом регулируемых законом отношений (т.е. информационных правоотношений) является информация. А используя ст. 2 того же закона, можно заключить, что объект информационных правоотношений представляет собой сведения, сообщения, данные независимо от формы их представления. Разумеется, в зависимости от конкретных отношений в информационной сфере характеристика их объекта будет более подробной; объектом соответствующих отношений могут быть сведения о деятельности органов государственной власти, персональные данные, сведения, представленные в декларациях и отчетности и т.д. Содержание информационных правоотношений также было охарактеризовано. Примечательно, что содержание является не только структурным элементом информационного правоотношения, но и его признаком. Напомним, содержанием правоотношения принято считать права и обязанности его участников.

Обозначив признаки и элементы информационного правоотношения, представляется необходимым проанализировать его качественные, индивидуальные особенности. На этот счет в науке информационного права существует несколько позиций. Так, одной из особенностей информационных отношений выступает то, что они опосредуют государственную политику признания, соблюдения и защиты информационных прав и свобод человека и гражданина в информационной сфере [7]. Немаловажной отличительной чертой информационных правоотношений выступает теснейшая взаимосвязь их субъектов. Дело в том, что сотрудничество является одной из руководящих целей правоотношений в инфор-

мационной сфере. Данное явление объясняется спецификой объекта информационных правоотношений, которым выступает собственно информация в той или иной форме. В этом смысле некоторые информационные правоотношения выступают предпосылкой иных урегулированных законом общественных отношений, например, гражданско-правовых [11]. Особый интерес представляет объект информационных правоотношений, который также придает им специфический статус. Так, информация — объект информационных правоотношений в широком смысле — обладает возможностью одновременно находиться у неограниченного круга лиц, не потребляется (не уничтожается) при ее использовании [10]; информация есть нематериальное благо, имеющее внешнюю форму выражения. Таким образом, правоотношения в информационной сфере обладают отличительными особенностями, позволяющими отграничить их от иных, в том числе и смежных, урегулированных законом общественных отношений. Как представляется автору исследования, некоторые из указанных признаков могут быть включены в структуру информационного правоотношения.

Исследование правовой природы общественных отношений в информационной сфере представляется недостаточным без анализа соответствующей правоприменительной практики. В контексте изучаемой проблематики предлагаем обратиться к актам Высших судов РФ. Так, п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2010 г. N16 «О практике применения судами Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» закрепляет перечень нормативных актов, которыми осуществляется правовое регулирование общественных отношений, касающихся свободы слова и свободы массовой информации, являющихся, таким образом, информационными правоотношениями [5]. В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 г. N10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» определяются отношения, связанные с переходом, предо-

ставлением, прекращением, осуществлением и защитой прав на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации [6]. Думается, что приведенные примеры свидетельствуют о признании судебной системой РФ отношений в информационной сфере в качестве самостоятельных правоотношений с собственными структурой и содержанием.

Подводя итог настоящего исследования, отметим, что в настоящее время представляется возможным говорить как в науке права, так и в практике правоприменения о правоотношениях в информационной сфере. Последнее, как удалось выяснить, обладают признаками законодательной регламентации, волевого участия субъектов, содержания как совокупности прав и обязанностей участников, а также индивидуализации субъектов. Кроме того, были выявлены качественные особенности информационных правоотношений, как то: сотрудничество субъектов правоотношения как одна из его целей, «предпосылочный» характер некоторых подобных правоотношений, специфический статус информации как объекта исследуемых отношений. По мнению автора исследования некоторые из данных свойств информационных правоотношений подлежат дополнительному исследованию для возможного дальнейшего их включения в структуру такого правоотношения. Кроме того, информационные правоотношения уже оформились как самостоятельные урегулированные законом отношения, поэтому рассматривать их в рамках другого общественного отношения (гражданского, административного, иного), как предлагают некоторые исследователи, видится не вполне обоснованным. Были выявлены основные взаимодействия и методы регулирования прав и свобод граждан с органами государственной власти, органами местного самоуправления, их должностными лицами с применением информационных технологий. Активное развитие информационного законодательства и правоприменительной практики должны стимулировать научное сообщество к исследованию проблематики правоотношений в информационной сфере.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Российская газета от 29.07.2006 г., № 0 (4131).
2. Федеральный закон от 27.07.2006 г. N152-ФЗ «О персональных данных» // Российская газета от 29.07.2006 г., № 0 (4131).
3. Федеральный закон от 27.12.1991 № 2124-1 «Закон о средствах массовой информации» // Российская газета от 28.11.2007 г.
4. Постановление Правительства Российской Федерации от 10 июля 2013 г. N583 «Об обеспечении доступа к общедоступной информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» в форме открытых данных» // Российская газета от 29.07.2013 г.
5. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2010 г. N16 «О практике применения судами Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» // Российская газета от 18.06.2010 г., № 132 (5211).
6. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.04.2019 г. N10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета от 06.05.2019 г., № 96 (7854).

7. Амиржан К.Ж. Информационные правоотношения: общетеоретический аспект // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2017. № 1 (50). С. 31–35.
8. Лебедева Д.С., Яценко А.О. Информация как объект гражданского права // Ученые записки Крымского Федерального Университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2017. № 3 (69). С. 163–163.
9. Морозова Л.А. Теория государства и права: учебник / Л.А. Морозова. — 4-е изд., перераб. и доп. — М.: Эксмо, 2010. — 510 с.
10. Муслимов Ш.Р. Некоторые особенности объекта правоотношений в информационной сфере // Аллея науки. 2017. № 2 (10). С. 614–619.
11. Федосеев А.А. Принцип взаимного информационного сотрудничества сторон правоотношения в российском гражданском праве // Право и государство: теория и практика. 2020. № 7 (187). С. 6–8.
12. Чеботарева А.А. Информационное право: учеб. пособие / А.А. Чеботарева. — М.: Юридический институт МИИТа, 2014. — 160 с.
13. Шаблова Е.Г. Правоведение: учеб. пособие / Е.Г. Шаблова, О.В. Жевняк, Т.П. Шишулина; под общ. Ред. Д-ра юрид. наук, проф. Е.Г. Шабловой. — Екб.: Изд-во Урал. Ун-та, 2016. — 192 с.

© Кондратьев Иван Анатольевич (kondrvanya@ya.ru),

Кудина София Игоревна (skmsu@ya.ru), Симонов Алексей Андреевич (alsim_alexa@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

ВОПРОСЫ ПРЕДМЕТНОЙ ПОДСУДНОСТИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ

ISSUES OF SUBJECT COMPANIES CRIMINAL CASES

P. Kondrashin

Summary. The Criminal Procedure Law establishes the norms governing the jurisdiction of magistrates. However, law enforcement officers are still faced with issues of delineation of jurisdiction between magistrates and district courts, and not only when considering criminal cases at first instance, but also at the stage of execution of a sentence. In particular, when deciding on the extension of probation, the cancellation of a suspended sentence, bringing sentences into compliance, as well as the detention and election of a preventive measure in the form of detention of a convicted person evading serving a sentence, as part of the execution of the sentence, since the legislator ambiguously indicated the jurisdiction of these issues. The practice on this issue is ambiguous, there are different opinions, including explanations of the Supreme Court of the Russian Federation and the Constitutional Court of the Russian Federation. In this article we will try to analyze these emerging issues in theory and practice and try to resolve these situations.

Keywords: jurisdiction, justices of the peace, district courts, execution of sentence, place of residence of the convicted person, detention, detention, suspended sentence, extension of probation.

Кондрашин Павел Викторович

Судья в отставке, аспирант, Красноярский
государственный аграрный университет
kondrashina_05@mail.ru

Аннотация. В уголовно-процессуальном законе закреплены нормы, регулирующие подсудность мировых судей. Однако все равно правоприменители сталкиваются с вопросами разграничения подсудности между мировыми судьями и судами районного звена и не только при рассмотрении уголовных дел по первой инстанции, но и в стадии исполнения приговора. В частности, при решении вопросов продления испытательного срока, отмены условного осуждения, приведении приговоров в соответствие, а также задержания и избрания меры пресечения в виде заключения под стражу осужденного, уклоняющегося от отбывания наказания, в рамках исполнения приговора, поскольку законодателем неоднозначно указана подсудность указанных вопросов. Неоднозначна практика по этому вопросу, существуют различные мнения, в том числе разъяснения Верховного Суда РФ и Конституционного Суда РФ. Мы попробуем в данной статье разобрать эти возникающие вопросы в теории и практике и попробовать дать разрешение этих ситуаций.

Ключевые слова: подсудность, мировые судьи, районные суды, исполнение приговора, место жительства осужденного, задержание, заключение под стражу, условное осуждение, продление испытательного срока.

Подсудность мировых судей закреплена в ч. 1 ст. 31 УПК РФ, согласно которой мировому судье подсудны уголовные дела о преступлениях, за совершение которых максимальное наказание не превышает трех лет лишения свободы, за исключением приведенного в данной норме закона перечня уголовных дел.

В целях облегчения судебной практики справедливо рекомендуется изложить в данной норме закона список уголовных дел, отнесенных к подсудности мирового судьи, по аналогии с установленными положениями в ч. 2 ст. 30 и ч. 3 ст. 31 УПК РФ [1, с. 3–7].

Разобраться с подсудностью мировых судей по уголовным делам бывает нелегко из-за того, что сама норма закона, определяющая данную подсудность, очень трудна для понимания, поскольку в ней дан большой перечень исключений, лучше было бы данную редакцию изменить и привести в ней конкретный перечень уголовных дел о преступлениях, которые подсудны мировому судье [2, с. 15–17].

Кроме того, ст. 320 УПК РФ к подсудности мировых судей по сути относит уголовные дела, оконченные с составлением обвинительного акта, то есть после окончания дознания. Но в тоже время, в соответствии с ч. 1 ст. 31 УПК РФ к подсудности мировых судей относятся и дела, по которым проводилось предварительное следствие (например, ст.ст. 113, 114 УК РФ), а также с учетом главы 32.1 УПК РФ и дознание в сокращенной форме, по итогам которых составляется обвинительное заключение или обвинительное постановление соответственно. Конечно, в этом случае нужно привести данные статьи в соответствие между собой или изложить ст. 320 УПК РФ в редакции ст. 471 УПК РСФСР, в которой предусматривалось, что по поступившему уголовному делу мировой судья принимает решения и проводит подготовительные действия к судебному заседанию [2, с. 15–17].

По мнению В.П. Малкова «мировой судья вправе рассматривать уголовное дело о совокупности совершенных преступлений, каждое из которых принадлежит к подсудности мирового судьи, однако он вправе

назначить при такой совокупности наказание на срок не свыше трех лет лишения свободы. Мировой судья также вправе рассматривать уголовное дело о совокупности приговоров, которая образуется только преступными деяниями его подсудности. Однако мировой судья не вправе рассматривать уголовное дело о совокупности приговоров, когда хотя бы одно из деяний, ее образующих, принадлежит к подсудности федерального суда районного или областного звена» [3, с. 50–54].

Указанная позиция вызывает сомнение, поскольку мировой судья при совокупности преступлений (ч. 5 ст. 69 УК РФ) или совокупности приговоров (ст. 70 УК РФ) рассматривает по существу только то уголовное дело, которое относится в силу ч. 1 ст. 31 УК РФ к его подсудности, а уже потом только присоединяет (либо складывает) с назначенным наказанием наказание по предыдущему приговору (уже рассмотренному по существу, в том числе и районным судом), при этом не вдаваясь в существо предыдущего приговора, так как тот вступил в законную силу и оценивать его законность может только суд кассационной (ранее надзорной) инстанции.

Также следует согласиться с позицией И.В. Головинской о том, что мировой судья в силу требований ч. 2 ст. 299 УПК РФ (если подсудимый обвиняется в совершении нескольких преступлений, то суд разрешает вопросы, указанные в п.п. 1–7 ч. 1 ст. 299 УПК РФ, по каждому преступлению в отдельности), ч. 1 ст. 69 УК РФ (при совокупности преступлений наказание назначается отдельно за каждое совершенное преступление), ч. 1 ст. 70 УК РФ (при назначении наказания по совокупности приговоров к наказанию, назначенному по последнему приговору суда, частично или полностью присоединяется неотбытая часть наказания по предыдущему приговору суда) вправе постановить приговор, по которому в сумме окончательное наказание за совершение деяний по совокупности преступлений либо приговоров может превысить три года лишения свободы [4, с. 11–14].

Так, по уголовному делу в отношении Е. последний был осужден приговором мирового судьи судебного участка № 6 в г. Ачинске и Ачинском районе Красноярского края по ч. 1 ст. 119 и ч. 1 ст. 115 УК РФ, в силу ч. 5 ст. 69 УК РФ с назначенным наказанием частично сложено наказание по приговору Ачинского городского суда Красноярского края от 24 июля 2008 года и по совокупности преступлений окончательно назначено наказание в виде лишения свободы сроком на 4 года 3 месяца с отбыванием наказания в исправительной колонии строгого режима, посколькуотягчающим наказанием обстоятельством в соответствии с п. «а» ч. 1 ст. 63 УК РФ был признан рецидив преступлений. Апелляционным определением Ачинского городского суда Красноярско-

го края и кассационным определением Красноярского краевого суда приговор оставлен без изменения [5].

В продолжение вопроса о разграничении подсудности между мировым и районными судьями следует остановиться на определении предметной (родовой) подсудности в рамках исполнения приговора.

Предметная подсудность множества вопросов, возникающих в стадии исполнения приговора, законодателем установлена не совсем удачно, что влечет за собой противоречивую судебную практику. В отношении лиц, осужденных приговором мирового судьи, в одних случаях эти вопросы разрешают мировые судьи этих или иных судебных участков, в других случаях — федеральные судьи по месту отбывания осужденным наказания [6, с. 33–40].

Из характера вопросов, которые отнесены к рассмотрению судом по месту жительства осужденного (ч. 4 ст. 396 УПК РФ), следует, что они в большинстве случаев рассматриваются судами по месту отбывания (исполнения) наказания или применения иных мер уголовно-правового воздействия. При этом, место жительства в этих случаях совпадает с местом исполнения наказания или осуществлением контроля за поведением лиц, в отношении которых реализуются иные меры уголовно-правового воздействия. Это правило относится и к решению вопросов применения актов об амнистии [7, с. 23–27].

Конституционный Суд РФ в Определении от 05 ноября 2015 года № 2664-О, указал: «содержащееся в ч. 4 ст. 396 УПК указание на суд по месту жительства осужденного не дает оснований полагать, что надлежащим судом является именно мировой судья. Отнесение разрешения конкретных вопросов, связанных с исполнением приговора, к подсудности суда более высокого уровня, чем суд, постановивший приговор, не выходит за рамки дискреции законодателя и не свидетельствует о каком-либо нарушении конституционных гарантий права на судебную защиту [8].

Далее, ссылаясь на позицию Верховного Суда РФ, выраженную в ответе на запрос Конституционного Суда РФ о том, что в практике сложился единообразный подход к определению родовой подсудности дел об отмене условного осуждения, Конституционный Суд РФ посчитал: мировому судье неподсудны дела об отмене условного осуждения независимо от того, был или нет им постановлен приговор, и даже если место жительства осужденного находится в пространственных пределах осуществления юрисдикции мировым судьей [9, с. 32–35].

Тогда, «основываясь на содержании ч. 4 ст. 396 УПК, установившей, что весь комплекс вопросов, сопрово-

ждающих применение условного осуждения, рассматривается судом по месту жительства осужденного, и следуя логике Конституционного Суда РФ, выраженной в Определении от 05 ноября 2015 года № 2664-О, следует признать: дела не только об отмене условного осуждения и исполнении наказания, назначенного приговором, но и дела о продлении испытательного срока, отмене либо дополнении возложенных на осужденного обязанностей подсудны районному суду в случаях, если приговор был постановлен мировым судьей» [10].

Также интересна позиция В.В. Николюка о том, что «в ситуациях, когда приговор об условном осуждении был постановлен мировым судьей и условно осужденный в течение испытательного срока совершил преступление, дело о котором подсудно также мировому судье (такие случаи нередко встречаются в практике), решение об отнесении таких дел к компетенции районного суда вряд ли объективно оправданно и «выверено» с точки зрения действующего законодательства. При таком подходе к определению подсудности, когда уголовное дело, относящееся к компетенции мирового судьи, будет рассматриваться районным судом из-за подсудности ему вопроса об отмене условного осуждения, нарушается конституционное право гражданина на законный суд» [9, с. 32–35].

Аналогичная ситуация и с применением ч. 4.1 ст. 396 УПК РФ, согласно которой вопросы, указанные в п. 18 ст. 397 УПК РФ (о заключении под стражу осужденного, скрывшегося в целях уклонения от отбывания наказания в виде штрафа, обязательных работ, исправительных работ либо ограничения свободы, до рассмотрения вопроса о замене наказания, но не более чем на 30 суток), разрешаются судом по месту задержания осужденного. Как толковать «суд по месту задержания», совпадает ли «место задержания» с «судебным участком» или с «районом»? Представляется, что мировой судья не вправе разрешить вопрос о заключении под стражу на срок до 30 суток осужденного, скрывшегося в целях уклонения от отбывания наказания, поскольку эти места связываются с административно-территориальным регионом, а не с территорией судебного участка [11, с. 23–27].

По мнению В.В. Дорошкова «по смыслу ч. 3 ст. 396 УПК мировой судья не относится к судам по месту отбывания наказания или применения принудительных мер медицинского характера, поскольку эти места связываются с административно-территориальным регионом, а не с территорией судебного участка. В связи с этим представляется, что мировой судья не вправе рассматривать в стадии исполнения приговора вопросы, перечисленные в ч. 3 ст. 396 УПК. Эти вопросы находятся в компетенции только федеральных судей районных судов. По аналогичным основаниям нельзя считать, что

уголовно-процессуальный закон (ч. 4, 4.1 ст. 396 УПК РФ) относит мировых судей к судам по месту жительства осужденного или по месту задержания осужденного [6, с. 33–40].

Согласно позиции Л.М. Хуснетдиновой «по смыслу норм уголовно-процессуального закона мировые судьи не относятся к «судам по месту жительства осужденного», поскольку место жительства осужденного связывается с административно-территориальным делением региона, а не с территорией судебных участков, созданных в установленном законом порядке» [12, с. 56–57].

С учетом сказанного все связано с административно-территориальным делением. Тогда возникает вопрос, как тогда мировой судья отнесен законодателем к судам по месту жительства, если оно связывается с административно-территориальным делением региона, при рассмотрении вопроса о снятии судимости, ведь согласно ч. 1 ст. 400 УПК РФ мировой судья по уголовным делам, отнесенным к его подсудности, рассматривает ходатайство о снятии судимости по месту жительства лица, отбывшего наказание.

Также «выражение законодателя «по месту задержания» (п. 4.1 ст. 396, п. 3 ч. 1 ст. 399 УПК РФ) надлежит понимать не только как место задержания, которое осуществлено в порядке, регулируемом главой 12 УПК РФ, с помещением осужденного в ИВС, но и как место обнаружения осужденного. Случаи, когда место задержания (обнаружения) осужденного совпадает с границами судебного участка, в практике также распространены» [13, с. 3–8].

Реализация предложенного Конституционным Судом РФ варианта определения подсудности материалов (ч.ч. 4 и 4.1 ст. 396 УПК РФ) затрагивает право на законный суд, увеличивает нагрузку на районные суды и, как следствие, ведет к нерациональному распределению полномочий в рамках самой судебной системы. Когда место жительства осужденного определяется в пределах судебного участка, считать мирового судью, чья компетенция распространяется на данный участок, ненадлежащим судом при разрешении вопросов, предусмотренных п.п. 7 и 8 ст. 397 УПК РФ, не имеется достаточных оснований [14, с. 120–129].

В подтверждение этой позиции Президиум Верховного Суда РФ указал, что представление уголовно-исполнительной инспекции о применении акта об амнистии в отношении лица, осужденного мировым судьей, рассматривается этим мировым судьей при условии проживания или пребывания осужденного на территории данного судебного участка [15].

Следует согласиться с мнением В.В. Николюка и о том, что «при доставлении к мировому судье осужденно-

го для решения вопроса о заключении его под стражу на основании п. 18 ст. 397 УПК РФ, если расширительно понимать термин «по месту задержания осужденного», что и наблюдается в судебной практике, мировой судья вправе рассмотреть соответствующее представление уголовно-исполнительной инспекции по существу» [13, с. 3–8]. Ведь в соответствии с уголовно-процессуальным законом при рассмотрении таких вопросов в стадии исполнения приговора, как замена наказания (исправительные работы, обязательные работы и т.п.) на лишение свободы, а также при постановлении обвинительного приговора мировой судья наделен полномочиями в решении вопроса о мере пресечения в виде заключения под стражу до вступления постановления (приговора) в законную силу.

Поэтому исходя из изложенного, мы считаем, что мировой судья вправе рассматривать вопросы в стадии исполнения приговора, указанные в ч.ч. 4 и 4.1 ст. 396 УПК РФ, в связи с чем, необходимо внести в указанные нормы закона изменения путем включения в них мирового судьи, как суда полномочного рассматривать данные вопросы, по примеру ч. 1 ст. 400 УПК РФ.

Также следует остановиться на разграничении предметной подсудности при рассмотрении вопроса, указанного в п. 13 ст. 397 УПК РФ (об освобождении от наказания или о смягчении наказания вследствие издания уголовного закона, имеющего обратную силу, в соответствии со ст. 10 УК РФ).

Согласно ч. 3 ст. 396 УПК РФ данный вопрос разрешается судом по месту нахождения учреждения, исполняющего наказание, в котором осужденный отбывает наказание в соответствии со ст.ст. 60.1 и 81 УИК РФ, либо по месту применения принудительных мер медицинского характера.

С учетом позиции некоторых ученых данный вопрос подсуден только районным судам [6, с. 33–40]. Однако, данная позиция также вызывает сомнения по следующим основаниям. В практике при рассмотрении уголовного дела мировым судьей и назначении окончательного наказания по правилам ч. 5 ст. 69 либо ч. 1 ст. 70 УК РФ особенно при «глобальных» изменениях в уголовном законе возникают трудности, поскольку на момент постановления приговора предыдущие приговоры, в том числе вышестоящих судов, не приведены в соответствие с новым уголовным законом по каким-либо причинам. И встает вопрос, почему мировой судья не может этого сделать?

При рассмотрении жалобы Николаенкова А.А. на несоответствие содержащихся в ч. 3 ст. 396 УПК РФ положений, позволяющих суду общей юрисдикции районного уровня вносить изменения в приговор вышестоящего

суда Конституционный Суд РФ в определении от 29 сентября 2011 года № 1225-О-О указал, что согласно Конституции РФ каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод (ст. 46); никто не может быть лишен права на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом (ч. 1 ст. 47). Применительно к уголовным делам таким законом является УПК РФ, ч. 3 ст. 396 и п. 13 ст. 397 которого относят решение вопроса об освобождении от наказания или о смягчении наказания вследствие издания уголовного закона, имеющего обратную силу, в соответствии со ст. 10 УК РФ к полномочиям суда, по месту отбывания наказания осужденным либо по месту применения принудительных мер медицинского характера. Таким образом, ст. 396 УПК РФ неопределенности не содержит и права осужденных не нарушает [16]. То есть Конституционный Суд РФ признал, что нижестоящий суд имеет право вносить изменения в приговор вышестоящего суда в соответствии со ст. 10 УК РФ.

Так, по уголовному делу в отношении П. мировой судья привел в соответствие по ст. 10 УК РФ путем внесения изменений в приговоры Ачинского городского суда Красноярского края в отношении П. от 09 сентября 2008 года и от 07 октября 2009 года, а также постановление Богучанского районного суда Красноярского от 09 декабря 2012 года об условно-досрочном освобождении П., поскольку при назначении окончательного наказания необходимо было применять правила ст. 70 УК РФ. Прокурор в апелляционном представлении оспаривал законность данного постановления, поскольку вынесено незаконным составом суда, решение данных вопросов отнесено к подсудности районных судов. Суд апелляционной инстанции установил, что с учетом Определения Конституционного Суда РФ от 29 сентября 2011 года № 1225-О-О оспариваемое постановление не может расцениваться как нарушающее права осужденного тем, что ходатайство П. о приведении приговоров Ачинского городского суда Красноярского края от 09 сентября 2008 года, 07 октября 2009 года в соответствие с новой редакцией закона с применением ст. 10 УК РФ рассмотрено не районным судом, постановившим приговоры, а мировым судьей по месту отбывания наказания осужденным. Таким образом, судом апелляционной инстанции не установлено оснований для отмены или изменения постановления мирового судьи, так как оно является законным и обоснованным. Приговор также оставлен без изменения [17].

Таким образом, можно сделать вывод, что рассмотрение вопросов, указанных п. 13 ст. 397 УПК РФ, может мировой судья, даже в случае приведения в соответствие с новым законом приговора вышестоящего суда. При этом, соответствующие изменения необходимо внести в ч. 3 ст. 396 УПК РФ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дорошков В.В. К вопросу о дальнейшем развитии мировой юстиции // Мировой судья. 2015. № 7
2. Щербакова Л.Ю. О некоторых вопросах деятельности мировых судей в уголовном судопроизводстве // Мировой судья. 2006. № 3
3. Малков В.П. Подсудность мирового судьи при различных формах множественности преступлений // Российская юстиция. 2009. № 12
4. Головинская И.В. Законные основания постановления приговора мировым судьей // Российский следователь. 2008. № 12
5. Уголовное дело № 1–40/2008 // Архив мировых судей г. Ачинска и Ачинского района Красноярского края
6. Дорошков В.В. Совершенствование стадии исполнения приговора // Мировой судья. 2017. № 9
7. Червоткин А.С. Процессуальные особенности рассмотрения вопросов, возникающих на стадии исполнения приговора // Российская юстиция. 2015. № 10
8. Определение Конституционного Суда РФ от 05 ноября 2015 года № 2664-О «По запросу Заднепровского районного суда города Смоленска о проверке конституционности положения части четвертой статьи 396 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»
9. Николюк В.В. Почему мировой судья вправе применять условное осуждение, но не вправе его отменять? // Мировой судья. 2017. № 5
10. Николюк В.В., Виноградова В.А. Полномочия мирового судьи при исполнении приговора: нужна определенность в подсудности вопросов отмены условного осуждения // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»
11. Магомедова З.И. Некоторые вопросы, возникающие в практике мировых судей при рассмотрении материалов в порядке исполнения приговоров // Мировой судья. 2015. № 10
12. Хуснетдинова Л.М. Отмена условного осуждения по приговорам, постановленным мировыми судьями // Законность. 2017. № 8
13. Николюк В.В. Вправе ли мировой судья арестовать осужденного, уклоняющегося от отбывания наказания? // Мировой судья. 2015. № 5
14. Николюк В.В. «Новое» и «старое» в практике отмены судом условного осуждения в свете правовых позиций Конституционного Суда и Верховного Суда // Уголовное право. 2017. № 3
15. Ответы на вопросы, поступившие из судов, по применению постановлений Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 24 апреля 2015 года № 6576–6 ГД «Об объявлении амнистии в связи с 70-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» и от 24 апреля 2015 года № 6578–6 ГД «О порядке применения Постановления Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации «Об объявлении амнистии в связи с 70-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов», утверждены Президиумом Верховного Суда РФ 29 июля 2015 года // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»
16. Определение Конституционного Суда РФ от 29 сентября 2011 года № 1225-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Николаенкова Алексея Алексеевича на нарушение его конституционных прав статьей 396 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»
17. Уголовное дело № 1–76/2013 // Архив мировых судей г. Ачинска и Ачинского района Красноярского края

© Кондрашин Павел Викторович (kondrashina_05@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

К ВОПРОСУ О ПОВЫШЕНИИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НЕЗАКОННОМУ ОБОРОТУ ЛЕСА

ON THE ISSUE OF IMPROVING THE EFFECTIVENESS OF COUNTERING ILLEGAL FOREST TRAFFICKING

V. Kosykh

Summary. The article discusses legal instruments and means of state control in the field of forest management, the use of which will allow law enforcement agencies to increase the effectiveness of prevention and combating illegal logging of forest plantations and illegal forest trafficking; highlights important changes in criminal legislation regarding forest smuggling; formulated proposals to improve the conditions for maintaining the register of unscrupulous tenants of forest plots and buyers of forest plantations, ensuring the implementation of the preventive function of the registry. The author defines the importance of prosecutorial supervision in the field of forest relations, as well as the activities of subjects of crime prevention in this area. The system of federal state forest supervision (control) is singled out as the main auxiliary elements of countering illegal forest trafficking; the information resource is LesEGAIS. As a priority direction in the fight against crime in the forest sector, the author named the increase in the level of interaction between law enforcement agencies and state bodies exercising control in the field of forest relations and forest management, including in the exchange of information relevant to the successful solution of tasks to prevent illegal logging of forest plantations and illegal forest trafficking.

Keywords: forest, illegal forest turnover, register, unscrupulous tenants of forest plots, prosecutor's supervision, forest supervision, monitoring, illegal logging.

Косых Валерия Александровна

*Старший следователь следственного отдела
Котласского ЛО МВД России на транспорте
val-kosykh@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются правовые инструменты и средства государственного контроля в области лесопользования, применение которых позволит правоохранительным органам повысить эффективность профилактики и борьбы с незаконными рубками лесных насаждений и незаконного оборота леса; выделены важные изменения в уголовном законодательстве в части контрабанды леса; сформулированы предложения о совершенствовании условий ведения реестра недобросовестных арендаторов лесных участков и покупателей лесных насаждений, обеспечивающие выполнение превентивной функции реестра. Автором определено значение прокурорского надзора в области лесных отношений, а также за деятельностью субъектов профилактики преступности в данной сфере. В качестве основных вспомогательных элементов противодействия незаконному обороту леса выделена система федерального государственного лесного надзора (контроля); информационный ресурс — LesEGAIS. В качестве приоритетного направления борьбы с преступностью в лесной сфере автором названо повышение уровня взаимодействия правоохранительных органов с государственными органами, осуществляющими контроль в области лесных отношений и лесопользования, в том числе в вопросах обмена информацией, имеющей значение для успешного решения задач по предупреждению незаконных рубок лесных насаждений и незаконного оборота леса.

Ключевые слова: лес, незаконный оборот леса, реестр, недобросовестные арендаторы лесных участков, прокурорский надзор, лесной надзор, мониторинг, незаконные рубки леса.

Противодействие незаконному обороту леса в условиях современной ситуации является одной из основных задач, стоящих перед государством. Приоритет данного направления обусловлен, прежде всего, негативным влиянием незаконной деятельности в лесном комплексе на экономическую и экологическую сферы, являющиеся основой благополучной жизнедеятельности населения.

Наиболее эффективным средством противодействия и профилактики преступности в лесной сфере являются правовые инструменты — нормативное регулирование отношений в сфере лесопользования и лесной промышленности. Одновременно оно является фундаментом деятельности по противодействию преступным посягательствам на лесные насаждения и их оборот.

Основным фактором грамотного правового обеспечения рационального лесопользования возможно определить оптимизацию проводимых работ в лесах рекреационного или эксплуатационного назначения, в которую включается: оценка продуктивности и хозяйственной ценности территорий [1, С. 380].

С 2018 по 2021 год лесное и уголовное законодательство претерпело существенные изменения, в том числе, связанные с ужесточением ответственности за совершение преступлений, а также на совершенствование деятельности основных субъектов противодействия незаконному обороту леса. Обусловлено это было длительным и всесторонним исследованием многочисленных фактов нарушений (административных правонарушений, преступлений) в данной области, которые

выявлялись правоохранительными органами, а также территориальными подразделениями Рослесхоза, Рослесинфорга и другими органами.

В частности, Федеральным законом от 27 июня 2018 года № 156-ФЗ в статью 226.1 УК РФ, предусматривающей уголовную ответственность за контрабанду стратегически важных ресурсов, для отдельных видов стратегически важных товаров и ресурсов, понижен порог крупного размера, установлена стоимость, превышающая сто тысяч рублей. К таким стратегически важным товарам и ресурсам относятся в числе прочих и древесина топливная в виде бревен; древесина в виде щепок и стружки, опилки и древесные отходы; лесоматериалы необработанные; шпалы деревянные для железнодорожных путей и прочие лесоматериалы [2]. До введения указанных изменений, крупный размер был обозначен в 1 миллион рублей.

С введением указанного изменения ужесточены условия наступления уголовной ответственности за данные преступления.

Важность подобных изменений обусловлена тем, что объемы экспорта древесины из России достаточно велики. Основная доля экспорта древесины и изделий из нее приходится на Китай (в 2020 году экспортировано товара на 3,08 млрд. долларов — доля экспорта 37,5%; в Финляндию на 608 млн. долларов, в Узбекистан на 423 млн. долларов). При этом, в 2021 году, к примеру, стоимость экспорта подскочила на 49,5%, то есть до 6,2 млрд., а усредненная стоимость одного кубического метра экспортируемых досок составила 206 долларов. Данные показатели говорят о том, что средняя стоимость сделок по экспорту древесины из России превышает 100000 рублей, а значит проверка на незаконность действий лиц по вывозу отечественного леса за рубеж подлежат практически все сделки.

Важным, на наш взгляд, является и введение в действие реестра недобросовестных арендаторов лесных участков и покупателей лесных насаждений [3]. Согласно ст. 98.1 Лесного кодекса Российской Федерации, в реестр вносятся сведения об арендаторах и покупателях, с которыми были расторгнуты договоры за невыполнение:

- ◆ лесохозяйственного регламента и проекта освоения лесов в части охраны лесов от пожаров; в части защиты лесов; в части охраны лесов от загрязнения и иного негативного воздействия; в части воспроизводства лесов или лесоразведения; [4]
- ◆ арендатор пользуется имуществом с нарушением условий договора или назначения имущества либо с неоднократными нарушениями; существенно ухудшает имущество; более двух

раз подряд по истечении установленного договором срока платежа не вносит арендную плату; не осуществляет капитальный ремонт имущества в установленные сроки, в тех случаях, когда в соответствии с законом, иными правовыми актами или договором производство капитального ремонта является обязанностью арендатора [5].

В реестр включается информация о нарушителях правил лесопользования, которую в соответствующий федеральный орган исполнительной власти, передает арендодатель или продавец в течение трех рабочих дней с даты расторжения договоров. Исключение из реестра информации о недобросовестных лесопользователях осуществляется по истечении двух лет с даты ее включения в реестр, либо по решению суда [6]. С момента включения лица в Реестр и до момента исключения, такому лицу запрещена деятельность в сфере лесопользования.

Ведение реестра уполномочена осуществлять постоянно действующая Комиссия по рассмотрению поступившей информации о недобросовестных арендаторах лесных участков и покупателях лесных насаждений. [7]

В 2021 году в Реестр внесено 708 недобросовестных лесопользователей [8].

Одними из основных форм незаконного оборота леса являются заготовки лесных насаждений без соответствующих разрешений, превышение разрешенных объемов заготовки, незаконное получение разрешения на заготовку леса, использование поддельных документов при осуществлении заготовки древесины и ее транспортировки.

С целью повышения эффективности Реестра, следует рассмотреть возможность дополнения условий включения в Реестр, следующим условием:

- ◆ наличие фактов привлечения лица к уголовной или административной ответственности за нарушение в сфере лесопользования, оборота древесины.

Данное условие должно стать дополнительной мерой профилактики повторного совершения аналогичных преступлений и административных правонарушений. Одновременно, с введением указанного условия, касающегося совершения административных правонарушений и преступлений лицами, информацию о которых необходимо вносить в Реестр, считаем справедливым включить в состав Комиссии Рослесхоза по рассмотрению поступившей информации о недобросовестных арендаторах лесных участков и покупателей лесных насаждений, представителей МВД России и ФТС

России, что наделяет Комиссию признаком межведомственности.

Это необходимо для обеспечения взаимодействия, необходимого в вопросах противодействия и профилактики преступности в лесной сфере, поскольку данная сфера является специфической, а возможности для выявления, фиксирования, раскрытия преступлений в основном находятся в распоряжении Рослесхоза, Рослесинфорга и других органов, осуществляющих контролируемую и организационную деятельность в сфере лесопользования и лесопромышленного комплекса. Для повышения эффективности борьбы с незаконным оборотом леса основные субъекты противодействия преступности должны иметь доступ к информационным ресурсам, позволяющим оперативно реагировать на нарушения лесного, административного, таможенного, уголовного законодательства, что достигается межведомственным взаимодействием и отсутствием бюрократических сложностей при истребовании такой информации.

Вместе с тем, следует отдельно остановиться на условиях исключения информации о недобросовестных арендаторах лесных участков и приобретателей лесных насаждений.

Предлагается ужесточить данные условия, поскольку реестр представляет собой инструмент профилактики преступности в лесной сфере на ранних этапах. О превентивной функции Реестра говорит, в первую очередь, то, что данная процедура отвечает основным принципам профилактики правонарушений: приоритет прав и законных интересов человека и гражданина; законность, системность и единство подхода, открытость, непрерывность, последовательность, своевременность, объективность, компетентность, ответственность [9].

Согласно действующего законодательства, лицо исключается из реестра по истечении двух лет после внесения о нем сведений или по решению суда. Однако, в целях обеспечения его основной функции, заключающейся в сдерживании нарушений в лесной сфере, предлагается, определить следующие основания для исключения из Реестра:

- ◆ исключение из Реестра лиц по истечении двух лет, которыми был нарушен порядок условий арендной платы за использование лесов, а также иных требований к формальной процедуре ведения лесохозяйственной деятельности;
- ◆ в остальных случаях — исключение из Реестра недобросовестных субъектов предпринимательства после устранения нарушений, послуживших причиной включения в Реестр;

- ◆ установление бессрочного запрета на лесопользование и предпринимательство в лесной сфере в случае неоднократного нарушения лесного законодательства.

Вносимая в реестр информация при этом, должна быть доступна для правоохранительных органов. На практике правоохранительные органы сталкиваются с проблемой несвоевременного получения информации от государственных органов, что приводит к снижению превентивности в вопросе предупреждения преступлений.

В связи с этим, следует отметить информационный ресурс — ЛесЕГАИС [10]. Система предназначена для фиксирования и отслеживания данных о происхождении и перемещении древесины; объемах древесины, допустимой к рубке и объемах фактически вырубленной древесины; декларациях о сделках с древесиной. Аккумулируемые в системе данные представляют собой важнейший набор информации для правоохранительных органов, которая способна обеспечить нормальную эффективную профилактическую работу. Специфика работы в лесной сфере заключается в том, что подавляющее большинство нарушений уголовного и административного законодательства совершается лицами, являющимися постоянными участниками сделок с лесом и имеют значительный опыт в сфере лесопользования.

Важной задачей, стоящей перед полицией, является не только пресечение преступлений и административных правонарушений, но и недопущение совершения новых преступлений, поскольку лес — трудно восполнимый ресурс, а воспроизводство лесных насаждений трудоемкий и длительный процесс.

Отдельно необходимо остановиться на федеральном государственном лесном контроле (надзоре), предметом которого является соблюдение юридическими и физическими лицами установленных требований и правил в области использования, охраны, защиты, воспроизводства лесов и лесоразведения, за исключением обязательных требований в сфере приемки, перевозки, переработки и хранения древесины и ее прослеживаемости, учета древесины и сделок с ней [11].

Органы государственного надзора осуществляют контрольные (надзорные) мероприятия как при взаимодействии с контролируемым лицом, так и без такого взаимодействия, осуществляя инспекционный визит, рейдовый осмотр, документарная проверка, выездная проверка; и внеплановые: наблюдение за соблюдением обязательных требований, выездное обследование. В рамках вышеуказанных мероприятий, лица, осуществ-

вляющие надзор, вправе производить осмотры, опросы, досмотры, обследования, истребовать документы, назначать и проводить экспертизы, отбирать пробы [12]. Также необходимо отметить, что государственные лесные инспектора при проведении контрольного или профилактического мероприятия в пределах своей компетенции вправе применять фотоаппараты, а также средства аудио- и видеофиксации.

Таким образом, существующие возможности, средства профилактики и противодействия лесонарушениям, а также накапливаемая и систематизируемая органами государственного лесного надзора (контроля) информация о деятельности субъектов лесной сферы, представляет собой существенный фундамент для эффективной деятельности правоохранительных органов по профилактике преступности в области лесопользования.

Главным образом, речь идет о необходимости совершенствования взаимодействия государственных, региональных органов, осуществляющих деятельность в сфере лесопользования с правоохранительными органами. Возможность своевременного получения актуальной информации в вопросе противодействия незаконному обороту леса, является важным инструментом при реализации принципа превентивности. При этом данная информация должна отвечать таким требованиям, как относимость, допустимость, достоверность, достаточность, а также своевременность ее получения. Данные требования, на наш взгляд, неспроста перекликаются с правилами оценки доказательств, закрепленных в ст. 88 УПК РФ, поскольку, с практической точки зрения, при расследовании уголовных дел о преступлениях, связанных с незаконным оборотом леса, данная информация должна быть использована в качестве доказательств по таким уголовным делам.

В связи с этим, важным на наш взгляд, является и необходимость повышения прокурорского надзора за деятельностью правоохранительных органов и других

субъектов противодействия незаконному обороту леса, находящихся в постоянном взаимодействии при решении вопросов профилактики и борьбы с преступностью в лесной сфере.

Перед органами прокуратуры в настоящее время стоит ряд существенных задач, среди которых необходимо отметить:

- ◆ использование полномочий по направлению материалов в следственные органы и органы дознания для решения вопроса об уголовном преследовании по фактам незаконной рубки, уничтожения или повреждения лесных насаждений;
- ◆ постоянный мониторинг публикаций средств массовой информации по теме лесопользования; акцентирование внимания на полноту принимаемых мер по установлению причастности к преступлениям в сфере лесопользования должностных лиц правоохранительных, контролирующих и иных органов государственной власти;
- ◆ ежегодное обобщение и анализ практики предупреждения, выявления, раскрытия и расследования преступлений в сфере лесопользования [13].

Природоохранная деятельность органов прокуратуры является важным направлением ее работы, что обусловлено обострением экологической ситуации во многих регионах страны, снижением состояния окружающей среды в связи с высоким уровнем антропогенного воздействия на лесную сферу, приводящему к истощению природных ресурсов [14, С. 102].

Таким образом, существующие в настоящее время возможности и объемы информации, которая может быть использована правоохранительными органами при взаимодействии с государственными органами для противодействия незаконному обороту леса, а также является основой формирования эффективной системы профилактики преступности в области лесных отношений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Халикова О.В. Опыт ведения лесного хозяйства в рекреационных лесах Черноморского побережья России / О.В. Халикова // Современное состояние, традиции и инновационные технологии в развитии АПК: материалы международной научно-практической конференции в рамках XXIX международной специализированной выставки «Агрокомплекс- 2019». — Уфа: Башкирский государственный аграрный университет, 2019. — С. 378–382.
2. Постановление Правительства РФ от 13 сентября 2012 года № 923 «Об утверждении перечня стратегически важных товаров и ресурсов для целей статьи 226.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также об определении видов стратегически важных товаров и ресурсов, для которых крупным размером признается стоимость, превышающая 100 тыс. рублей» (в ред. от 08.10.2020) [Электронный ресурс] // URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.03.2022).
3. Федеральный закон от 23.06.2016 N218-ФЗ (ред. от 29.12.2017) «О внесении изменений в Лесной кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования регулирования лесных отношений» [Электронный ресурс] // URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.03.2022).

4. Лесной кодекс Российской Федерации от 04.12.2006 № 200-ФЗ (ред. от 30.12.2021) [Электронный ресурс] // URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 11.03.2022).
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 N14-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 08.07.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2022) [Электронный ресурс] // URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 09.03.2022).
6. Федеральный закон от 09.03.2021 № 35-ФЗ «О внесении изменений в статьи 80 и 98.1 Лесного кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] // URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.03.2022).
7. Приказ Федерального агентства лесного хозяйства от 11.01.2018 № 3 «О ведении реестра недобросовестных арендаторов лесных участков и покупателей лесных насаждений и размещении информации, содержащейся в реестре, на официальном сайте Рослесхоза» [Электронный ресурс] // URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.03.2022).
8. Официальный сайт Министерства природных ресурсов и экологии РФ. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.mnr.gov.ru> (дата обращения: 09.03.2022).
9. Федеральный закон от 23.06.2016 N182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // URL: <http://www.mnr.gov.ru> (дата обращения: 09.03.2022).
10. Постановление Правительства Российской Федерации от 28 января 2015 года № 55 (в ред. от 18.03.2021) «О порядке эксплуатации единой государственной автоматизированной информационной системы учета древесины и сделок с ней» [Электронный ресурс] // URL: <http://www.mnr.gov.ru> (дата обращения: 09.03.2022).
11. Лесной кодекс Российской Федерации от 04.12.2006 № 200-ФЗ (ред. от 30.12.2021) [Электронный ресурс] // URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 09.03.2022).
12. Постановление Правительства РФ от 30.06.2021 № 1098 (ред. от 01.12.2021) «О федеральном государственном лесном контроле (надзоре)» [Электронный ресурс] // URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 09.03.2022).
13. Указание Генеральной прокуратуры России от 9 июня 2014 года № 307/36 «Об усилении прокурорского надзора за исполнением законов при предупреждении, выявлении, раскрытии и расследовании преступлений в сфере лесопользования» (ред. от 04.05.2016), [Электронный ресурс] // URL: <http://www.genproc.gov.ru> (дата обращения: 29.03.2022).
14. Капралов М.М. Прокурорский надзор за исполнением законов об охране окружающей среды и природопользования: отдельные вопросы правоприменительной практики [Текст] / Капралов М.М. // Вестник. Государство и право. — 2018. — № 25. — С. 100–105.

© Косых Валерия Александровна (val-kosykh@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПЛАНИРОВАНИЕ МЕРОПРИЯТИЙ ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО ЭТАПА РАССЛЕДОВАНИЯ КРАЖ, СОВЕРШАЕМЫХ НА ПЛЯЖАХ, С УЧЕТОМ ТИПОВЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ СИТУАЦИЙ

Кузнецов Александр Владимирович

Крымский филиал Краснодарского университета
МВД России
kuznetsov-crimea@mail.ru

PLANNING OF ACTIVITIES OF THE INITIAL STAGE OF THE INVESTIGATION OF THEFTS COMMITTED ON BEACHES, TAKING INTO ACCOUNT TYPICAL INVESTIGATIVE SITUATIONS

A. Kuznetsov

Summary. The article discusses issues related to the planning of the initial stage of the investigation of thefts committed on beaches, taking into account typical investigative situations. The analysis of the concept of an investigative situation, a forensic version is carried out, the importance of situational and versioned approaches in the investigation of crimes is determined. The main typical versions about the identity of the criminal and his whereabouts are identified, the main typical investigative situations are highlighted. For each investigative situation, the main tasks of the investigation, standard versions, main investigative actions, operational search and other measures are defined.

Keywords: investigation planning, investigative situation, forensic version, resort region, theft, beach.

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с планированием мероприятий первоначального этапа расследования краж, совершаемых на пляжах, с учетом типовых следственных ситуаций. Проведен анализ понятия следственной ситуации, криминалистической версии, определена важность ситуационного и версионного подходов в расследовании преступлений. Определены основные типовые версии о личности преступника и его местонахождении, выделены основные типовые следственные ситуации. По каждой следственной ситуации определены основные задачи расследования, типовые версии, основные следственные действия, оперативно-розыскные и иные мероприятия.

Ключевые слова: планирование расследования, следственная ситуация, криминалистическая версия, курортный регион, кража, пляж.

Усовершенствование деятельности по раскрытию и расследованию преступлений неразрывно связано с понятием следственной ситуации, поэтому ученые-криминалисты уделяют пристальное внимание данной научной категории.

Т.В. Аверьянова определяет следственную ситуацию как «конкретную обстановку, в которой работает следователь и иные субъекты, участвующие в доказывании, и в которой протекает конкретный акт расследования» [1, с. 501].

Понятие следственной ситуации не является новеллой в криминалистике, оно было дано еще в 1967 году А.Н. Колесниченко: «определенное положение в расследовании преступлений, характеризуемое наличием тех

или иных доказательств и информационного материала и возникающими в связи с этим конкретными задачами его собирания и проверки» [2, с. 509].

В ходе расследования уполномоченным лицам необходимо планировать проведение необходимых следственных действий, оперативно-розыскных и иных мероприятий в соответствии с той обстановкой, которая сложилась на данном этапе. При этом применяются те тактические приемы и средства, которые будут наиболее эффективными именно в данной конкретной ситуации.

Ситуационный подход применяется в расследовании различных видов преступлений. Например, И.В. Александров с данной позиции рассматривает расследова-

ние налоговых преступлений [3]; Архипова И.И.— преступлений, совершенных в отношении иностранных граждан [4]; Л.Г. Шапиро — преступлений в сфере экономической деятельности [5]; Е.В. Осипова — экологических преступлений [6].

Проблематика следственных ситуаций рассматривалась в работах Е.Н. Асташкиной, Д.В. Кима, Н.А. Бурнашева, И.А. Копылова, В.К. Гавло, И.Ф. Герасимова, Л.Я. Драпкина, В.Е. Старостина, В.В. Яровенко [7] и других ученых.

В трудах Волчецкой Т.С. получило развитие учение о криминалистической ситуалогии, как об общей криминалистической теории о совокупности знаний в сфере криминалистических ситуаций [8].

Однако в ходе анализа научной литературы нами не были выявлены работы, посвященные планированию мероприятий по делам о кражах, совершаемых на пляжах. Поэтому мы постарались рассмотреть вопросы планирования мероприятий первоначального этапа расследования краж, совершаемых на пляжах, с учетом типовых следственных ситуаций.

На территории курортных регионов в период курортного сезона пляж является одним из самых распространенных мест совершения краж. Расследование преступлений указанной категории имеет свою специфику, обусловленную криминалистической характеристикой этих преступлений.

В целом следственная ситуация — это обстановка, сложившаяся в связи с фактом преступления. В определенный момент времени, исходя из сложившейся обстановки, уполномоченное лицо определяет ход расследования.

В учебной и научной криминалистической литературе следственные ситуации классифицируются по различным критериям: времени выявления, степени сложности, по прогнозируемым результатам расследования и т.д. По степени обобщения следственные ситуации бывают типовыми и конкретными.

Конкретная следственная ситуация — это уникальный набор обстоятельств, сложившихся в результате конкретного факта преступления. Такие ситуации индивидуальны, отличаются друг от друга. В таких случаях при построении следственных версий необходимо учитывать вышеупомянутые уникальные обстоятельства дела.

Типовые следственные ситуации — это набор схожих обстоятельств, имеющих место при расследовании однородной группы преступлений.

При изучении и оценке обстоятельств, характеризующих преступное событие, перед следователем стоит задача проанализировать все обстоятельства следственной ситуации, которая имеет место в настоящий момент времени. По результатам данного анализа следователю необходимо определить следственные версии.

Наличие версии позволяет спланировать дальнейший ход расследования, определить мероприятия и следственные действия, направленные на раскрытие и расследование данного преступления.

Н.П. Яблоков дает следующее определение криминалистической версии: «это логически построенное и основанное на фактических данных обоснованное предположительное умозаключение следователя (других субъектов познавательной деятельности по уголовному делу) о сути исследуемого деяния, отдельных его обстоятельствах и деталях и их связи между собой, требующее соответствующей проверки и направленное на выяснение истины по делу» [9, с. 121].

Т.В. Аверьянова определяет криминалистическую версию как «обоснованное предположение о факте, явлении или группе фактов, явлений, имеющих или могущих иметь значение для дела» [1, с. 476].

Н.П. Яблоков отмечает, что «криминалистические версии могут выдвигаться следователем, работниками оперативно-розыскных органов, экспертом, судом и др.» [9, с. 122]. В этих случаях версии, будут называться соответственно следственными, оперативно-розыскными, экспертными и судебными.

Учеными-криминалистами признана важность ситуационного и версионного подходов в расследовании. И.В. Александров отмечает: «разработка методических рекомендаций в ситуационном аспекте, т.е. применительно к различным следственным ситуациям, делает эти рекомендации более дифференцированными и, соответственно, более точными. Ситуативный подход не только влияет на выбор методики расследования, но и дает возможность создать их алгоритмизированные виды» [3, с. 182].

Для большинства преступлений характерно отсутствие полной информации о событии, что не позволяет выдвигать более конкретизированные версии. Вместе с тем, уже на первоначальном этапе можно наметить основное направление расследования, выдвинуть версии обобщенного характера, запланировать проведение следственных действий и иных мероприятий, в том числе организационных и оперативно-розыскных.

В криминалистике традиционно выделяются конкретные и типовые; простые и сложные; первоначаль-

ные и последующие; общие и частные версии. При установлении обстоятельств, имевших место в прошлом, могут выдвигаться ретросказательные версии, а при установлении обстоятельств, относящихся к настоящему времени или к будущему, — предсказательные. При поиске информации могут выдвигаться поисковые версии, а при исследовании установленной информации — исследовательские.

Таким образом, совокупность обстоятельств, относящихся к расследуемому преступлению, определяет версию, выдвигаемую следователем или другим субъектом. Большую роль в выдвижении версии играют обстоятельства, связанные с личностью преступника.

Если преступник задержан в момент совершения преступления или сразу после его совершения, то могут выдвигаться типовые версии о количестве соучастников: совершил ли преступление один подозреваемый или в группе, но другие лица успели скрыться.

Если преступник не задержан, но имеется достоверная информация о личности преступника, то могут выдвигаться версии о его местонахождении: 1) по месту своего жительства; 2) по месту жительства своих родственников и дружеских связей; 3) по месту работы, учебы; 4) в иных местах вероятного появления.

Если преступник скрылся с места преступления и имеется незначительная информация о его личности, то можно выдвинуть версию о том, что: 1) преступником является лицо, ранее судимое за совершение аналогичных преступлений; 2) преступником является лицо, употребляющее наркотики; 3) преступником является несовершеннолетнее лицо; 4) преступником является женщина; 3) преступником является лицо без определенного места жительства; 4) преступником является лицо, прибывшее в регион с целью отдыха; 5) преступником является местный житель, постоянно проживающий в регионе; 6) преступником является лицо, прибывшее в регион специально с целью совершать преступления; 7) преступником является лицо из круга родственных или дружеских связей потерпевшего.

Могут выдвигаться версии о местонахождении похищенного имущества. При анкетировании практических сотрудников ОВД наиболее распространенными местами сбыта похищенного имущества были названы: лицам из уголовного круга общения, регулярно занимающимся скупкой краденого — 81% ответов респондентов; случайным лицам — 17% ответов; знакомым лицам, не занимающимся скупкой краденого — 2%.

Практика показывает, что следователи часто за основу выдвигаемой версии берут информацию, полученную

в результате опросов и допросов потерпевших, свидетелей, очевидцев, не подвергая ее критическому анализу. При этом не учитывается известная заинтересованность потерпевшего в исходе дела, субъективность восприятия информации свидетелем или очевидцем.

Если не учитывается вся совокупность обстоятельств, имеющих отношение к факту преступления, то расследование осуществляется в одном неверном направлении, не выдвигаются и соответственно не отрабатываются альтернативные версии, что в итоге негативно влияет на результаты деятельности следователя и факт раскрытия преступления.

В то же время правильно построенная версия позволяет в полной мере установить обстоятельства преступления и достичь положительного результата, выражающегося в его раскрытии, установлении и задержании преступника.

Е.Н. Асташкиной по делам о квартирных кражах предложено выделение четырех типовых следственных ситуаций, в зависимости от информации о личности преступника [10, с. 70]. Считаем такое деление наиболее целесообразным и аналогичные следственные ситуации определим для рассматриваемой нами категории преступлений: преступник задержан; преступник не задержан, но имеется точная информация о его личности; преступник не задержан, имеется незначительная информация о его личности; преступник не задержан, информация о личности преступника отсутствует.

По каждой из указанных типовых следственных ситуаций первоначального этапа расследования можно определить: основные задачи расследования; типовые версии; основные следственные действия, оперативно-розыскные и иные мероприятия.

Типовая следственная ситуация № 1. Преступник задержан в момент совершения преступления или в кратчайшее время после его совершения.

Такая ситуация часто возникает при задержании преступника самими потерпевшими, свидетелями преступления или сотрудниками полиции «по горячим следам». Эта ситуация является наиболее оптимальной с точки зрения раскрытия и расследования преступления. В данном случае известны сведения о преступнике, сам он находится в распоряжении органов следствия, объект посягательства чаще тоже имеется в наличии, так как преступник не успел его сбыть, свидетели и очевидцы, в том числе производившие задержание, установлены.

При такой следственной ситуации основными задачами расследования становятся: установление общей

картины происшествия; установление наличия или отсутствия состава преступления; установление и фиксация доказательственной информации; установление индивидуальных признаков предмета посягательства, его количества и стоимости; изъятие похищенного имущества.

Основные следственные действия, оперативно-розыскные и иные мероприятия.

1. Непосредственное преследование (если лицо не было задержано на месте совершения преступления, но имеется информация, что оно скрылось недавно).

2. Ориентирование личного состава органов внутренних дел, в том числе патрульных и постовых нарядов, на розыск преступника и похищенного имущества.

3. Задержание лица, подозреваемого в совершении преступления. В данном случае имеется ввиду как физическое задержание, так и процессуальное задержание.

4. Личный обыск подозреваемого при наличии оснований, предусмотренных ст. 182 УПК РФ (наличие достаточных данных полагать, что у лица могут находиться орудия, оборудование или иные средства совершения преступления, предметы, документы и ценности, которые могут иметь значение для уголовного дела [11]).

5. Допрос потерпевшего об обстоятельствах совершенного в отношении него преступления.

6. Допрос свидетелей (в том числе лиц, задержавших подозреваемого).

7. Осмотр места происшествия с целью: выявления и фиксации следов преступления, сверки показаний свидетелей с реальной обстановкой на месте, получения объективной картины произошедшего события.

8. Обыск в жилище подозреваемого и в других местах.

9. Осмотр предметов, изъятых у подозреваемого (орудий преступления и похищенного имущества).

10. Предъявление для опознания предметов, изъятых у подозреваемого.

11. Предъявление для опознания лица, подозреваемого в совершении преступления.

12. Назначение необходимых экспертиз:

12.1. Биологическая экспертиза тканей и выделений человека, животных:

12.1.1. Исследование ДНК.

12.1.2. Исследование волос человека и животных.

12.1.3. Исследование запаховых следов человека.

12.2. Геммологическая:

12.2.1. Исследование драгоценных, поделочных камней, их имитаций и изделий из них.

12.3. Дактилоскопическая:

12.3.1. Исследование папиллярных узоров рук и ног человека.

12.4. Психофизиологическая:

12.4.1. Психофизиологическое исследование в отношении лица с применением полиграфа.

12.5. Товароведческая:

12.5.1. Исследование промышленных (непродовольственных) товаров с возможным определением их стоимости.

12.6. Трасологическая:

12.6.1. Исследование следов обуви, транспортных средств, орудий и инструментов, запирающих механизмов.

13. С целью установления дополнительной доказательственной базы проведение необходимых оперативно-розыскных мероприятий, предусмотренных ст. 6 Федерального закона от 12.08.1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (например, опрос, наведение справок) [12].

Типовая следственная ситуация № 2. Преступник не задержан, но имеется точная информация о его личности.

Такая следственная ситуация возникает в том случае, если лицо, совершившее преступление, известно, но не задержано.

При такой следственной ситуации основными задачами расследования становятся: установление наличия или отсутствия состава преступления; установление и фиксация информации, доказывающей причастность лица, которое скрылось, к совершению этого преступления; розыск и задержание подозреваемого; установление местонахождения и изъятие похищенного имущества.

Основные следственные действия, оперативно-розыскные и иные мероприятия.

1. Ориентирование личного состава органов внутренних дел, в том числе патрульных и постовых нарядов, на розыск преступника и похищенного имущества.

2. Допрос потерпевшего об обстоятельствах совершенного в отношении него преступления.

3. Допрос свидетелей преступления.

4. Осмотр места происшествия с целью: выявления и фиксации следов преступления, сверки показаний свидетелей с реальной обстановкой на месте, получения объективной картины произошедшего события.

5. Установление адреса проживания подозреваемого, круга родственных, дружеских и иных связей.

6. Обыск в жилище подозреваемого и в местах, где он может скрываться.

7. Допрос родственников, друзей и других связей подозреваемого с целью получения информации о его местонахождении и причастности к совершению преступления.

8. Проверка адресов возможного местонахождения подозреваемого: по последнему месту житель-

ства, по адресу регистрации, по адресам проживания лиц из числа его близких связей. Допрос соседей по указанным адресам.

9. Проверки мест возможного сбыта похищенного имущества.
10. Информирование в СМИ о розыске подозреваемого лица.
11. Сбор данных, характеризующих личность преступника (характеристика о поведении по месту жительства, работы, учебы, сведения о судимости и т.п.) и представляющих интерес для расследования преступления.
12. Назначение необходимых экспертиз.
13. С целью розыска и задержания преступника проведение оперативно-розыскных мероприятий.

Типовая следственная ситуация № 3. Преступник не задержан, имеется незначительная информация о его личности.

Сложность данной следственной ситуации заключается в том, что следователь располагает лишь информацией об общих внешних признаках преступника. При этом отсутствует возможность индивидуализировать лицо по этим признакам. Например, потерпевшая описывает преступника, как молодого мужчину, которого она раньше несколько раз встречала в том санатории, где она отдыхает, но кто этот мужчина и где живет — не знает.

При такой следственной ситуации основными задачами расследования становятся: установление события и состава преступления; установление личности подозреваемого лица; розыск и задержание подозреваемого лица; розыск и изъятие похищенного имущества; сбор доказательств, свидетельствующих о причастности или не причастности к совершению данного преступления лица, задержанного по подозрению в совершении преступления.

В данной следственной ситуации могут быть определены типовые версии о личности преступника.

1. Преступником является лицо, ранее судимое за совершение аналогичных преступлений. Согласно статистических данных МВД России, в период с января по декабрь 2021 года удельный вес ранее совершавших преступления в общем числе выявленных лиц составляет 58,2%.
2. Преступником является лицо, не достигшее совершеннолетия. Согласно статистических данных МВД России, в период с января по декабрь 2021 года удельный вес несовершеннолетних в общем числе выявленных лиц составляет 3,4% [13].
3. Преступником является лицо, систематически употребляющее наркотики.

4. Преступник — иностранный гражданин или лицо без гражданства.
5. Преступником является местный житель, постоянно проживающий в курортном регионе.
6. Преступником является не местный житель, находящийся в регионе по роду своей профессиональной деятельности.
7. Преступником является так называемый «гастролер», вор-профессионал, приехавший в регион с целью совершать преступления.
8. Преступником является женщина. Об этом могут свидетельствовать следы женской обуви, размер следов пальцев рук и т.д.
9. Преступником является лицо из близкого окружения потерпевшего.
10. Преступник — это лицо, которому стала известна информация о потерпевшем от друзей, родственников потерпевшего.

Основные следственные действия, оперативно-розыскные и иные мероприятия.

1. Осмотр места происшествия с целью выявления и фиксации следов преступления, в том числе следов, позволяющих сделать вывод о личности преступника. В границы осмотра при этом включить прилегающую территорию.
2. Привлечение к осмотру места происшествия специалиста-кинолога с целью раскрытия преступления и преследования преступника «по горячим следам».
3. Допрос потерпевшего.
4. Допрос свидетелей и очевидцев совершенного преступления.
5. Составление описания внешности подозреваемого лица по методу словесного портрета (со слов потерпевшего, свидетелей).
6. Составление субъективного портрета преступника (со слов потерпевшего, свидетелей).
7. Предъявление свидетелям и очевидцам фото-видео изображений состоящих на учете преступников.
8. Проверка на причастность к совершенному преступлению определенных категорий лиц в соответствии с выдвинутыми версиями о личности преступника (например, ранее судимых за совершение аналогичных преступлений, склонных к совершению аналогичных преступлений и т.п.)
9. Проведение отбора и анализа аналогичных нераскрытых преступлений.
10. Использование возможностей криминалистических учетов с целью проверки полученной информации.
11. Назначение необходимых судебных экспертиз.
12. Проведение оперативно-розыскных мероприятий.

13. Осуществление проверки лиц, в отношении которых получена информация об их причастности к совершению преступления (например, путем проверки алиби).

Типовая следственная ситуация № 4. Преступник не задержан, информация о личности преступника отсутствует.

Это самая сложная следственная ситуация. В ней отсутствуют какие-либо сведения о лице, совершившем преступление. При такой следственной ситуации задачами расследования становятся: установление события и состава преступления, установление личности преступника или всех членов преступной группы, розыск и задержание подозреваемого, розыск и изъятие похищенного имущества.

Типовые версии о личности преступника могут быть аналогичными версиям, рассмотренным для следственной ситуации № 3.

Основные следственные действия, оперативно-розыскные и иные мероприятия.

1. Допрос потерпевшего.
2. Осмотр места происшествия с целью выявления и фиксации следов преступления, в том числе следов, позволяющих сделать вывод о личности преступника. В границы осмотра при этом включить прилегающую территорию. Установить места подхода и отхода преступника. Произвести сверку показаний потерпевшего с фактической обстановкой на месте происшествия.
3. Привлечение к осмотру места происшествия специалиста-кинолога.
4. Допрос свидетелей и очевидцев совершенного преступления.
5. Проведение мероприятий по установлению дополнительных свидетелей и очевидцев преступления (например, поквартирный или подворный обход).
6. Ориентирование личного состава органов внутренних дел, в том числе патрульных и постовых

нарядов, по факту совершенного преступления и приметам похищенного имущества.

7. Составление описания внешности подозреваемого лица по методу словесного портрета (со слов потерпевшего, свидетелей).
8. Составление субъективного портрета преступника (со слов потерпевшего, свидетелей).
9. Предъявление свидетелям фото-видео изображений состоящих на учете преступников.
10. Проверка на причастность к совершенному преступлению определенных категорий лиц в соответствии с выдвинутыми версиями о личности преступника (например, ранее судимых за совершение аналогичных преступлений, склонных к совершению аналогичных преступлений и т.п.)
11. Проведение отбора и анализа аналогичных нераскрытых преступлений.
12. Использование возможностей криминалистических учетов с целью проверки полученной информации.
13. Назначение необходимых судебных экспертиз.
14. Проведение оперативно-розыскных мероприятий.
15. Осуществление проверки лиц, в отношении которых получена информация об их причастности к совершению преступления.

В настоящей работе нами проанализировано понятие следственной ситуации, выделены типичные следственные ситуации на первоначальном этапе расследования краж, совершаемых на пляже. По каждой ситуации определены: типовые версии, основные задачи расследования, следственные действия, оперативно-розыскные и иные мероприятия, что позволяет разработать криминалистические рекомендации по планированию расследования указанной категории преступлений на первоначальном этапе. Считаем, что предложенные нами рекомендации могут быть полезны как для лиц, практически осуществляющих расследование преступлений, так и для лиц, осуществляющих теоретическое изучение криминалистических проблем расследования преступлений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Криминалистика: учебник / Т.В. Аверьянова, Р.С. Белкин, Ю.Г. Корухов, Е.Р. Россинская. — 4-е изд., перераб. и доп. — М.: Норма: ИНФРА-М, 2014. — 928 с.
2. Колесниченко А.Н. Научные и правовые основы методики расследования отдельных видов преступлений: Дис. ... докт. юр. наук. Харьков, 1967. — 673 с.
3. Александров, И.В. Типичные следственные ситуации и оптимальные системы следственных действий в расследовании налоговых преступлений / И.В. Александров // Известия высших учебных заведений. Правоведение. — 2002. — № 6(245). — С. 181–190.
4. Архипова, И.И. Ситуационный подход в расследовании преступлений, совершенных в отношении иностранных граждан / И.И. Архипова // Вестник Казанского юридического института МВД России. — 2020. — Т. 11. — № 4(42). — С. 491–495.
5. Шапиро, Л.Г. Ситуационный подход к использованию специальных знаний при расследовании преступлений в сфере экономической деятельности / Л.Г. Шапиро // Эксперт-криминалист. — 2013. — № 3. — С. 15–18.

6. Осипова, Е.В. Ситуационный подход в расследовании экологических преступлений / Е.В. Осипова // Союз криминалистов и криминологов. — 2019. — № 2. — С. 112–121.
7. Асташкина Е.Н. К вопросу о следственных ситуациях первоначального этапа расследования квартирных краж // Следователь. 2002. № 1. С. 43; Ким Д.В. Следственная ситуация как многомерное явление // Следователь. 2003. № 9. С. 34; Бурнашев Н.А. Следственные ситуации в методике расследования преступлений // Проблемы интенсификации деятельности по расследованию преступлений: межвуз. сб. науч. трудов. Свердловск, 1987. С. 21; Копылов И.А. Следственная ситуация и тактическое решение: учеб. пособие. Волгоград, 1988. С. 7–8; Гавло В.К. О следственной ситуации и методике расследования хищений, совершаемых с участием должностных лиц // Вопросы криминалистической методологии, тактики и методики расследования. М., 1973. С. 90; Герасимов И.Ф. Принципы построения методики раскрытия преступлений // Вопросы криминалистической методологии, тактики и методики расследования. М., 1973. С. 82; Так же: Герасимов И.Ф. Некоторые проблемы раскрытия преступлений / И.Ф. Герасимов. — Свердловск, 1975. С. 173; Драпкин Л.Я. Основы теории следственных ситуаций / Л.Я. Драпкин. — Свердловск, 1987. С. 17; Старостин В.Е. Криминалистическая характеристика и следственная ситуация: соотношение понятий / В.Е. Старостин, В.В. Яровенко // Криминалистические методы расследования преступлений: науч. издание. Тюмень, 1994. С. 50.
8. Волчечкая Т.С. Криминалистическая ситуалогия: Монография. / Под ред. проф. Н.П. Яблокова. Москва; Калинингр. ун-т. — Калининград, 1997—248 с.
9. Криминалистика: Учебник / Отв. ред. Н.П. Яблоков. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Юрист, 2005. — 781 с.
10. Асташкина Е.Н., Марочкин Н.А. Квартирные кражи: проблемы оптимизации и алгоритмизации первоначального этапа расследования. М., 2005. — 181 с.
11. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ.
12. Федеральный закон от 12.08.1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности».
13. Состояние преступности в России за январь — декабрь 2021 года // Министерство внутренних дел Российской Федерации. ФКУ «Главный информационно-аналитический центр». URL: <https://xn — b1aew.xn — p1ai/reports/item/28021552/> (дата обращения: 17.03.2022).

© Кузнецов Александр Владимирович (kuznetsov-crimea@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

г. Краснодар

ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ТРУДОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ РАЗРЕШЕНИЯ ТРУДОВЫХ СПОРОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

THE HISTORY OF THE EMERGENCE AND DEVELOPMENT OF LABOR LEGISLATION IN THE FIELD OF LABOR DISPUTE RESOLUTION IN THE RUSSIAN FEDERATION

*I. Kuznetsova
E. Lachina
T. Matveeva*

Summary. The article is devoted to the Institute of labor rights protection. The paper examines the historical aspects of the regulation of labor conflicts in the Russian Empire. The article analyzes the legislative consolidation of this institution of labor law for a long period.

Keywords: labor disputes (conflicts), labor legislation, systematization of legislation.

Кузнецова Инна Анатольевна

*К.ю.н., доцент, Владимирский филиал РАНХиГС
kyzina33@mail.ru*

Лачина Елена Анатольевна

*К.ю.н., доцент, Владимирский филиал РАНХиГС
Lena-Lachina@mail.ru*

Матвеева Тамара Павловна

*Старший преподаватель, ФКОУ ВО «Владимирский
юридический институт ФСИН России»
matveeva33@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена институту защиты трудовых прав. В работе рассматриваются исторические аспекты регулирования трудовых конфликтов в Российской империи. Анализируется законодательное закрепление данного института трудового права на протяжении длительного периода.

Ключевые слова: трудовые споры (конфликты), трудовое законодательство, систематизация законодательства.

Первые попытки регулирования и систематизации труда были предприняты еще в древности. В III веке до нашей эры начинают формироваться предпосылки различных договоров, касающихся охраны труда, прав женщин в данной сфере. Возникновение и развитие трудового законодательства на территории нашей страны берет начало в XI веке. Зачатки регулирования прав в сфере труда впервые были прописаны в Русской правде [11]. Затем их отголоски можно было встретить в таких документах как: судебник 1496 года, Соборное Уложение 1649 года, положение «Об отношениях между хозяевами фабричных заведений и рабочими людьми, поступающими на оные по найму» и так называемое фабричное законодательство, которое представляло собой свод законов и правил, регулирующих трудовые отношения между рабочими и работодателями на территории Российской Империи.

Однако по мнению некоторых правоведов теоретический фундамент института трудового права начал формироваться после революции 1905–1907 года, в которой одними из основных требований бастующих были: введения 8-ми часового рабочего дня, обязательное государственное страхование рабочих, одинаковая оплата

труда для мужчин и женщин. Это заставило власть пересмотреть условия труда в своей стране.

В итоге, в 1913 году был принят Устав о промышленном труде.[10] Данный документ являлся первым кодифицированным актом, регулирующим сферу труда в России, именно его можно смело назвать прообразом будущих российских кодексов в сфере труда. Устав о промышленном труде систематизировал все уже существующие законы, касающиеся регулирования труда, именно он положил начало большинству институтов трудового права, поэтому его принятие является первым этапом формирования трудового законодательства в нашей стране.[14]

Однако большая часть правоведов склоняется к мнению, что формирование трудового права как отдельной области произошло чуть позже, а именно в 1917 году, после Октябрьской революции. Так, свержение самодержавия, приход к власти Временного правительства, а затем становление советской власти изменило историю нашей страны во всех аспектах, в том числе началось официальное формирование трудового законодательства. Первые шаги в сфере решения трудовых споров

были предприняты уже 10 марта 1917 года. В этот день между Петроградским обществом заводчиков и фабрикантов и Петроградским советом рабочих и солдатских депутатов было заключено соглашение о создании фабрично-заводских комитетов и примирительных камер, а также введен 8-ми часовой рабочий день. В данные комитеты входила группа людей, работающих на данном предприятии [13]. Они избирались самими же рабочими и выступали в качестве представителей от них на определенном предприятии перед его владельцем или администрацией. То есть именно они выражали общее, согласованное мнение всех рабочих этого предприятия. Что касается примирительных камер, то они были уставлены на каждом предприятии. Их основной целью было разрешение споров, недоразумений, конфликтов между рабочими и администрацией. Также была создана Центральная примирительная камера, в состав которой входили выбранные представители из числа рабочих депутатов и из числа фабрикантов. Именно представители Центральной примирительной камеры должны были решать возникшую проблему, которая не была урегулирована в примирительной камере того или иного завода. [12]

Далее следуют изменения, принятые уже советской властью, III Всероссийским съездом Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов был принят ряд документов, регулирующих сферу труда. К ним относятся:

1. Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа.
2. Постановление «Об отпусках».
3. Положение «О порядке утверждения коллективных договоров, устанавливающих ставки заработной платы и условия труда».

А в декабре того же 1918 года был принят первый Кодекс Законов о Труде.[2] Данный кодекс стал следующим этапом развития советского трудового права. В нем были систематизированы и кодифицированы все, имеющиеся на тот момент законы о труде. В 1922 году был принят обновленный вариант Кодекса Законов о Труде (КЗоТ 1922).[3]

Именно в этих кодексах четко регулировался порядок разрешения трудовых споров, а также был создан ряд новых органов, занимающихся вопросами разрешения трудовых споров, например, такие как: подразделения народного комиссариата труда, отделы борьбы труда с капиталом и расценочно-конфликтные комиссии. Данные КЗоТы регламентировали деятельность этих органов. Однако такой порядок рассмотрения трудовых споров имел ряд существенных недостатков. Прежде всего это множественность инстанций, занимающихся решением одного и того же вопроса с различных сторон, что порождало хаос и беспорядок при вынесении

окончательных решений, кроме того, появлялась возможность параллельно обращаться со своим вопросом в различные подразделения и получать различные решения, что порождало бесконечные споры при принятии окончательного решения. В итоге, несмотря на некую систематизацию сама процедура решения трудовых споров была по-прежнему очень разрозненной и неопределенной. Из-за существования большого количества подразделений, ведающих решением трудовых споров, возникало большое количество конфликтных ситуаций, вставал вопрос о том, какой из органов является вышестоящим, незаконченность начатых процессов.

Далее в 1957 году было сформировано Положение «О порядке рассмотрения трудовых споров»,[9] которое определило порядок разрешения трудовых споров. А именно, по данному документу, если какой-либо трудовой конфликт не был решен посредством переговоров между работодателем и работников, то дело передавалось на рассмотрение комиссии по трудовым спорам.

Новая крупномасштабная реформа в области труда в СССР была проведена в 1970 году. Она была связана с принятием закона под названием «Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о труде».[8] Благодаря этому документу были вновь систематизированы все существующие нормативно-правовые акты в области труда, устранены недочеты и противоречия между ними. Была также проведена кодификация трудового законодательства Союза ССР. На следующий год был сформирован новый Кодекс Законов о Труде и Положение о порядке рассмотрения трудовых споров.[4] Данный КЗоТ помимо общего совершенствования уже существующих нормативно-правовых норм в области труда, выдвигал трудовой договор, в качестве соглашения между работником и предприятием, по которому работник должен четко следовать установленному распорядку и соблюдать правила. Также теперь решение трудовых споров стали возлагаться на следующие органы:

- ◆ Комиссии по трудовым спорам
- ◆ Профсоюзные комитеты
- ◆ Районные народные суды
- ◆ Другие вышестоящие органы

В 1977 году была принята новая Конституция СССР, в которой большой упор делался на расширение такого понятия как трудовые коллективы, началось их распространение, теперь они стали выступать в качестве субъектов права.[1]

Позднее в 80-х годах был принят ряд законов продолжающих их развитие: «О трудовых коллективах и повышении их роли в управлении предприятиями, учреждениями, организациями» [6] и «О государствен-

ном предприятии».[7] Также в 80-х годах власти делали упор на защиту прав работников. В связи с этим у последних появился выбор, куда они могут обращаться в случае возникновения индивидуальных трудовых споров. Это можно было сделать, подав заявление в суд или в комиссию по трудовым спорам. Позднее в 1989 году вступил в силу Закон «О порядке разрешения коллективных трудовых споров (конфликтов)», [5] по которому был установлен определенный порядок рассмотрения коллективных трудовых споров. На первом этапе коллективный трудовой спор должен быть рассмотрен примирительной комиссией, затем трудовым арбитражем. Стоит отметить, что в 23 ноября 1995 года был принят федеральный закон № 175-ФЗ «О порядке разрешения коллективных трудовых споров», который в настоящее время утратил силу.

Следующим значимым событием на пути развития трудового права в России становится внесение изменений в существующий Кодекс Законов о Труде, которое произошло через год после распада СССР, в 1992 году. Изменения были настолько многочисленными и затронули практически все статьи предыдущего кодекса, что их внесение можно описать как попытку разработки новой редакции Кодекса. Все они были направлены на либерализацию и демократизацию трудовых отношений, на развитие рыночной экономики. В отличие от предыдущих редакций КЗоТ, положения которых распространялись лишь на определенные слои общества, а именно на служащих и рабочих, новая редакция регулировала трудовые отношения между всеми работающими членами общества. Права и обязанности рабочих также претерпели изменения, теперь они полностью опирались на Декларацию прав и свобод человека и гражданина, а также на акты Организации Объединенных Наций и Международной Организации Труда. Также важным было изменение самого понятия права на труд. Теперь в отличие от социалистического представления права на труд, его главными принципами стали свобода и добровольность. Профсоюзы лишились полномочий рассматривать трудовые споры. Было запрещено любое принуждение к труду. Было провозглашено большое количество новых прав и обязанностей работников. Среди них: право на защиту от безработицы, право на вознаграждение за равный труд, право на возмещение ущерба, в связи с получением травм в ходе работы, право на судебную защиту в данной сфере. К обязанностям работников относилось добросовестное выполнение своих обязанностей.

Постепенный переход к рыночной экономике неизбежно повлек за собой экономические изменения, а также и пересмотр методов нормативно-правового регулирования в сфере труда. Наиболее негативным последствием этого перехода стало резкое повышение

уровня безработицы в стране. Большое количество работодателей лишились государственной поддержки и не сумели приспособиться к новым экономическим реалиям. И, несмотря на то, что перед государством стояла острая необходимость реформирования старого или принятие нового Кодекса, этот процесс затянулся на довольно длительный срок. 30 декабря 2001 года был принят новый Трудовой Кодекс России. В процессе составления данного кодекса учитывались достижения науки трудового права, проводился подробный разбор наиболее значимых в данной сфере международных документов: конвенций МОТ, учитывались все трудовые стандарты международного трудового права.

Таким образом целесообразно выделить ряд принципиально новых изменений в Трудовом Кодексе:

- ◆ Было сформировано единое определение термина — трудовой договор;
- ◆ Теперь трудовой договор стал выступать в качестве основного метода урегулирования противоречий и споров в сфере трудовых отношений;
- ◆ Целью трудового законодательства провозглашалась защита прав и интересов работодателей и работников;
- ◆ Наряду с организациями в качестве работодателей могли выступать граждане;
- ◆ Появляется такая формулировка как «соглашение сторон»
- ◆ Полномочия федеральных и региональных властей были разграничены;
- ◆ Впервые была установлена сумма минимальной оплаты труда, которая не должна была быть ниже прожиточного минимума;
- ◆ Работодатели не должны были руководствоваться согласием профсоюзных органов при принятии тех или иных решений;
- ◆ Был уменьшен перечень дисциплинарных взысканий.

Как уже упоминалось выше, данный Трудовой Кодекс актуален на территории Российской Федерации, однако на фоне постоянных экономических и социальных изменений в стране и во всем мире, в него вносятся различные поправки. Так, в 2006 году с учетом практики в Трудовой Кодекс Российской Федерации было внесено порядка 300 поправок.

Отсюда можно подвести итог, что на протяжении долгого периода в нашей стране не было четкого порядка рассмотрения трудовых споров. Инстанции, занимающиеся вопросами в данной сфере, постоянно менялись. И лишь с принятием в 2001 году Трудового кодекса Российской Федерации был установлен определенный порядок рассмотрения коллективных трудовых споров.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г.) // СПС «Гарант» (дата обращения: 08.04.2022).
2. Кодекс законов о труде 1918 г. // СУ РСФСР — 1918 — № 87–88 — Ст. 905. (утратил силу).
3. Кодекс законов о труде РСФСР от 20.11.1922 // СУ РСФСР. 1922. № 70. Ст. 903 (утратил силу).
4. Кодекс законов о труде РСФСР от 09.12.1971 года // [Электронный ресурс] Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик Режим доступа: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_7723.htm (дата обращения: 08.04.2022).
5. Закон СССР от 9 октября 1989 г. № 580-I «О порядке разрешения коллективных трудовых споров (конфликтов) «Федеральным законом от 23 ноября 1995 г. № 175 настоящий Закон признан не действующим в Российской Федерации. В настоящий документ внесены изменения следующими документами: Закон СССР от 20 мая 1991 г. № 2179-I // Российская газета // 05 Дек 1995 года.
6. Закон СССР от 17.06.1983 «О трудовых коллективах и повышении их роли в управлении предприятиями, учреждениями, организациями» // СПС «Консультант плюс» (дата обращения: 10.11.2021).
7. Закон СССР от 30.06.1987 N7284-XI «О государственном предприятии (объединении)» // СПС «Консультант плюс» (дата обращения: 08.04.2022).
8. Закон СССР от 15.07.1970 «Об утверждении Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о труде» // СПС «Консультант плюс» (утратил силу) (Дата обращения: 08.04.2022).
9. Указ от 31 января 1957 года «Об утверждении положения о порядке рассмотрения трудовых споров» // [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/901815838> (утратил силу) (Дата обращения: 08.04.2022).
10. Устав о промышленном труде 1913 г. // Приложение из учебного пособия И.Я Киселева «Трудовое право России». М., 2001.
11. Базанов П.Н. Братство Русской Правды — самая загадочная организация Русского Зарубежья: моногр. — М.: Содружество «Посев», 2013. — С. 47.
12. Кац А.К. Истории примирительных камер в России // Вестник труда. — 1923. — № 10. — С. 186.
13. Самигулин В.К. Право и неправое // Государство и право. — 2020. — № 3. — С. 9.
14. Соколов А.Н. Гражданское общество: проблемы формирования и развития (философский и юридический аспекты): монография. — Калининград: Калининградский ЮИ МВД России, 2019. — С. 117

© Кузнецова Инна Анатольевна (kuzina33@mail.ru),

Лачина Елена Анатольевна (Lena-Lachina@mail.ru), Матвеева Тамара Павловна (matveeva33@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ ТРАНСГРАНИЧНОЙ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ КИТАЯ

Кулажина Анастасия Олеговна

Финансовый университет при Правительстве
России, Москва
anastasiakulazhina@yandex.ru

THEORETICAL AND LEGAL ISSUES OF CHINA'S CROSS-BORDER INSOLVENCY

A. Kulazhina

Summary. The article is devoted to the analysis of theoretical and legal approaches to the regulation of cross-border bankruptcy. The national legislation of individual states must address at least three major legal issues in order to create a functioning system for regulating cross-border insolvency. These issues are: rules for choosing the applicable law, rules for determining jurisdiction, and rules for the recognition and enforcement of foreign judgments in insolvency matters. In this regard, it is necessary to consider the existing approaches to address the problems associated with cross-border insolvency in the systems of mainland China, Hong Kong and Macau. To do this, the author analyzes the legislation of mainland China on cross-border bankruptcy.

Keywords: cross-border insolvency, special administrative regions, Mainland Chinese Enterprise Bankruptcy Law, Hong Kong bankruptcy system.

Аннотация. Статья посвящена анализу теоретических и правовых подходов к регулированию трансграничного банкротства. Национальное законодательство отдельных государств должно разрешать как минимум три основные правовые проблемы для создания функционирующей системы регулирования трансграничной несостоятельности. Данными проблемами являются: правила выбора применимого права, правила определения юрисдикции, а также правила признания и исполнения иностранных судебных решений по вопросам несостоятельности. В связи с этим необходимо рассмотреть существующие подходы решения проблем, связанных с трансграничной несостоятельностью в системах материкового Китая, Гонконга и Макао. Для этого автор анализирует законодательство материкового Китая о трансграничном банкротстве.

Ключевые слова: трансграничная несостоятельность, специальные административные районы, Закон о банкротстве предприятий материковой части Китая, система банкротства Гонконга.

Правовая система Китая перенесла множество коренных изменений в течение XX и XXI веков. Конфуцианство и фаджия (легизм) все еще «конкурируют» друг с другом и сосуществуют в этой стране. После 1949 года, когда КНР была основана, новое правительство использовало модель Советского Союза в качестве эталона для создания своей новой системы [1]. В течение последних десятилетий Китай перенял несколько западных правовых норм, особенно в области коммерческого права. Страна уже приняла или была вынуждена принять западные правовые нормы во времена потрясений конца XIX века и начала XX века. Однако коммунистический режим в эпоху Мао Цзэдуна изменил почти все.

После воссоединения материкового Китая с Макао, Гонконгом и Тайванем основной формулой, принятой материковой частью, является принцип «одна страна, две системы». Он был провозглашен Дэн Сяопином, стал конституционным принципом, разработанным для воссоединения Гонконга с Китаем в начале 1980-х годов [2]. Данный принцип был записан в Китайско-Британской совместной декларации и Совместной декларации по вопросу о Макао между Португалией и КНР

Материковая часть и специальные административные районы (САР) заключили ряд соглашений о правовом сотрудничестве. Среди них были договоренности,

касающиеся признания и приведения в исполнение судебных решений по гражданским и коммерческим делам.

Материковая часть и САР Гонконг в 2006 году заключили Соглашение о взаимном признании и исполнении судебных решений по гражданским и коммерческим делам судами материковой части и специального административного района Гонконг [3]. Оно было принято 12 июня 2006 года и вступило в силу 1 августа 2008 года. Это относится только к гражданским и коммерческим делам и требует согласно соглашению о выборе юрисдикции — чтобы оно было рассмотрено в Гонконге, либо в Китае [2]. Было отмечено, что это ограничительное требование могло бы стимулировать выбор истца подать иск в тот суд, который придет к выводу о применении наиболее выгодного для данной стороны материально-го права, а не в другой доступный суд. Это позволило бы «стороне обратиться в китайский суд с целью избежать предусмотренной им оговорки о юрисдикции» и, таким образом, «сделало бы недействительными многие положения о юрисдикции, которые могут быть действительными в соответствии с законодательством других стран» [4].

Кроме того, в 2006 году материковая часть и САР Макао заключили Соглашение о взаимном признании и исполнении гражданских и коммерческих судебных решений. Это соглашение лучше проработано по сравнению с соглашением между материковой частью и Гонконгом: оно имеет более широкую сферу применения и не требует соглашения о выборе суда.

В 2009 году материковая часть и Тайвань заключили Соглашение между обеими сторонами Тайваньского пролива о совместной борьбе с преступлениями и взаимной правовой помощи. В том же году Верховный народный суд обнародовал Дополнительные положения Верховного народного суда о признании Народными судами решений соответствующих судов Тайваньского региона по гражданским делам [1].

До 2006 года система банкротства в Китае не была однородной. На государственные предприятия распространялось действие закона 1986 года, в то время как на предприятия, не являющиеся госпредприятиями, распространялось действие Закона КНР о гражданском судопроизводстве 1991 года, а также другие нормативных актов, указы и толкования законов о банкротстве.

Несколько причин привели к реформе закона о банкротстве. В последующие годы наблюдался быстрый рост частной экономики, что потребовало создания Закона о банкротстве, который мог бы соответствовать изменяющимся тенденциям. Кроме того, азиатский фи-

нансовый кризис 1997 года был «значительным ускоряющим событием», несмотря на то, что он не имел серьезных последствий в Китае, как в других азиатских странах, которые также начали реформировать свое законодательство о несостоятельности [5].

Реформа законодательства о банкротстве в Китае, как и реформы законодательства в этой сфере во многих других странах, во многом была результатом западного влияния. Китайские юристы, которые учились в западных университетах и работали с западными юристами, находились в совете, который разработал новый Закон о банкротстве китайских предприятий. Проекты были переданы для комментариев экспертам международных организаций.

Действующее законодательство о несостоятельности — Закон о банкротстве предприятий Материковой части Китая был опубликован 27 августа 2006 года и вступил в силу 1 июня 2007 года. Он состоит из 12 глав и 136 статей [6].

Это событие было «значительным шагом вперед» для законодательства страны. Данный закон заменил административный процесс банкротства судебным процессом. В отличие от предыдущего закона, Закон о банкротстве предприятий применяется к юридическим лицам. Это определение охватывает госпредприятия, негосударственные предприятия, частные предприятия и предприятия с иностранными инвестициями; оно исключает партнерства и предприятия, принадлежащие частным лицам.

Утверждается, что этот закон представляет «альтернативную точку зрения», которая «значительно отличается от глобального тренда» [7].

Тем не менее, он представляет собой «радикальный пересмотр старого закона» и высоко оценивается многими учеными. Очевидно, что это способствует развитию рыночной экономики Китая, так как неплатежеспособность как институт является частью этой экономики.

Отмечается, что правовая база Китая о банкротстве состоит из двух частей: Закона о банкротстве предприятий и судебной практики Верховного народного суда.

Закон о банкротстве предприятий предусматривает три процедуры банкротства: ликвидацию, реорганизацию и примирение (или урегулирование путем подписания соглашения между банкротом и его кредиторами, в соответствии с которым сумма, которую он может выплатить, ликвидируется, и ему разрешается сохранить свои активы при условии, что он произведет согласованные платежи). Согласно данным практикующих юри-

стов (хотя официальной статистики еще нет, сводные официальные данные отсутствуют), на сегодняшний день основное внимание в разбирательствах уделялось ликвидации, причем только 20% дел — это дела о реорганизации и очень мало дел о примирении [8].

Следует отметить, что главной чертой Закона о банкротстве предприятий является то, что только должник и конкурсный управляющий имеют право предлагать план реорганизации.

Еще одной очень важной характеристикой Закона о банкротстве предприятий является то, что в ней большое внимание уделяется защите прав работников. Таким образом, для того, чтобы ходатайствовать о подтверждении судом плана реорганизации, требования сотрудников предприятия должны быть полностью удовлетворены.

В случае реорганизации, когда план реорганизации должен быть представлен (должником) и одобрен всеми группами кредиторов, суд может использовать свои полномочия для ограничения плана реорганизации, то есть заставить кредиторов принять план, даже если они этого не хотят. Утверждается, что широкое использование принудительного навязывания судом плана реорганизации способствует низкому уровню погашения задолженности кредиторами [9].

Можно констатировать, что законодательство о банкротстве в Китае недостаточно разработано для учета интересов кредиторов [9]; упоминаются различные причины, такие как то, что процедурные требования для инициирования процедуры банкротства достаточно сложны или что китайское законодательство о банкротстве скорее «вытесняет директора», чем «благоприятствует директору», поскольку это предусматривает, что назначенный судом конкурсный управляющий начнет производство, как только суд откроет процедуру банкротства. Но последний аргумент не кажется убедительным, учитывая тот факт, что многие национальные законы о банкротстве действуют аналогичным образом.

В любом случае, количество процедур банкротства в Китае изначально было очень низкими по разным причинам, среди которых был высокий уровень осторожности судов относительно того, принимать банкротство или нет.

Как отмечается, концепции трансграничного банкротства, не существовало в национальном законодательстве Китая до принятия Закона о банкротстве предприятий 2006 года. Это не означает, что не было дел о трансграничной несостоятельности в Китае. Это означает, что не существовало общенационального за-

конодательства, касающегося трансграничной несостоятельности. Политика внешнеэкономической открытости в 1978 году также привела к таким делам, решение которых было территориальным (согласно концепции территориализма) и основывалось на законах о гражданском процессе [10].

Статья 5 Закона о банкротстве предприятий 2006 года является первым и единственным китайским положением, направленным на регулирование трансграничной несостоятельности, где не существует правил, регулирующих международную юрисдикцию или выбор права. Она состоит из двух пунктов, соответственно касающихся универсальной цели китайского судопроизводства по делу о несостоятельности и модифицированного универсализма — подхода к производству по делу о несостоятельности с иностранным элементом в Китае.

В первом абзаце говорится, что процедуры банкротства, начатые в соответствии с этим Законом, являются обязательными для имущества должника, находящегося за пределами территории Китайской Народной Республики.

Во втором абзаце излагаются критерии признания иностранного производства по делу о банкротстве. Следовательно, для производства по делу о несостоятельности, открытого за пределами материковой части Китая, должны быть соблюдены следующие условия:

- ◆ были заключены соответствующие международные договоры между соответствующей страной и материковым Китаем;
- ◆ или установлены взаимные отношения между соответствующей страной и материковым Китаем;
- ◆ производство по делу о несостоятельности не должно нарушать основные принципы законодательства КНР;
- ◆ производство по делу о несостоятельности не должно ставить под угрозу суверенитет и безопасность государства или общественные интересы;
- ◆ производство по делу о несостоятельности не должно подрывать законные права и интересы кредиторов в материковом Китае [1].

Что касается первого условия, известно, что с 1987 года по сегодняшний день Китай подписал более 30 договоров или соглашений о взаимной гражданской и коммерческой судебной помощи. Некоторые из них исключают признание производства по делу о несостоятельности, в то время как некоторые другие применяются только к признанию арбитражных решений. В любом случае наличие соответствующего двустороннего договора считается конкретным основанием для признания

иностранный суд по делу о несостоятельности китайским судом.

Если нет договора о взаимной гражданской и коммерческой судебной помощи, иностранный производство по делу о несостоятельности, вероятно, не будет признано. Так, китайский суд отказался признать решение Великобритании, которое открыло производство по делу о несостоятельности Lehman Brothers International Europe (LBIE) на том основании, что между Великобританией и Китаем не было заключено никакого договора. Напротив, китайские суды признали производство по делу о несостоятельности во Франции и Италии на основании двусторонних договоров о судебном сотрудничестве, которые были заключены между Китаем и другими странами [11].

Перейдем к системе несостоятельности Гонконга. Она разработана по образцу Закона Великобритании о несостоятельности 1986 года.

В настоящее время установлено, что иностранные представители, назначенные в месте регистрации должника, могут, на основе правил судебного разбирательства в общественных интересах (PIL) получать признание и помощь в Гонконге, не вступая в местные вспомогательные процедуры ликвидации. При некоторых обстоятельствах такое признание и помощь могут быть получены даже без прохождения какого-либо судебного разбирательства.

В деле *The Joint Official Liquidators of A Company v. Band Another (Re A Company)* было установлено, что: «...если лицо в Гонконге получает запрос или указание от ликвидатора иностранной корпорации, которое, если бы оно исходило от совета директоров этой иностранной корпорации, он бы выполнил, ему следует, как только он убедится, что ликвидатор был должным образом назначен по месту регистрации, действовать в соответствии с запросом или указанием» [12].

Доля в компании Re A была подтверждена в деле *Bay Capital Asia Fund, LP (In Official Liquidation) v. DBS Bank (Hong Kong) [Bay Capital]*. Судья счел, что отказ DBS сотрудничать без предъявления постановления о при-

знании, выданного судом Гонконга, был «неприглядным упражнением в глупости, которое не преследовало никакой другой цели, кроме увеличения расходов» [13].

«Одна страна, две системы», как упоминалось ранее, — это идея, используемая для параллельного функционирования двух судебных систем в пределах одной страны: на материковом Китае и Гонконге. Гонконг был возвращен под суверенитет Китая в 1997 году. Статья 8 Основного закона, Конституции Гонконга, предусматривает, что «законы, ранее действовавшие в Гонконге, то есть общее право, правила справедливости, порядки, подзаконные акты и обычное право, должны сохраняться, за исключением любых, которые противоречат этому Закону и подлежат поправкам, внесенных законодательным органом Специального административного района Гонконг».

19 декабря 1984 года была принята Совместная декларация правительства Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии и Правительства Народной Китайской Республики по вопросу о Гонконге. Декларация объявила, что колония Гонконг будет возвращена Китаю в качестве Правительства Специального административного района Гонконг с 1 июля 1997 года. Китай гарантировал свободы и плюрализм Правительства Специального административного района Гонконг в условиях верховенства закона в течение 50 лет, начиная с даты возвращения.

С 1997 года в Гонконге действует двойная система права. Китайский и английский языки имеют равный статус в системе Гонконга и являются официальными языками закона. Статья 9 Основного закона предусматривает, что «[в] дополнение к китайскому языку английский также может использоваться в качестве официального языка исполнительской, законодательной и судебной власти Специального административного района Гонконг».

Отмечается, что каждая из двух языковых структур «поддерживает свой собственный стандарты и пределы прагматической эффективности; что английский — это язык бизнеса, политики и других общественных мероприятий, а кантонский диалект китайского языка — это язык семьи, средств массовой информации и улицы».

ЛИТЕРАТУРА

1. Gong X (2018) *China's insolvency law and interregional cooperation. Comparative perspectives from China and the EU*. Routledge, London and New York
2. Lee EH (2015a) Comparing Hong Kong and Chinese insolvency laws and their cross-border complexities. *J Comp Law* 9:259–280
3. Zhang X, Smart P (2006) Development of regional conflict of laws: on the arrangement of mutual recognition and enforcement of judgments in civil and commercial matters between Mainland China and Hong Kong SAR. *Hong Kong Law J* 36:553–584
4. Tang ZS (2012) Effectiveness of exclusive jurisdiction clauses in the Chinese courts — a pragmatic study. *Int Comp Law Q* 61:459–484
5. Gao S, Wang Z (2017) The U.S. reorganization regime in the Chinese mirror: legal transplantation and obstructed efficiency. *Am Bankruptcy Law J* 91:139–176

6. Lee EH (2011) The reorganization process under China's corporate bankruptcy system. *Int Lawyer* 45:939–974
7. Godwin A (2012) Corporate rescue in Asia — trends and challenges. *Sydn Law Rev* 34:163–187
8. Steele S, Godwin A, Jin C, Han C, Ren Y, Chi W (2017) Trends and developments in Chinese insolvency law: the first decade of the PRC Enterprise Bankruptcy Law
9. Wei C, Chen Y (2018) The predicament of bank creditors in Chinese bankruptcy and the way out. *Int Insolv Rev* 27:110–134
10. Int Insolv Rev 27:110–134
11. Parry R, Gao N (2018) The future direction of China's cross-border insolvency laws, related issues and potential problems. *Int Insolv Rev* 27:5–31
12. Gong X (2013) To recognise or not to recognise? Comparative study of Lehman brothers cases in Mainland China and Taiwan. *Int Corp Rescue* 10:240–247
13. *The Joint Official Liquidators of A Company v. B and Another* HCMP 902/2014 [2014] 4 HKLRD374.
14. *Bay Capital Asia Fund, LP (In Official Liquidation) v. DBS Bank (Hong Kong) Ltd* HCMP 3104/2015

© Кулажина Анастасия Олеговна (anastasiakulazhina@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

К ВОПРОСУ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫХ КОРПОРАЦИЙ ЗА ОГРАНИЧЕНИЕ ДОСТУПА К ТЕХНОЛОГИЯМ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

RESPONSIBILITY OF TRANSNATIONAL CORPORATIONS FOR RESTRICTING ACCESS TO HEALTHCARE TECHNOLOGIES IN INTERNATIONAL LAW

V. Malichenko

Summary. Health technologies have historically been the basis for organizing the provision of effective medical care, containment of infectious pandemics and counteraction to life-threatening diseases. A significant contribution to the pace of technological progress and the introduction of innovations in the health care systems is made by transnational corporations. The legal regime for the protection of intellectual property rights guarantees the exclusive rights of TNCs for a certain period of time, including making a profit to compensate for the economic costs of research and development. However, technology exclusivity permits high prices for technology, dramatically increasing government spending, limiting access to technology, and limiting the enjoyment of the human right to the highest attainable standard of health. The issue of responsibility of TNCs under international law has become a significant topic in scientific literature and documents of international organisations. The article reviews the main stages in the formation of the foundations for ensuring the responsibility of TNCs for violations of human rights in international law. The author pays special attention to the issue of the role of TNCs in ensuring the human right to health in the context of access to health technologies. The article formulates recommendations regarding the further development of the legal framework for ensuring the responsibility of TNCs for restrictions on ensuring the human right to health.

Keywords: TNCs, health technologies, international responsibility, right to health, patent protection.

Маличенко Владислав Сергеевич

К.ю.н., с.н.с., Институт законодательства
и сравнительного правоведения при Правительстве
Российской Федерации, г. Москва
vlad.malichenko@gmail.com

Аннотация. Технологии здравоохранения исторически являлись основой организации оказания эффективной медицинской помощи, сдерживания инфекционных пандемий и противодействия жизнеугрожающим заболеваниям. Существенный вклад в темпы технологического прогресса и внедрение инноваций в системы здравоохранения различных государств мира вносят транснациональные корпорации. Правовой режим защиты прав интеллектуальной собственности гарантирует эксклюзивные права транснациональных корпораций в течение определенного периода времени распоряжаться разрабатываемой технологией, в том числе извлекая прибыль для возмещения экономических затрат на научно-исследовательскую деятельность. Однако эксклюзивные права на технологии позволяют устанавливать высокий уровень цен на технологии, драматически увеличивая затраты государственного бюджета, ограничивая доступ к технологиям и ограничивая обеспечения права человека на наивысший достижимый уровень здоровья. В ситуации злоупотребления правами на технологию все чаще в научной литературе, а также документах международных организаций обращаются к вопросу ответственности транснациональных корпораций по международному праву. В статье рассматриваются основные этапы формирования основ обеспечения ответственности транснациональных корпораций за нарушение прав человека в международном праве. Отдельное внимание автором уделяется вопросу роли транснациональных корпораций в обеспечении права человека на здоровье в контексте доступа к технологиям здравоохранения. В статье сформулированы рекомендации в отношении дальнейшего развития правовых основ обеспечения ответственности транснациональных корпораций за ограничения обеспечения права человека на здоровье.

Ключевые слова: транснациональные корпорации, технологии здравоохранения, право международной ответственности, право на здоровье, патентная защита.

Разработка и применение технологий здравоохранения занимают важное место в развитии человечества на протяжении всей его истории. Технологический прогресс, достигнутый в отношении разработки новых подходов к диагностике, профилактике и лечению заболеваний позволил обеспечить качественно новый уровень оказания медицинской помощи

и гарантировать излечение от заболеваний, ранее считавшихся смертельно опасными. Роль транснациональных корпораций (далее — ТНК) в обеспечении доступа к технологиям здравоохранения неоспорима. Являясь основным источником инвестиций в разработку новых технологий здравоохранения, деятельность ТНК может приводить не только к внедрению новых технологи-

ческих решений в сферу охраны здоровья человека, но и к систематическому ограничению обеспечения основополагающих прав человека.

Обращение технологий здравоохранения является комплексным процессом, что формирует множество барьеров в обеспечении доступа к технологиям здравоохранения. В контексте изучения вопроса роли ТНК в обеспечении прав человека отдельного внимания заслуживает институт патентной защиты. Патентная защита одновременно является основным триггером разработки новых технологий и барьером обеспечения передачи и доступа к технологиям здравоохранения [5, pp. 1–36].

Механизмы патентной защиты, а также другие правовые механизмы защиты исключительных прав на разработанную технологию позволяют производителям определять цену на продукцию, что зачастую формирует существенную экономическую нагрузку на бюджет здравоохранения каждого государства. При этом уровень цен может существенно отличаться в зависимости от региона мира, что все чаще является предметом обсуждения правительствами различных стран, а также международных организаций. Влиянию патентной защиты на доступ к технологиям здравоохранения посвящено множество тематических докладов ВОЗ [7, pp. 42: 6, pp. 7; 1, pp. 8; 9, pp. 17; 15, pp. 28].

Наравне с патентной защитой все большее влияние на доступность технологий здравоохранения оказывают механизмы защиты эксклюзивности данных клинических исследований, ограничивающие возможность их использования другими производителями для регистрации аналогичных технологий на определенный законом срок [8, pp. 355–356]. Ввиду определенных ограничений, налагаемых положениями нормативно-правовых актов универсального и регионального характера в сфере защиты исключительных прав разработчиков, доступ к данным клинических исследований зачастую ограничен.

Концептуальные основы ответственности ТНК в системе международного права. Положения, устанавливающие обязательства ТНК в отношении обеспечения защиты прав человека, содержатся в основополагающих нормативно-правовых актах универсального и регионального характера по защите прав человека. В преамбуле ВДПЧ сформулировано, что «каждый орган общества» должен стремиться содействовать уважению прав и свобод, установленных Декларацией. Под «каждым органом общества» в том числе следует понимать ТНК.

Попытки сформулировать системный подход к регулированию деятельности ТНК предпринимались между-

народными организациями начиная с 1970-х гг. В Декларации по установлению НМЭП, принятой ГА ООН в 1974 г. сформулировано право государств контролировать деятельность ТНК, действующих в пределах его границ, а также подчеркивается необходимость разработать кодекс поведения ТНК, который предотвратил бы экономическую эксплуатацию принимающих стран [3]. В Хартии экономических прав и обязанностей государств 1974 г. содержатся положения в отношении регулирования деятельности ТНК [2]. В частности, сформулировано право государств «регулировать и контролировать деятельность ТНК и принимать меры по обеспечению того, чтобы такая деятельность не противоречила его законам, нормам и постановлениям и соответствовала его экономической и социальной политике» [2].

В 1974 г. ЭКОСОС учредил межправительственную Комиссию ООН по ТНК (Комиссия) с целью разработки Кодекса поведения ТНК [13]. Проект Кодекса поведения транснациональных корпораций ООН (Кодекс) был подготовлен в 1990 г. и стал попыткой найти баланс между конкурирующими интересами регулирования деятельности ТНК и установлением основных стандартов недискриминационного поведения правительства принимающей страны по отношению к ТНК [4]. В проекте кодекса сформулированы отдельные обязательства ТНК в отношении охраны здоровья, включая необходимость соблюдения национального законодательства стран, которое в свою очередь должно отражать международные стандарты в данной области, а также необходимость информировать государственные органы о потенциальном влиянии производимой продукции на состояние здоровья населения. Однако переговоры по утверждению Кодекса были остановлены в 1992 г. ввиду отсутствия поддержки со стороны промышленно развитых стран.

Вопросу ответственности ТНК за нарушение прав человека уделялось отдельное внимание в деятельности Специальных процедур Совета по правам человека (СПЧ). В период с 2005–2011 гг. действовал мандат «Специального представителя по вопросу о правах человека и транснациональных корпорациях и других предприятиях» (Специальный представитель), подготовившего множество тематических докладов. Отдельное внимание необходимо уделить «Руководящим принципам предпринимательской деятельности в аспекте прав человека» 2011 г., известным как принципы Ругги [11]. Согласно «Принципам Ругги», компании несут ответственность за «уважение» прав человека, что в практическом плане подразумевает обеспечение приемлемой ценовой политики, а также физического наличия продукции и обмена научной информацией и передачи необходимых технологий здравоохранения.

В 2014 г. СПЧ учредил «Межправительственную рабочую группу открытого состава по транснациональным корпорациям и другим предприятиям в аспекте прав человека», для разработки нормативно-правового акта универсального характера, регулирующего деятельность ТНК в контексте защиты прав человека. Необходимо отметить, что в проекте документа, отсутствуют положения в отношении ответственности ТНК за ограничение доступа к производимой продукции. Вследствие чего документ не применим к ТНК в сфере медицинской и фармацевтической промышленности при обсуждении вопросов ответственности за ограничения доступа к необходимым технологиям.

Роль ТНК в обеспечении права на наивысший достижимый уровень здоровья. Признавая роль ТНК в разработке и передаче технологий здравоохранения необходимо констатировать их влияние на обеспечение права человека на здоровье.

В докладе Специального докладчика по вопросу о праве каждого человека на наивысший достижимый уровень физического и психического здоровья, посвященный роли ТНК в обеспечении права человека на здоровье 2008 г., отдельное внимание уделяется ответственности фармацевтических компаний по защите права человека на доступ к лекарственным средствам. Вместе с тем в докладе также сформулировано, что первоочередное обязательство по обеспечению доступа к технологиям здравоохранения возлагается на государство. Таким образом следует сделать вывод, что государства должны предпринимать меры законодательного и иного характера для обеспечения надлежащей деятельности фармацевтических производителей с целью защиты прав человека.

В 2011 г. Специальным докладчиком был подготовлен доклад, посвященный вопросу доступа к лекарственным средствам, как важному элементу права на здоровье [14]. В п. 26 документа отмечается, что хотя первостепенное обязательство обеспечения доступа к технологиям здравоохранения возложено на государства, его необходимо разделять с ТНК, которые должны осуществлять свою деятельность на основе принципов социальной ответственности. Признавая коммерческие цели ТНК фармацевтической компаний, Специальный докладчик подчеркивает, что основной задачей их деятельности является расширение доступа к лекарственным средствам, которую надо рассматривать в контексте других прав человека.

Вопросы ответственности ТНК в отношении защиты права человека на здоровье рассматривались в деятельности КЭСКОП. В Заявлении КЭСКОП о последствиях глобализации для реализации экономических, социаль-

ных и культурных прав 1998 г., подтверждается обязательство ТНК в отношении обеспечения экономических, социальных и культурных прав, а также подчеркивается необходимость применения торговых соглашений для регулирования ценообразования и противодействия формированию монополий [16]. В Замечании общего порядка № 14 2000 г. конкретизируется ответственность государств за контроль приватизации сектора здравоохранения для обеспечения «наличия, доступности, качества» объектов, товаров и услуг здравоохранения. Однако необходимо отметить, что в документе не сформулирован вопрос об ответственности ТНК, что не позволяет сформировать комплексное понимание ответственности ТНК за нарушение прав человека включая ограничение доступа к технологиям здравоохранения.

В Замечание общего порядка № 24 2017 г. разъясняются обязательства государств-участников МПЭСКОП с целью устранения неблагоприятных последствий предпринимательской деятельности для реализации прав человека. Замечание общего порядка № 24 подчеркивает, что государства-участники имеют основанные на ст. 2 МПЭСКОП экстерриториальные обязательства по принятию мер для предотвращения и борьбы с нарушениями прав человека, происходящими за пределами их территорий вследствие деятельности хозяйствующих субъектов, над которыми они могут осуществлять контроль. Руководствуясь положениями ст. 15 ВДПЧ о праве на пользование результатами научного прогресса, в Замечании общего порядка № 24 сформулирована рекомендация государствам по разработке рамочной основы в области защиты прав интеллектуальной собственности для снижения вероятности ограничения доступа к технологиям здравоохранения.

В Специальном заявлении КЭСКОП, посвященном вопросу всеобщей вакцинации в п. 6 подчеркивается, что основным разработчиком вакцин являются ТНК, а на разработки распространяется режим защиты прав интеллектуальной собственности [12]. КЭСКОП обращает внимание, что интеллектуальная собственность является социальным продуктом, направленным на выполнение социальной функции. В этой связи обязательством государства является обеспечить доступ к вакцинам, в том числе используя гибкие механизмы ТРИПС. В п. 7 Заявления конкретизируется обязательство ТНК соблюдать права, сформулированные МПЭСКОП и не злоупотреблять правами на интеллектуальную собственность.

Обобщая позицию, представленную в документах международных организаций, следует сделать вывод, что обязательства в отношении обеспечения права человека на наивысший достижимый уровень здоровья и доступ к технологиям здравоохранения, сформулированные в МПЭСКОП, а также иных нормативно-правовых

актах универсального характера, распространяются на ТНК. Необходимо отметить, что патенты и иные права интеллектуальной собственности являются социальным продуктом и не должны становиться механизмом злоупотребления, монопольного увеличения цен и ограничения доступа к технологиям здравоохранения.

Руководствуясь основополагающей ролью ТНК в разработке технологий здравоохранения в обеспечении права человека на наивысший достижимый уро-

вень здоровья первостепенной рекомендацией является необходимость внедрения специфических индикаторов оценки их влияния на обеспечение прав человека с целью формирования необходимой доказательную базу для разработки необходимых правовых мер. В частности, подобные факты могут служить основанием для пересмотра отдельных положений региональных торговых соглашений, содержащих положения ТРИПС-плюс или использования в рамках специальных процедур УВКПЧ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Access to Antiretroviral Drugs in Low- and Middle-Income Countries, Technical Report, Geneva: WHO. 2014. — 44 p.
2. Charter of Economic Rights and Duties of States. 1974, A/RES/3281(XXIX)
3. Declaration on the Establishment of a New International Economic Order. Adopted at the 2229th plenary meeting, 1 May 1974. A/RES/3201(S-VI).
4. Development and International Economic Co-Operation: Transnational Corporations, U.N. ESCOR, 2d Sess., U.N. Doc. E/1990/94 (1990).
5. Dosi G., Marengo L., Staccioli J., Virgillito M. (2021) Big pharma and monopoly capitalism: a long-term view. Pisa: Sant'Anna School of Advanced Studies, pp. 1–36.
6. Facilitating Access and Benefit-Sharing (ABS) for Pathogens to Support Public Health: Workshop Report: 11–12 June 2018 Workshop, September. — Geneva: WHO, 2018. — 15 p.
7. Global report on access to hepatitis C treatment: focus on overcoming barriers. WHO/HIV/2016. WHO. — 2016. — 68 p.
8. Hudson K., Collins F. Sharing and reporting the results of clinical trials // JAMA — Vol. 313. — 2015. — № 4. — P. 355–356.
9. Increasing Access to HIV Treatment in Middle-Income Countries: Key Data on Prices, Regulatory Status, Tariffs and the Intellectual Property Situation. — Geneva: WHO. 2014–56 p.
10. Report of the Special Rapporteur on the Right of Everyone to the Enjoyment of the Highest Attainable Standard of Physical and Mental Health: Expert Consultation on Access to Medicines as a Fundamental Component of the Right to Health, 2011, A/HRC/17/43.
11. Report of the Special Representative of the Secretary-General on the Issue of Human Rights and Transnational Corporations and Other Business Enterprises, John Ruggie: Guiding Principles on Business and Human Rights: Implementing the United Nations «Protect, Respect and Remedy» Framework, A/HRC/17/31, 2011.
12. Statement on universal and equitable access to vaccines for the coronavirus disease (COVID-19): statement / by the Committee on Economic, Social and Cultural Rights, 2020, E/C.12/2020/2.
13. The impact of transnational corporations on the development process and on international relations. 1975. E/RES/1913(LVII).
14. The right of health: note / by the Secretary-General, A/63/263, 2008.
15. The Role of Intellectual Property in Local Production in Developing Countries: Opportunities and Challenges. — Geneva: WHO, 2016. — 46 p.
16. Официальные отчеты Экономического и Социального Совета, 2005 год, дополнение № 2, глава 6, раздел А (E/1999/22-E/C.12/1998/26).

© Маличенко Владислав Сергеевич (vlad.malichenko@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В МЕХАНИЗМЕ РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ ОСУЖДЕННЫХ

Марков Владимир Петрович

Профессор, ФГАОУ ВО «Самарский государственный
экономический университет»
ladimirmarkov@gmail.com

DIGITAL TECHNOLOGIES IN THE MECHANISM OF RESOCIALIZATION OF CONVICTS

V. Markov

Summary. In the context of the reform of the Russian penitentiary system, the problem of using digital technologies in the re-socialization of persons who have served their sentences is becoming particularly acute. An analysis of domestic practice shows that the resocialization of convicts is accompanied by a number of unresolved problems. The scientific novelty of the conducted research lies in the author's attempt to substantiate the conceptual foundations of the use of digital technologies in the mechanism of resocialization of convicts. The assessment of the reliability of the presented results is based on an integrative approach, methods of analysis and synthesis of scientific literature, analysis of domestic experience of resocialization. The modern problems of the use of digital technologies by convicts are analyzed. Promising directions of using digital technologies in the resocialization of convicts are systematized.

Keywords: associalization, resocialization, probation, penitentiary system.

Аннотация. В условиях реформирования российской пенитенциарной системы проблема использования цифровых технологий в ресоциализации лиц, отбывших наказание, приобретает особую остроту. Анализ отечественной практики показывает, что ресоциализации осужденных сопутствует ряд нерешенных проблем. Научная новизна проведенного исследования заключается в предпринятой автором попытке обоснования концептуальных основ использования цифровых технологий в механизме ресоциализации осужденных. Оценка достоверности представленных результатов основывается на интегративном подходе, на методах анализа и синтеза научной литературы, анализе отечественного опыта ресоциализации. Проанализированы современные проблемы использования цифровых технологий осужденными. Систематизированы перспективные направления использования цифровых технологий в ресоциализации осужденных.

Ключевые слова: ассоциализация, ресоциализация, пробация, пенитенциарная система.

На российскую пенитенциарную систему оказывает сильное влияние участие в международных интеграционных процессах. Следствием данной тенденции является внедрение и развитие государственных институтов нового качества в пенитенциарной системе (омбудсмен, пробация, ресоциализация и др.). В 2021 г. была принята «Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 г.».

Тем не менее проблемы ресоциализации отбывших наказание заключенных подтверждаются негативной статистикой: более 40% лиц склонны к рецидивной преступности. Законодатель определяет, что за 6 месяцев до освобождения необходимо заниматься пенитенциарной работой по ресоциализации осужденных, направленных на решение целого спектра существующих проблем (быт, жилище, социальная защита, медицина,

психология, трудоустройство, документы, образование и переподготовка и др.) Анализ практики российских регионов показывает, что этой меры недостаточно. Еще больше проблем у заключенных отмечается в постпенитенциарный период по причине недостаточной нормативной неурегулированности отношений, связанных с ресоциализацией, что определяет отсутствие единого подхода [2]. Отдельную группу проблем составляют проблемы ресоциализации осужденных несовершеннолетних подростков, женщин, в том числе воспитывающих детей. На отдельные категории осужденных могут распространяться ограничения в использовании цифровых технологий (наркомания, нервно-психические заболевания) [7]. Становится понятным, что необходимо и далее развивать дополнительные механизмы ресоциализирующей среды. В контексте сказанного следует признать, что проводимых в настоящее время реформ пенитенциарной системы недостаточно. Слабо исполь-

зуются положительные возможности цифровых технологий, как в органах и исправительных учреждениях, так и непосредственно осужденными. В современных исследованиях констатируется, что существуют проблемы применения информационно-коммуникативных технологий в исправительном процессе и обеспечении режимных требований в ходе исполнения наказаний. Требования исправительного режима начинают отставать от потребностей современной пенитенциарной практики развитых стран [1]. Например, в Финляндии активно применяется концепция «умная тюрьма», дающая доступ к различным слугам, администрированию заключенными заявок и запросов, управлению финансами и др.

Стоит подчеркнуть, что распространение среди осужденных средств мобильной связи, интегрирующие в себе цифровые технологии, доступ в интернет и социальные сети, строго регламентируется правилами внутреннего распорядка [10]. Их бесконтрольное использование осужденными нередко приводит к совершению «дистанционного» мошенничества (35% всех уголовных дел за период 2014–2018 гг. приходится на статью 159 УК РФ). Можно отметить и другие преступные мотивы использования мобильных средств связи и коммуникативных цифровых технологий (экстремистские, хулиганские, сексуальные, вовлекающие несовершеннолетних в преступность, вовлечение других заключенных в массовые беспорядки на территории исправительного учреждения, дискредитирующие государственные органы власти, корыстные и др.). Таким образом, наблюдается тенденция усиления пенитенциарной преступности посредством цифровых технологий.

Актуальность статьи заключается в том, что конструктивное использование цифровых технологий в механизме ресоциализации осужденных недостаточно исследовано. Существуют социально полезные практики успешной ресоциализации заключенных посредством цифровизации процесса ресоциализации.

Целью статьи является анализ особенностей использования цифровых технологий в пенитенциарной системе для ресоциализации осужденных лиц.

Оценка достоверности представленных результатов основывается на методах анализа и синтеза научной литературы. Теоретический анализ научной литературы (А.Г. Голубев, И.В. Попов, 2015; А.В. Звонов, 2020; А.В. Серебренникова, 2021; Г.А. Банных, С.Н. Костина, 2021) показывает, что применение цифровых технологий для ресоциализации осужденных позволяет определять новые возможности и условия, способные повысить социальную эффективность этого процесса.

Анализ мнений российских экспертов (К. Рунова, В. Выжutowич, 2020; И.Т. Идрисов, 2021) показывают, что существующий механизм ресоциализации лиц, отбывших наказание функционирует неэффективно: существует ряд проблем, тормозящих реализацию механизма, а применение цифровых технологий не во всех случаях происходит последовательно, потому что вышедшие на свободу лица требуют психологической, медицинской, образовательной, профессиональной, юридической, семейной, жилищной ресоциализации.

Семантическое поле термина «ресоциализация осужденного» указывает на его определенную эволюцию, представленную следующими понятиями: «ассоциализация», «десоциализация», «ресоциализация», «допенитенциарная социализация», «пенитенциарная ресоциализация», «постпенитенциарная ресоциализация», «цифровая ресоциализация», «улучшение условий отбывания наказания и вида режима», «проживание осужденных за пределами исправительного учреждения», «меры поощрения», «изменение условий содержания».

Работа по ресоциализации осужденных является комплексной и многоуровневой. Для этого на федеральном уровне необходимо принимать законодательные акты. Непосредственно работу по реализации осужденными в пенитенциарный и постпенитенциарный периоды реализуют уголовно-исправительные учреждения, Федеральная служба занятости населения, муниципалитеты, органы внутренних дел и уголовно-исполнительные инспекции.

Правовое значение ресоциализации заключается в возможностях устранения рецидивного преступного поведения и восстановлении социально полезных связей личности с обществом и государством. *Необходимо признать, контролируемое использование в общем механизме ресоциализации цифровых технологий будет усиливать эти процессы.* Для этого в ходе ресоциализации важно нейтрализовать асоциальные связи и поведение, закрепить положительные образцы общественных ценностей. Сущность ресоциализации заключается в отмене привычных установок и моделей поведения в условиях пенитенциарной системы, и последовательной выработке новых, посредством которых осужденные лица будут адаптироваться к меняющимся обстоятельствам: откаться от криминальной субкультуры и интегрироваться в правопослушную социальную среду. Ресоциализация имеет тесные связи с другими психологическими институтами, определяемых Уголовно-исполнительным кодексом РФ (ред. от 21.12.2021), в числе которых «улучшение условий отбывания наказания и вид режима», «проживание осужденных за пределами исправительного учреждения», «меры поощрения», «изменение условий содержания».

Законодатель определяет термин «ресоциализация» как «комплекс мер (социально-экономических, педагогических, правовых), реализуемых субъектами профилактики правонарушений для интеграции отбывших наказание лиц и подвергшихся уголовно-правовым мерам (статья 25 ФЗ № 182) [11]. Конкретный перечень субъектов ресоциализации законодатель не уточняет, так как он очень большой. К тому же меры информационного, коммуникативного характера законодатель в деятельность по ресоциализации не включает. В Главе 3 ФЗ № 182 определены виды и формы профилактического воздействия (13 видов), направленные на ресоциализацию осужденных лиц, отбывших наказание. Тем самым законодатель в основном охватывает постпенитенциарный период в большей степени. Выделяют следующие этапы ресоциализации осужденных лиц: допенитенциарный, пенитенциарный и постпенитенциарный.

В уголовном праве давно ведутся научные дискуссии о применении мер наказаний и санкций, не предусматривающих изоляцию осужденных и лишение свободы. Переполненность исправительных учреждений заключенными стимулирует эту тенденцию. Однако, ресоциализация осужденных без изоляции и под надзором уполномоченных специалистов (сотрудников УФСИН, адвокатов, структур гражданского общества, психологов, юристов, правозащитников, социальных работников, медиков и IT-специалистов) по-прежнему остается нерешенной проблемой. Действующие нормы уголовного и уголовно-исполнительного законодательства РФ в недостаточной степени регламентируют применение цифровых технологий для ресоциализации осужденных, нет формально-юридического закрепления такой практики. Но, с другой стороны, позволяет обосновать уголовно-правовую концепцию ресоциализации осужденных посредством цифровых технологий в пенитенциарный период. Использование цифровых технологий не изолирует осужденного от общества, не нарушает его социальные полезные связи, открывает новые конструктивные возможности для ресоциализации.

Эти обстоятельства повышают актуальность предлагаемой для обсуждения проблемы, поскольку предполагает обоснование правовых приемов и направлений ресоциализации осужденных посредством цифровых технологий в пенитенциарный период в местах отбывания наказания, без изоляции от общества [6]. Поэтому необходимо контролировать развитие таких информационных механизмов в быту заключенных. Реализация подобных идей требует развития пенитенциарного виртуального контролируемого пространства, опосредованно связанного с цифровыми правами осужденных лиц. Нарушение последними данных прав должно повлечь наказание в виде лишения доступа в подобную

виртуальную среду, имеющую личную и общественную значимость для осужденных [10].

Встречаются и другие точки зрения негативного характера по отношению к заявленной проблеме. Так, по мнению С.А. Саутиной и О.В. Кузнецовой, в подобных условиях ресоциализация осужденных невозможна [9]. Чтобы использование цифровых средств связи было подконтрольным, авторы предлагают организовать регистрационный учет используемых на территории пенитенциарного учреждения мобильных средств связи с помощью номеров IMEI или MEID, что позволит определить местоположение устройства и зарегистрировать его работу.

Следует признать, что создание личностного и социально значимого для лица, отбывающего или отбывшего наказание, полезного контента и фильтрация интернет-контента, предполагается, окажет положительное ресоциализирующее информационное воздействие на его личность. Для этого необходимо создать специальный контент в информационном пространстве для осужденных лиц. Также важно предварительно фильтровать входящую и исходящую информацию от корреспондентов, входящих в круг общения осужденного. Для этих целей все поступающие сообщения для осужденных подлежат обязательной цензуре со стороны сотрудников УФСИН. Такой подход позволит сэкономить на расходах на оплату телефонных услуг и проезд. Предполагается, что это будет способствовать созданию и укреплению социально полезных установок постпенитенциарного поведения лиц, отбывших наказание.

Анализ пенитенциарной практики позволяет выделить и другие положительные примеры (Тольятти, Самара) использования цифровых технологий для ресоциализации [5]. Так, внедрение в местах лишения свободы так называемых видеосвиданий позволяет укреплять родственные и семейные связи. Для этого необходимо функционирование локальной сети исправительного учреждения и специально организованной работы терминала, а для общения с родственниками, имеющими инвалидность, предложено общаться с осужденными через домашнюю видеосвязь.

Цифровые технологии оказали сильное влияние на профессиональную и социальную мобильность. Появляются возможности для овладения новыми цифровыми профессиями. И в деле профессиональной ресоциализации бывших осужденных появляется возможности для дистанционного овладения новыми профессиями. В качестве примера следует упомянуть платформу Skillbox.ru и Geekbrains, позволяющие овладеть навыками по целому ряду востребованных на рынке труда цифровых профессий. Универсальность полученных навыков

в определенных условиях позволяет новоиспеченным специалистам (бывшие осужденные, безработные, пенсионеры, женщины после декретного отпуска, инвалиды, беженцы) преодолеть эффект «стеклянного потолка» [3].

Более реалистичные оценки итогов ресоциализации осужденных лиц, отбывших наказание, дают представители экспертных сообществ. Жизнь в исправительных учреждениях отличается от жизни на свободе, это сказывается на психологии осужденных, снижается уровень навыков ответственности за свое благополучие и самостоятельности. Статистика показывает, что в течение года в зависимости от региона 20–30% повторно совершают преступления. Не решена проблема квот на рабочие места для осужденных. Уголовно-исполнительные инспекции и другие службы перегружены, чтобы решать эти вопросы (медицинское обслуживание, восстановление документов, материальная помощь, трудоустройство и проживание). Есть проблемы между преемственностью в пенитенциарной медицине и гражданским здравоохранением: несогласованная работа этих ведомств определяет перерывы в лечении лиц, отбывших наказание. По мнению экспертов, в таких условиях повышает роль некоммерческих организаций, центров социальной адаптации, центров занятости [4]. Для этого необходимо взаимодействовать с региональными управлениями ФСИН. И как раз в данных ситуациях эффективным будет применение интерактивных возможностей и цифровых сервисов портала «Госуслуги». На это указывает практический опыт Красноярского края. Таким образом, возможности для эффективной ресоциализации есть, но не реализуются, законы по-прежнему не всегда работают, а цифровые технологии не охватывают межведомственное взаимодействие в полном объеме.

Выводы

Проведенное исследование позволило прийти к выводу о недостаточной проработанности исследуемой проблемы. По этой причине были предложены технологические рекомендации использования цифровых технологий для ресоциализации осужденных в пенитенциарный и постпенитенциарный периоды. Под ресоциализацией осужденных следует понимать комплекс правовых мер (федеральных, региональных, муниципальных, локальных) межведомственного характера, направленных на обеспечение ключевых направлений ресоциализации осужденных, построенных на использовании цифровых технологий в исправительном процессе в полном соответствии с режимными требованиями в ходе исполнения наказаний.

На современном этапе проходящие ресоциализацию осужденные сталкиваются с большими трудностями и барьерами, мешающими им приспособиться к жизни на воле, решить насущные проблемы и удовлетворить потребности, потому исправительные учреждения для них являются той средой, где они чувствуют себя более защищенными. Однако, использование для задач ресоциализации цифровых технологий должно носить контролируемый, цензурный характер для профилактики пенитенциарной преступности. Возможности государственных цифровых сервисов способны оказать влияние на повышение эффективности различных направлений ресоциализации осужденных (психологической, медицинской, образовательной, профессиональной, юридической, семейной, жилищной) и усилить межведомственное взаимодействие с региональными управлениями ФСИН.

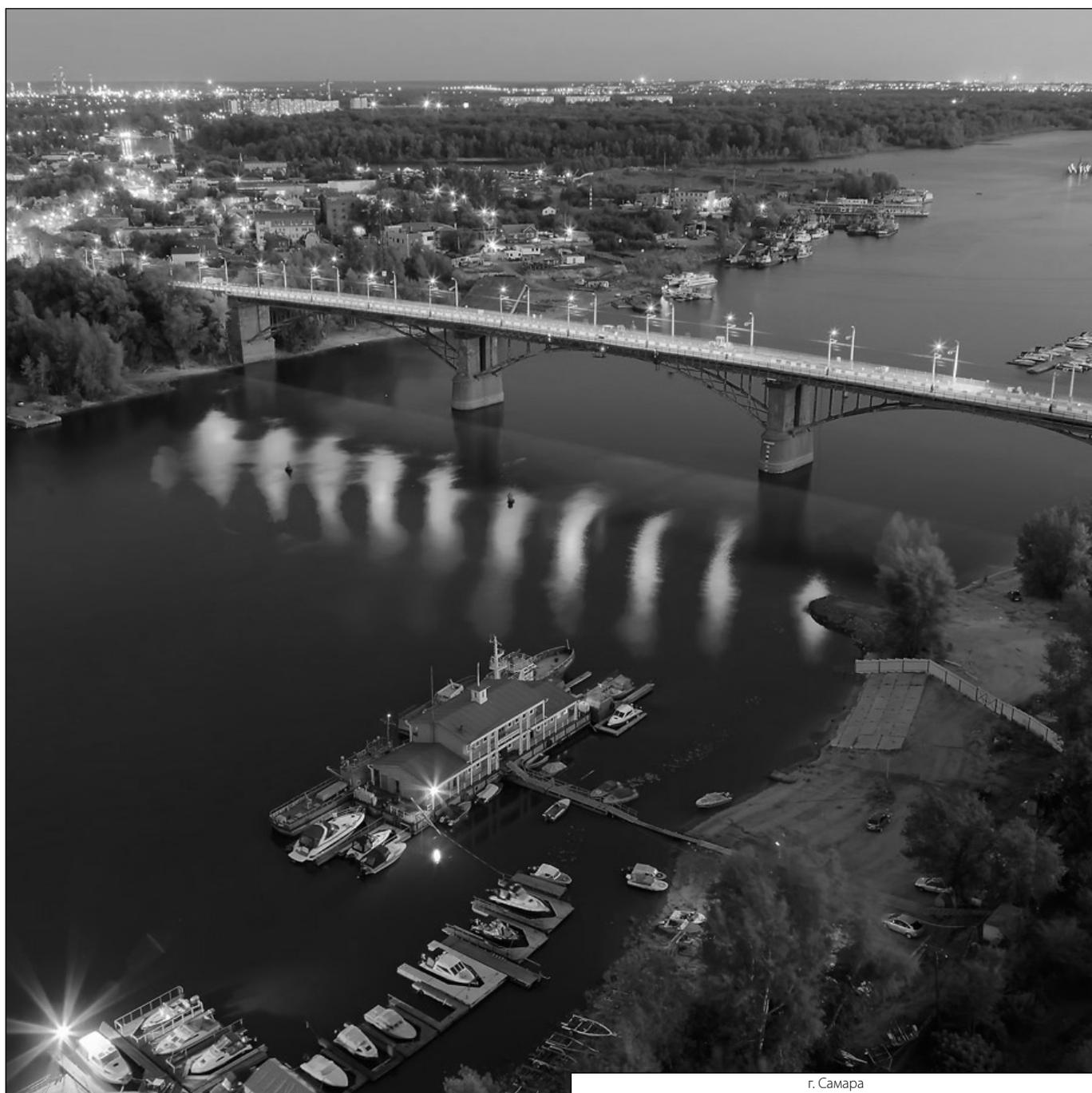
ЛИТЕРАТУРА

1. Актуальные вопросы информатизации Федеральной службы исполнения наказаний на современном этапе развития уголовно-исполнительной системы / [сост. А.Н. Дробот, Ю.А. Корнилова, Н.В. Рябова, Е.Г. Царькова, Н.А. Чугунова] / Сборник материалов круглого стола (24 июня 2019 года). — Тверь: ФКУ НИИИТ ФСИН России, 2019. — 280 с.
2. Анисимова Л.В. Социальная адаптация: элемент безопасности и стабильности общества / Л.В. Анисимова // Бюллетень уполномоченного по правам человека. — 2020. — № 8. — С. 48–55.
3. Банных Г.А., Костина С.Н. Профессиональная ресоциализация в условиях цифровизации: содержание и факторы успешности / Г.А. Банных, С.Н. Костина // Социально-трудовые исследования. — 2021. — № 2. — С. 119–131.
4. Выжutowич В. Жизнь после тюрьмы / В. Выжutowич / Российская газета — Федеральный выпуск № 201(8255). — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://rg.ru/2020/09/08/kak-adaptirovat-k-obychnoj-zhizni-byvshego-osuzhdenного.html> (дата обращения: 27.03.2022)
5. Голубев А.Г., Попов И.В. Роль информационных технологий в обеспечении режима исполнения наказаний / Юридическая наука и практика: альманах научных трудов Самарского юридического института ФСИН России / [ред. А.А. Вотинов] / Сборник статей. — Самара: Самарский юридический институт ФСИН России, 2015. — Вып. 3. — 359 с. — С.63–67.
6. Звонов А.В. Механизм замены уголовных наказаний без изоляции от общества / А.В. Звонов // Известия Тульского государственного университета. — 2020. — № 1. — С. 102–109.
7. Идрисов И.Т. Ресоциализация осужденных и уголовная юстиция / И.Т. Идрисов / Учебное пособие. — Самара: Издательство Самарского университета, 2021. — 76 с.

8. Приказ Министерства юстиции РФ от 16 декабря 2016 г. N295 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений» (ред. 22.09.2021) // СПС Гарант. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://base.garant.ru/71577278/> (дата обращения: 27.03.2022).
9. Саутина С.А., Кузнецова О.В. Использование информационно-телекоммуникационных технологий при совершении преступлений в местах лишения свободы / С.А. Саутина, О.В. Кузнецова // Ведомости уголовно-исполнительной системы. — 2019. — № 5. — С. 74–79.
10. Серебrenникова А.В. Цифровизация исполнения наказания: состояние и перспективы / А.В. Серебrenникова // «Цифровизация исполнения наказания: состояние и перспективы» Человек: преступление и наказание. — 2021. — № 1. — Вып.29. — С. 40–45.
11. Федеральный закон «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» от 23.06.2016 N182-ФЗ (23.06.2016) // СПС Консультант. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_199976/ (дата обращения: 27.03.2022).

© Марков Владимир Петрович (ladimirmarkov@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

г. Самара

ВЛИЯНИЕ ПРАВОВЫХ НОРМ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ НА ИНВЕСТИЦИОННУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫХ КОРПОРАЦИЙ

THE INFLUENCE OF THE LEGAL NORMS OF INTEGRATION ASSOCIATIONS ON THE INVESTMENT ACTIVITIES OF TRANSNATIONAL CORPORATIONS

**N. Mishina
P. Chuvakhin**

Summary. The article is devoted to the role of the supranational right of integration associations in regulating the investment activities of transnational corporations. Integration associations strive to remove barriers within themselves, as well as to unify national legislation in the economic and financial spheres. In addition, integration associations contribute to the activity of the movement of investment capital within the member countries, and can also conclude agreements with non-member countries to form stable economic ties and simplify investment activities. In this regard, an important issue is the activities of TNCs within the framework of such integration associations, the factor of their influence on developing countries by carrying out illegal actions to bribe and blackmail government officials in order to obtain the most favorable conditions, as well as their participation in the development of international investment law.

Keywords: investments, TNCs, EAEU, EU, international investment law.

Мишина Наталья Вячеславовна

*Д.полит.н., профессор, Финансовый университет
при Правительстве РФ, г. Москва
NaVMishina@fa.ru*

Чувахин Петр Игоревич

*Преподаватель, Финансовый университет при
Правительстве РФ, г. Москва; старший преподаватель,
Российский государственный университет правосудия,
г. Москва
chuvakhin.petr@yandex.ru*

Аннотация. Статья посвящена роли наднационального права интеграционных объединений на регулирование инвестиционной деятельности транснациональных корпораций. Интеграционные объединения стремятся к устранению барьеров внутри себя, а также унификации национального законодательства в экономической и финансовой сферах. Кроме того, интеграционные объединения способствуют активности движения инвестиционного капитала внутри стран-членов, а также могут заключать соглашения со странами не членами для формирования устойчивых экономических связей и упрощения инвестиционной деятельности. В связи с этим, важным вопросом является деятельность ТНК в рамках таких интеграционных объединений, фактор их влияния на развивающиеся страны путем осуществления незаконных действий по подкупу и шантажу государственных чиновников с целью получения наиболее благоприятных условий, а также их участие в становлении международного инвестиционного права.

Ключевые слова: инвестиции, ТНК, ЕАЭС, ЕС, международное инвестиционное право.

Транснациональные корпорации в системе международного инвестиционного права

Транснациональные корпорации в условиях, усиливающих процессов глобализации являются мощным механизмом, оказывающим воздействие на развитие международных экономических отношений, поскольку они обладают большими преимуществами по сравнению с другими членами международных отношений такими как:

1. большая территория на которой осуществляется их деятельность;
2. значительное количество филиалов, посредством которых они производят распространение своей продукции, не уплачивая таможенные пошлины, налоги;

3. вовлечение научных, человеческих и природных ресурсов других стран, что, в том числе сокращает их расходы [1].

Капиталовложения частного сектора кардинально отличаются от капиталовложений государств и международных организаций по характеру, срокам, отраслям, условиям и прибыльности инвестиций. Как отмечалось ранее международные организации вкладывают денежные средства в проекты, которые несут социально-экономическое значение и необходимы, но не являются прибыльными. В данном случае прибыль, получаемая инвестором, формируется из процентов на предоставленный для вложения капитал. В силу специфики формирования капиталов международных организаций, а также их международно-правового статуса, позволяющего им, находится на одном правовом уровне с государствами.

ми, частые инвесторы не имеют такой возможности, что вынуждает их формировать свои способы осуществления инвестиций [2].

Выделяют несколько типов инвестиций по характеру их вложений краткосрочные среднесрочные и долгосрочные, по способу портфельные, прямые, реальные и интеллектуальные. Под реальными понижаются капиталовложения в средства производства и иные материальные активы, прямые — инвестиции в ценные бумаги, позволяющие инвестору влиять на компанию, портфельные — инвестиции в ценные бумаги, не позволяющие инвестору влиять на компанию, интеллектуальные — капиталовложения и финансирование разработок или иных активов, связанных с разработками или авторскими правами.

Таким образом инвестиции частного сектора происходят путем покупки ценных бумаг других частных юридических лиц, предоставление финансов для разработок и научных исследований, покупка, ремонт или создания зданий, строений, сооружений или иных материальных предметов. Цель таких капиталовложений всегда извлечения прибыли путем получения процентов по ценным бумагам или увеличение мощностей производства с целью увеличения прибыли.

Субъектами инвестиций могут выступать физические лица, специальные инвестиционные фонды, инвестиционные партнёрства, компании, инвестиционные банки. Всех субъектов можно разделить на две категории первая — для которых инвестиционная деятельность является основной и вторая, для которой инвестиционная деятельность является вторичной или производной. К первой категории следует отнести инвестиционные фонды, инвестиционные банки и инвестиционные партнёрства. Ко второй — физических лиц, компании, транснациональные корпорации и кредитные учреждения. Существуют государственные транснациональные корпорации, некоторые осуществляют активную финансовую деятельность в конкретном регионе осуществляя капиталовложения в иностранные экономики, в государственные ТНК превращаются наиболее крупные государственные компании так примером могут послужить следующие ТНК Volkswagen Group (Германия), ENI (Италия), Deutsche Telekom (Германия), Statoil (Норвегия), General Motors (США), Airbus Group (Франция), Petronas (Малайзия), Sinopec (Китай)¹. Существует утверждённая ЮНКТАД классификация по которой можно понять относится ли компания к государственным ТНК [3].

¹ Волгина Н.А. // Государственные ТНК на мировом рынке прямых иностранных инвестиций: современные тенденции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика № 1 // 2015 г. С. 57–71

В доктрине международного права субъектами принято считать государства и международные организации, созданные на основе межгосударственных соглашений разных уровней. Однако влияние ТНК сложно переоценить и их правовое положение также требует уточнения. С точки зрения права, ТНК представляют из себя совокупность материнской и дочерних компаний, которые в финансовом, управленческом и структурном плане связаны, однако с точки зрения закона дочерняя компания является независимым юридическим лицом, созданным в юрисдикции конкретного государства, примером может стать Акционерное Общество «Банк Интеза», данной юридическое лицо создано в 2010 году путем слияния двух организаций, на сегодняшний день 100% акций данного банка находится у материнской организации, таким образом полный контроль за всей деятельностью банка осуществляет материнская организация в лице назначенных директоров [4].

Говоря про развивающиеся страны и объем влияния отдельных ТНК на политику и экономику страны стоит отметить, что положение акторов международного права недостаточно для такого вида субъектов. Стоит обратить внимание, что международные организации составляли документы, которые были рекомендованы для использования ТНК. К таким документам можно отнести принятые в 2011 году Руководящие принципы предпринимательской деятельности в аспекте прав человека, в которых указывается на обязанность компании соблюдать права человека вне зависимости от национальных законов, таким образом это относится в большей степени к ТНК, чем к национальным компаниям [5]. К таким документам также относятся Руководящие принципы ОЭСР для многонациональных предприятий [6], Трёхсторонняя декларация МОТ 1977 года, содержащая правила, касающиеся социальной политики [7].

Таким образом, можно сделать вывод, о том, что в настоящее время ТНК не могут считаться самостоятельными субъектами международного права, но их деятельность может рассматриваться не только как совокупность деятельности группы частных компаний, но и как деятельность единой корпорации со сложной иерархией и межгосударственной экономической активностью.

Также стоит отметить, что учеными были предложены иные концепции, позволяющие описать деятельность ТНК вне рамок действующего международного права. Одним из таких концепций стало транснациональное право, которая объединило международное публичное и частное право, а также иные категории [8].

Говоря про экономическую деятельность ТНК стоит отметить влияние налоговой нагрузки на сами инвести-

ции иностранными компаниями. Основной целью любой ТНК при капиталовложении является снижения издержек и повышение рентабельности, в независимости от вида и сферы деятельности в таких условиях объем налогового бремени возлагаемый на инвестора также оказывает важную роль при выборе страны-реципиента для инвестиций. При этом важно отметить, что на принятие решения влияет не только сама налоговая ставка, но и прозрачность и простота налогового законодательства, особенно если говорить о странах с переходной или развивающейся экономикой.

При создании теоретической модели экономики с поступлением прямых иностранных инвестиций основанной на данных экономики Российской Федерации в период с 2006 по 2015 годы становится видно, что иностранные инвестиции зависят от показателей, обуславливающих их доходность: рентабельности и налоговой нагрузки. Также значимое влияние на приток ПИИ других отраслевых условий. В частности, законодательные ограничения иностранных инвестиций снижают поступления ПИИ в отрасль, а повышенная доля иностранных компаний в отрасли приводит к увеличению притока ПИИ.

Важным вопросом становится влияние ТНК на суверенитет государства, особенно в рамках либерализации экономик многих развивающихся стран. Некоторые ученые напрямую указывают, что крупные ТНК, имеющие крупные финансовые ресурсы, и могут напрямую оказывать давление и нарушать нормы международного права с целью получения выгоды [9].

Действия ТНК может негативно влиять на социальную сферу, заниматься выводом капитала из страны, что оказывает влияние на экономику, что может напрямую сказываться на суверенитете государства. Так во множестве развитых и финансово независимых государствах есть специальные государственные органы контролируемые потоки иностранных капиталовложений, а также существуют законодательно закрепленные прямые запреты на инвестирование в определенные сферы экономики, которые напрямую влияют на суверенитет страны. В США таким органом является Комитет по иностранным инвестициям в США, полномочный проверять сделки, в результате которых иностранные инвесторы могут установить контроль над компаниями США. Проверка осуществляется для того, чтобы определить, представляют ли такие сделки угрозу для национальной безопасности США.

Стоит также заметить, что на основе международных соглашений ТНК выступая в роли иностранного инвестора может осуществлять деятельность по защите своих прав и интересов обращаясь в международные

арбитражные инстанции, в данном случае обращаться от лица ТНК будет материнская компания, так как она и выступала инвестором, а дочерняя компания в национальной юрисдикции являлось исключительно объектом инвестирования [10].

Таким образом можно сделать следующий вывод о правовом положении ТНК и их влиянии на суверенитет и экономику государства. На сегодняшний день ТНК, не смотря на свою финансовую активность, осуществление капиталовложений, а также действий по защите своих интересов в международных арбитражных организациях не соответствуют одному из основных критериев международной правосубъектности, а именно способности создания международных норм, однако при этом ТНК является субъектом исключительно национального права, так как представлена в стране юридическим лицом, зарегистрированным в соответствии с национальным законодательством и имеющие право защищать свои интересы в национальном суде.

ТНК оказывают значительное влияние на экономику государства-реципиента, и могут осуществлять незаконную деятельность по лоббированию своих интересов в различных сферах, однако при этом государство способно ограничить доступ ТНК на свои рынки, а также закрыть доступ иностранного капитала в наиболее важные сектора экономики.

Инвестиции, осуществляемые ТНК, могут осложняться административными и правовыми барьерами принимающего государства, как говорилось ранее это могут быть ограничение на инвестиции в определенную сферу в экономике, высокие ставки налогов на прибыль и дивиденды, а также сложное налоговое законодательство и законодательство, регулирующее инвестиции.

Однако в случае создания интеграционных объединений, при которых создается единое законодательство или происходит унификация национальных законодательств, барьеры, связанные с инвестициями, становятся меньше или исчезают вовсе. На сегодняшний день наиболее глубокая интеграция наблюдается в Европейском союзе, где часть вопросов жизни и функционирования государств-членов решается не самими государствами, а наднациональным органом самостоятельно или при постоянном взаимодействии с национальными. Евразийский экономический союз провел экономическую интеграцию и унификацию законодательства в сфере экономики, что упрощает осуществление инвестиций [11].

Кроме унификации законодательства внутри интеграционных союзов между страны-участниками заключаются взаимные соглашения по поощрению

инвестиций. Также существуют соглашения между интеграционным объединением и третьими странами.

Влияние норм ЕАЭС на инвестиционную деятельность ТНК

Вопросу экономического сотрудничества в рамках ЕАЭС посвящён Раздел XV. Торговля услугами, учреждение, деятельность и осуществление инвестиций [12]. В нем закрепляются наиболее важные вопросы, связанные с торговлей услугами и инвестициями. При этом в статье 65 указано, что помимо текста самого договора существует Приложением № 16 к Договору о Евразийском экономическом сообществе которое посвящено исключительно вопросам инвестиционной политики государств-членов. Стоит отметить, что правила, введенные данным договором, распространяются на все инвестиционные отношения с 16 декабря 1991 года. Правовой режим инвестиций устанавливает каждое государство-член самостоятельно. Однако устанавливается условие, справедливости и равенности режимов для всех стран членов, который в свою очередь не должен отличаться от режима, предоставляемого национальным инвестором. Таким образом ЕАЭС стремится убрать возможные барьеры на пути инвесторов в рамках союза, оставляя, однако за государством право самостоятельно ограничивать деятельность иностранных инвесторов, а также вводить изъятия из принимаемого национального режима. А также не распространять на иностранных инвесторов привилегии, полученные от двусторонних соглашений государства-члена с иным государством.

Государство-член в рамках ЕАЭС гарантирует возмещение убытков, в случае утраты капиталовложений из-за неэкономических рисков, а именно из-за гражданских беспорядков, военных действий, революций, мятежа, введения на территории страны Чрезвычайного положения и иных обстоятельств на территории государства, которые приведут к потере вложенных средств.

Под неэкономическим риском подразумевается такие действия государственных и муниципальных органов власти по изъятию собственности у иностранного инвестора, такие действия в соответствии с приложением 16 к Договору о ЕАЭС признаются недопустимыми, однако если они совершаются с целью защиты населения или интересов государства, имеют законное основание, сопровождаются быстрой и соразмерной компенсацией, то считаются правомерными и соответствующими договору. Существуют требования к форме и срокам компенсации, а именно срок не более чем 3 месяца с момента экспроприации в свободно конвертируемой валюте, в случае задержки более трех месяцев государство-реципиент обязано возместить не только основную сумму, но и проценты в соответствии с договором между инве-

стором и страной-реципиентом, или по универсальной ставке национального межбанковского рынка по фактически предоставленным кредитам в долларах США, но данная ставка не должна быть ниже ставки LIBOR.

LIBOR — это средневзвешенная процентная ставка по межбанковским кредитам, предоставляемым банками, выступающими на Лондонском межбанковском рынке с предложением средств в разных валютах и на разные сроки — от 1 дня до 12 месяцев. Ставка фиксируется Британской банковской ассоциацией начиная с 1985 года ежедневно на основании данных, предоставляемых избранными банками [13].

В соответствии с Протоколом у инвестора и страны-реципиента есть несколько способов решить возникший спор, в первую очередь при возникновении спора стороны должны прибегнуть к переговорам для мирного урегулирования спора, если спор не может быть разрешен сторонами на переговорах в течении 6 месяцев, то у инвестора есть право обратиться к национальному суду страны-реципиента, к международному коммерческому арбитражу любого государства при согласии обеих сторон или обращения к арбитражному суду ad hoc, который в своей деятельности будет руководствоваться арбитражным регламентом ЮНСИТРАЛ. Протоколом предусмотрена возможность обращения к Международному центру по урегулированию споров, но возможность обращения к нему существует лишь для стран ратифицировавших Вашингтонскую конвенцию 1965 года, для остальных стран доступно лишь использование дополнительных правил МЦУИС.

Соглашение интеграционного объединения с третьим государством призвано обеспечить третьему государству возможность доступа на рынки стран-участниц, не предоставляя при этом равных прав с национальными инвесторами и инвесторами из стран-членов объединения.

Соглашение о сотрудничестве ЕАЭС включает как с другими международными объединениями, так и с третьими государствами, данные соглашения носят экономический характер и призваны упростить и гармонизировать нормы, регулирующие торговые, таможенные и инвестиционные вопросы.

Соглашение между ЕАЭС и Социалистической Республикой Вьетнам содержит главу 8 посвященную торговле услугами, капиталовложениям и перемещением физических лиц, однако данная глава действует только для Российской Федерации и Вьетнама [14]. Правила капиталовложения, утверждённые данным соглашением, распространяются на все действующие инвестиционные отношения с 1981 года, за исключением отношений,

которые были завершены к моменту подписания данного соглашения. В соответствии с этой главой Россия и Вьетнам взаимно устанавливают национальный режим и режим наибольшего благоприятствования, стороны отказываются от введения ограничений в отношении формы капиталовложений, общего количества учрежденных лиц и доли иностранного капитала в них, сделок, проводимых лицами учрежденными иностранным инвестором. Ограничения возможны в случае внесения их в индивидуальный национальный перечень страны указанный в приложении к соглашению.

В соглашении также указан перечень действий, к которым государство-реципиент не должно принуждать организации, учрежденные иностранным инвестором. Среди них запрет на ограничение объема производимых товаров или услуг, запрет на ограничение продажи товаров или услуг на территории страны-реципиента, запрет на принуждение к передаче технологии, производственного процесса и иную коммерческую информацию и прямой запрет на требования страны-реципиента назначить на высшие руководящие должности лиц с определенным гражданством.

В случае возникновения неэкономических рисков каждая из сторон соглашения обязывается возместить инвестору ущерб, понесенный им, на условиях не менее благоприятных чем национальным инвесторам и инвесторам третьих стран. В случае экспроприации меры и действия сторон идентичны мерам и действиям, указанным в соглашении о ЕАЭС. Разрешение споров между инвестором и государством-реципиентом должны разрешаться посредством переговоров, которые могут сопровождаться необязательными процедурами с участием третьей стороны, в случае если путем переговоров решить спор невозможно или переговоры длятся более 6 месяцев, то инвестор имеет право прибегнуть к услугам международного арбитража, арбитражного суда *ad hoc*, национального суда и МЦУИС, если стороны ратифицировали Вашингтонскую конвенцию 1965 года. Существуют ограничения, не позволяющие инвестору ссылаться на данную статью, если он является гражданином страны-реципиента и, если с момента нарушения, или момента, когда инвестор узнал о нарушениях его прав прошло более 3 лет и любое решение арбитражного органа является обязательным для сторон и страна-реципиент обязана исполнить решение в соответствии со своим национальным законодательством [14].

Стоит отметить, что при заключении ЕАЭС договоров о сотрудничестве важную роль играют не только действующие нормы международного права, но и международные обычаи инвестиционного оборота внешнеэкономических контрактов позволяющие регулировать

законодательно не закрепленные вопросы, особенно в сфере цифровых технологий и энергетики [15].

Регулирование инвестиционной деятельности по праву ЕС

Страны члены европейского союза заключали множество договоров касающихся инвестиций, до создания самого союза к 2017 году объем таких двусторонних соглашений между странами членами и третьими странами достиг уровня в 2 363 соглашения, Российская федерация имеет с каждой страной-членом ЕС соглашение о защите и поощрении иностранных инвестиций [16].

Такие двусторонние соглашения с одной стороны уникальны, так как формируются с учетом конкретных государств, с другой стороны они имеют общие черты, касающихся наиболее важных моментов. Так большинство соглашений предоставляет четыре группы гарантий. В первую группу относятся гарантии, связанные с предоставлением иностранным инвесторам, национального режима и режима наибольшего благоприятствования, во второй группе находятся гарантии по защите капиталовложений от экспроприации и неэкономических рисков, в третьей группе — защита к гарантии предоставления иностранному инвестору режима безопасности и защиты инвестиций, в четвертую — гарантии по свободному выводу средств за пределы страны-реципиента. Соглашения содержат общие правила рассмотрения возникших споров между иностранным инвестором и государством-реципиентом [17].

Обращает на себя внимание, что согласно мнению ЕК, отдельные нормы двусторонних соглашений прямо противоречат нормам самого Европейского союза.

В деле *European Commission v. Slovakia* Европейская комиссия оспаривала действия Словакии связанную с торговлей электроэнергией, ссылаясь на нарушение Directive 2003/54/EC касающейся приоритетного доступа для стран членов на внутренний рынок электроэнергии из-за наличия между Словакией и Швейцарией двустороннего договора, законченного до вступления Словакии в ЕС. Суд Европейского союза отклонил иск Европейской комиссии [18].

Европейская Комиссия создала проект Регламента позволяющей регулировать исполнения действующих соглашений, а также контролировать заключение новых до выработки общей политики ЕС. В соответствии с данным регламентом Комиссия сможет осуществлять прямой контроль над соглашениями путем выдачи специального разрешения для сторон соглашения по-

сле изучения текста договора и отзывать данное разрешение без проведения консультаций. С одной стороны, это ограничивает возможности стран самостоятельно заключать договоры, с другой приносит единообразие в двусторонние соглашения [19].

Регламент предусматривает общие рамки заключения и изменения соглашений, вводит требования по информированию Европейской Комиссии о намерении страны-члена заключить новое соглашение или изменить действующее, при этом страны предоставляют всю информацию о переговорах по данному соглашению Европейской Комиссии. В регламенте указаны основания, в соответствии с которыми Комиссия откажет в проведении переговоров между сторонами или потребует внести соответствующие изменения, например, единого статуса для всех инвесторов из ЕС. Однако данный проект не был введен в действие.

Внутри самого Европейского союза для инвесторов рынки остаются открытыми в соответствии с директивами и Договором о создании Европейского союза, единое законодательство, отсутствие каких-либо барьеров позволяют совершать инвестиции внутри Евросоюза. Однако наибольший интерес представляют развивающиеся страны, что обуславливает необходимость заключения двусторонних соглашений с третьими странами. На сегодняшний день в рамках Европейского союза не сложилось единой практики относительно заключения соглашений с третьими странами о защите и поощрении иностранных инвестиций.

На основе проведенного анализа можно сделать следующие выводы:

Во-первых, транснациональные корпорации выступают активными участниками инвестиционной деятельности, способствуя развитию международной торговли и международным финансовым отношениям. Однако лишённые возможности создавать нормы права, регулирующие инвестиционную деятельность, они остаются акторами, которые могут создавать основу для судебной практики, которая влияет на международное инвестиционное право. Стоит также отметить важный фактор влияния ТНК на развивающиеся страны путем осуществления незаконных действий по подкупу и шантажу государственных чиновников с целью получения наиболее благоприятных условий.

Во-вторых, интеграционные объединения стремятся к устранению барьеров внутри себя, а также унификации национального законодательства в экономической и финансовой сферах. Кроме того, интеграционные объединения способствуют активности движения инвестиционного капитала внутри стран-членов, а также могут заключать соглашения со странами не членами для формирования устойчивых экономических связей и упрощения инвестиционной деятельности. Интеграционные объединения формируют нормы инвестиционного права, распространяющиеся на членов данных интеграционных союзов, а также государств, подписавших соглашения с интеграционными объединениями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Т.Б. Красюк // Функционирование ТНК в странах с переходной экономикой на примере республики Молдова и Украины // Экономика и бизнес: теория и практика № 1–1 (59), 2020 с. 135–137
2. Поташник Я.С. // Сущность и классификация инвестиций // Вестник Мининского университета № 1 // 2014 г С. 10.
3. UNCTAD. World Investment Report 2014: Investing in the SDGs: An Action Plan. UNCTAD, NY & Geneva, 2014.
4. Кондратов Д.И. // Международные инвестиции российских компаний и финансовых институтов // Банковское дело. 2014. № 3. С. 42–48
5. Руководящие принципы предпринимательской деятельности в аспекте прав человека. Официальный сайт управления Верховного комиссара по правам человека ООН. Режим доступа: https://www.ohchr.org/Documents/Publications/GuidingPrinciplesBusinessHR_ru.pdf
6. Руководящие принципы ОЭСР для многонациональных предприятий. Официальный сайт ОЭСР. Режим доступа: <https://www.oecd.org/daf/inv/mne/RBC-Matters-Russian.pdf>
7. Трёхсторонняя декларация принципов, касающихся многонациональных корпораций и социальной политики. Официальный сайт МОТ. Режим доступа: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_emp/---emp_ent/documents/publication/wcms_574716.pdf
8. Jessup P.C. Transnational Law. New Haven, 1956. 113 p.
9. Г.К. Дмитриева, Н.Н. Викторова // Суверенитет государства в контексте привлечения иностранных инвестиций // Государственная власть и местное самоуправление // 2018 / С 26–38.
10. Kennedy J. Protecting Regulatory Measures in Investment Treaty Law // Czech Yearbook of International Law. 2013. Vol. IV. P. 5.
11. Ветлугина Т.В., Рябчук П.Г. // Прямые международные инвестиции: тенденции и прогнозы // В сборнике: Наука 2.0: от идеи к результату Сборник материалов Международной научно-практической конференции. Редактор А.А. Коротких. 2017. С. 183–187.
12. Договор о Евразийском экономическом союзе. Официальный сайт ЕАЭС. Режим доступа: <http://www.eurasiancommission.org/>, 05.06.2014,
13. Галкин Д.Е., Первадчук В.П. // Роль ставки межбанковского кредитования LIBOR в мировой экономике // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки // № 2011 С 101–105

14. Соглашение о свободной торговле между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами с одной стороны и Социалистической Республикой Вьетнам, с другой стороны. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/420353871>
15. Задорина А.М. // Международные инвестиционные соглашения ЕАЭС и международные обычаи инвестиционного оборота капитала: тенденции и перспективы // Международное сотрудничество евразийских государств: политика. экономика, право № 2. 2018 г с 59–68
16. Frenkel M., Walter B. Do Bilateral Investment Treaties Attract Foreign Direct Investment? The Role of International Dispute Settlement Provisions [Электронный ресурс]: working paper 17/08. Vallendar, 2017. URL: <https://opus4.kobv.de/opus4-whu/files/537/WP-17-08.pdf>
17. Макаренко А.К. // Регулирование инвестиционной деятельности в соглашениях Европейского союза о свободной торговле// Трибуна молодого ученого. Право и управление XXI век № 3 (4) 2016 г. С 78–86
18. C-264/09 — Commission v Slovakia электронный ресурс <http://curia.europa.eu/juris/document/document.jsf?jsessionid=093C58907E9F950D7984102E0683BEDE?text=&docid=109601&pageIndex=0&doclang=en&mode=lst&dir=&occ=first&part=1&cid=383653>
19. Regulation of the European Parliament and of the Council Establishing Transitional Arrangements for Bilateral Agreements between Member States and Third Countries [Электронный ресурс]. URL: [https://www.europarl.europa.eu/registre/docs_autres_institutions/commission_europeenne/com/2010/0344/COM_COM\(2010\)0344_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/registre/docs_autres_institutions/commission_europeenne/com/2010/0344/COM_COM(2010)0344_EN.pdf)

© Мишина Наталья Вячеславовна (NaVMishina@fa.ru), Чувахин Петр Игоревич (chuvakhin.petr@yandex.ru).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОСОБЕННОСТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

FEATURES OF ENSURING INFORMATION SECURITY OF RUSSIA IN MODERN CONDITIONS

A. Pimenov

Summary. The current stage of development of Russian society requires changes in the information sphere, which is the activity of information infrastructure, facilities that collect, form, distribute and use information, as well as the system of regulation of public relations. The author evaluates the legal mechanisms for ensuring information security in Russia, taking into account the aggravation of the information war against our country.

Keywords: information threats, information security.

Пименов Александр Николаевич

Аспирант, Российский университет транспорта
(Москва)

sannikolaich@inbox.ru

Аннотация. Современный этап развития российского общества требует изменений в информационной сфере, представляющей собой деятельность информационной инфраструктуры, объектов, осуществляющих сбор, формирование, распространение и использование информации, а также системы регулирования общественных отношений. Автор оценивает правовые механизмы обеспечения информационной безопасности в России с учетом обострения информационной войны против нашей страны.

Ключевые слова: информационные угрозы, информационная безопасность.

Информационная сфера сегодня быстро и активно влияет на состояние политической, экономической безопасности Российской Федерации, а также непосредственно ее обороноспособность. Национальная безопасность Российской Федерации во многом зависит от обеспечения информационной безопасности, и эта зависимость постоянно возрастает в процессе технического прогресса и развития общества.

Информационная безопасность Российской Федерации выполняет защитную функцию национальных интересов страны в информационной сфере, сочетая баланс личности, общества и государства [3, с.57]. Сегодня задача обеспечения информационной безопасности, в том числе в сетях Интернета, является одной из форм защиты от так называемых «новых форм агрессии» в отношении Российской Федерации. Эти факторы обуславливают актуальность нашего исследования.

Информационная безопасность является одним из стратегических направлений в нынешней военно-политической ситуации. Работа в этом направлении ведется в рамках обеспечения вооруженных сил современными технологиями и направлена на создание военного превосходства России над потенциальными агрессорами. Следует отметить, что информационная безопасность способствует повышению качества стратегических ядерных сил, развитию боевых возможностей

армии и флота и является основой для развития нового вида вооруженных сил — военно-космических сил. Информационная агрессия используется вместе с политическим и экономическим давлением.

В условиях существующей информационной войны российское правительство должно быть готово к любым, даже самым неожиданным, санкционным решениям со стороны «непредсказуемых» США и ЕС. Западные страны уже задумались об отключении россиян от Интернета из-за «постоянных хакерских атак с российской стороны» [7]. Хотя Россия ничего подобного не делала. Представители НАТО неоднократно заявляли о попытках взлома их веб-сайтов и кражи информации специального назначения с российских доменов. IT-специалисты очень хорошо понимают, кто является главным администратором глобальной сети Интернет. В связи с тем, что предсказать поведение западных «партнеров» (в нынешних условиях данное понятие перестает быть актуальным) практически невозможно, и нет оснований ожидать чего-либо хорошего, мы должны быть готовы к тому, что Россию исключат из глобального информационного/IT пространства.

Таким образом, возможность создания автономной сети «Рунет» можно считать одним из шагов в области обеспечения национальной информационной безопасности. Уже ни для кого не секрет, что у российских операторов есть механизм отключения России от Интернета

в случае чрезвычайной ситуации. Если вспомнить беспорядки в Египте в 2011 году, то местные власти отключили интернет и мобильные сети по всей стране. Теперь российские специалисты из Федерального агентства связи могут не только отключать Интернет, но и администрировать домены на собственной территории.

Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ уже способно обеспечить автономную работу Рунета, не подключаясь к глобальному Интернету.

По данным аналитического агентства Positive Technologies, по словам заместителя генерального директора по развитию бизнеса Бориса Симиса, в 2021 году запланированные бюджеты на информационную безопасность увеличились в среднем на 20%, т.е. рынок вырос. Однако это формальный рост: если оценивать его в пересчете на фактически потраченные и заработанные участниками рынка деньги, то общая планка практически не превышает показателей 2020 года. Причина невыполнения бюджетов в большинстве случаев заключается в необходимости проходить конкурсные процедуры: компании просто не успевают закупать те средства защиты, которые запланированы или необходимы для сохранения информации и защиты от хакерских атак.

В последние пару лет уже было отмечено, что обеспечение информационной безопасности начало меняться и все больше компаний приходят к пониманию того, что необходимо построить такую систему защиты, которую невозможно взломать, но сегодня это очень сложно, учитывая развитие искусственного интеллекта и технологический прогресс. Значительная часть систем либо уже скомпрометирована, либо может быть скомпрометирована, и основная цель любой системы безопасности — как можно быстрее обнаружить злоумышленника и сократить для него возможность нанести непоправимый вред. В связи с этим наблюдается рост спроса на высокоинтеллектуальные средства защиты, позволяющие решать задачи по своевременному выявлению атак и инцидентов. В частности, речь идет о системах информационной безопасности класса и управления событиями (SIEM), анализа сетевого трафика (NTA), комплексных противоаварийных решениях.

Компании, которые стремятся действительно защитить себя в киберпространстве, сегодня сталкиваются с полной нехваткой персонала. Существует нехватка специалистов, обладающих достаточным уровнем компетентности, чтобы обеспечить высокий уровень способности к обнаружению (т.е. глубоко погруженных в специфику бизнеса защищаемых компаний, следящих за тенденциями безопасности и атак, понимающих новейшие технологии и их уязвимости). Мы видим, что растет спрос на специалистов сразу с несколькими ком-

петенциями: это может быть сочетание знаний в области науки о данных и кибербезопасности, глубокой отраслевой специфики (скажем, автоматизированных систем управления) и информационной безопасности и т.д. Бизнес в результате осознает, что у него нет необходимого количества специалистов такого уровня, и обычно приходит на аутсорсинг или аутстаффинг, а в редких случаях даже вынужден самостоятельно обучать персонал, которого не хватает на рынке. Задачи информационной безопасности все чаще находят отражение в инициативах регулирующих органов: последние требования, стандарты и нормативные акты Центрального банка, Федеральной службы безопасности (ФСБ), Федеральной службы по техническому и экспортному контролю (ФСТЭК) направлены именно на практическое обеспечение безопасности в информационной сфере.

В частности, в 2019 году произошли ключевые изменения в законодательстве о защите объектов критической информационной инфраструктуры (КИИ), а также в нормативных актах Центрального банка и Федеральной службы безопасности. Наиболее важными в сфере КИИ являются новые методические документы, определяющие порядок взаимодействия между подразделениями критической информационной инфраструктуры и Национальным координационным центром по компьютерным инцидентам. В них объясняется, о каких происшествиях сообщать, какую информацию передавать, в какой срок. Начала функционировать «концепция» глобальной системы сбора и обмена информацией о компьютерных атаках в России, сформулированная в приказах ФСБ № 196, 281, 282 [3; 4; 5]. В них описываются инструменты, которые будут использоваться центром ГосСОПКА.

Кроме того, начала развиваться практика привлечения к ответственности по статье 274 Уголовного кодекса («Нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей»), но пока только в отношении очевидных вещей: наказывают за нападения на объекты КИИ и за серьезные нарушения должностных инструкций.

В 2022 году предполагается внесение поправок в Федеральный закон от 26 июля 2017 г. N187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации», будут исправлены неоднозначные термины и формулировки.

Также разрабатываются методические документы ФСТЭК по анализу угроз в информационных системах.

Вступили в силу три положения о платежных услугах Центрального банка. Основной вывод — с 1 января

2020 года финансовые организации должны использовать программное обеспечение, имеющее либо сертификат ФСТЭК, либо сертификат анализа уязвимостей. Мы не ожидаем, что разработчики банковского программного обеспечения начнут проводить массовую сертификацию своих решений, поскольку из всех сертификационных тестов фактически требуется только анализ уязвимостей и незадекларированных возможностей. Это традиционная услуга, востребованная кредитными организациями с высоким уровнем зрелости, но теперь она становится обязательной для всех финансовых организаций. Следует отдельно отметить, что процедура анализа уязвимостей, на которую ссылается регламент Центрального банка, требует, чтобы разработчики программного обеспечения проводили такой анализ самостоятельно, в рамках жизненного цикла разработки своих продуктов.

Уже сегодня это всколыхнуло рынок банковских услуг, и потребители банковского программного обеспечения начали заказывать услуги анализа безопасности. Для самописного программного обеспечения банки активно заказывают статический и динамический анализ кода. Если раньше такие услуги представляли интерес в основном для энтузиастов из финансовых компаний, то сейчас в них нуждаются все без исключения финансовые организации. Анализ безопасности стоит довольно дорого, исполнителей мало, и вам приходится конкурировать за них уже сейчас. В последнее время спрос вырос настолько резко, что предложение не успевает. Эксперты крупнейших компаний в сфере обеспечения информационной безопасности (их на российском рынке четыре или пять) могут провести 30–50 анализов безопасности в год, а у каждого банка из первой десятки таких приложений может быть 15–20. И эти приложения регулярно обновляются, что требует дополнительных проверок на уязвимости. Если организация имеет много приложений и часто выпускает обновления, будет выгоднее построить безопасный процесс разработки. Для поставщиков финансового программного обеспечения прохождение анализа уязвимостей становится конкурентным преимуществом. Уже сейчас многие разработчики банковского программного обеспечения говорят о подписании контрактов с ведущими компаниями в сфере информационной безопасности на работу по анализу исходного кода.

Мы ожидаем, что в ближайшие два-три года построенное проверенное безопасное развитие станет основным направлением для поставщиков банковского программного обеспечения. Чтобы устранить неопределенность и расплывчатость в требованиях к анализу безопасности, технический комитет Центрального банка (ТК № 122) разработал проект методического документа «Профиль защиты прикладного программного обе-

спечения автоматизированных систем и приложений кредитных организаций и некредитных финансовых организаций», где подробно написано, как необходимо проводить анализ уязвимостей приложений.

Для России это первый опыт обязательного нормативного документа, такое уточнение было только в системе сертификации. Профиль защиты является обязательным документом, он предназначен для открытого рынка, и необходимо соответствовать этому документу. Не исключено, что примеру Центрального банка последуют и другие ведомства.

Следует также отметить появление закона о «суверенном Интернете» [2]: это первый случай, когда федеральный закон обязывает коммерческие компании (в данном случае — операторов связи) проводить кибертренинги. Ранее никто не обязывал компании оценивать в такой форме, насколько система способна противостоять злоумышленникам. Аналогичные требования к владельцам значимых объектов КИИ появились в требованиях ФСБ (владельцы значимых объектов КИИ обязаны составлять планы реагирования на инциденты и обрабатывать их во время учений).

В то время как тренинги по противодействию киберпреступности ранее проводились в организациях с высоким уровнем зрелости, в ближайшие два-три года они будут проводиться во многих компаниях: эти требования распространяются на всех операторов КИИ.

Анализируя вышесказанное, можно сделать вывод, что усложнение информационного взаимодействия между людьми, автоматизация управления промышленными объектами, транспортом и энергетикой создали новые возможности для целенаправленного негативного воздействия, которое может осуществляться как недружественными государствами, отдельными группами преступной направленности, так и отдельными лицами. Реализацию такой возможности обычно называют информационным терроризмом. Один квалифицированный хакер способен нанести ущерб, сравнимый с боевой операцией, проводимой воинской частью. В то же время территориальное расположение государств, создающее естественные препятствия для проведения традиционных операций, не является преимуществом при информационных атаках. Разработка информационного оружия не требует строительства заводов, его создание как государствами, так и отдельными лицами пока не может эффективно контролироваться.

Следовательно, необходимо создать правовую и организационную систему, способную координировать развитие информационной инфраструктуры нашей страны с целью предотвращения или максимальной

локализации последствий информационной войны или отдельных эпизодов применения информационного оружия. Это должно быть сделано без промедления. В соответствии со статьей 20 Закона об информации [1] основными задачами в области защиты информации являются: во-первых, защита граждан России от кражи и потери личной информации; во-вторых, для создания действий по предотвращению угроз безопасности граждан, общества и государства; в-третьих, для предотвращения несанкционированных действий по изменению, искажению, копированию или блокированию информации; в-четвертых, блокирование других форм незаконного вмешательства в информационные ресурсы и информационные системы; в-пятых, контроль за соблюдением конституционных прав граждан на сохранение личной тайны и защиту персональных данных, доступных в информационных системах; сохранение государственной тайны, конфиденциальность документированной информации в соответствии с законодательством.

Накопление проблем информационной безопасности в различных областях достигает своего предела. Аппаратные уязвимости еще не нанесли ущерба, но дальновидные компании начали включать такие проблемы в свою модель угроз уже сейчас, понимая, что когда

преступники научатся использовать такие уязвимости, будет слишком поздно защищать себя.

Новости об утечках данных стали особенно громкими еще и потому, что киберпреступники предположительно объединили утечки прошлых лет в единый массив для торговли на теневом рынке с более полными цифровыми пользовательскими данными. У многих технологий есть своя темная сторона, которая может выйти из-под контроля и стать угрозой для всех. С предстоящим распространением сетей 5G эксперты связывают появление новых рисков для операторов связи. Развитие технологий искусственного интеллекта и машинного обучения не только делает жизнь более удобной, но и дает мощный толчок для совершенствования хакерских инструментов, а также новых методов социальной инженерии. Комплексная интеграция технологий порождает множество векторов атак. Противодействие угрозам в постоянно меняющемся мире современных технологий и адаптация к новым потребностям корпоративных и частных пользователей являются главными приоритетами для специалистов по информационной безопасности, решение которых может потребовать принципиально новых подходов к обеспечению кибербезопасности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 N149-ФЗ.
2. Федеральный закон от 01.05.2019 № 90-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О связи» и Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»».
3. Приказ ФСБ России от 6 мая 2019 г. N196 «Об утверждении Требований к средствам, предназначенным для обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак и реагирования на компьютерные инциденты».
4. Приказ ФСБ России от 19 июня 2019 г. № 281 «Об утверждении Порядка, технических условий установки и эксплуатации средств, предназначенных для обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак и реагирования на компьютерные инциденты, за исключением средств, предназначенных для поиска признаков компьютерных атак в сетях электросвязи, используемых для организации взаимодействия объектов критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» (не вступил в силу).
5. Приказ ФСБ России от 19 июня 2019 г. N282 «Об утверждении Порядка информирования ФСБ России о компьютерных инцидентах, реагирования на них, принятия мер по ликвидации последствий компьютерных атак, проведенных в отношении значимых объектов критической информационной инфраструктуры Российской Федерации».
6. Чеботарева А.А. Теоретико-методологические подходы к правовому обеспечению информационной безопасности личности // Право и государство: теория и практика. — 2017. — 6 (150). — С. 149–152.
7. Чеботарева А.А., Ермошина Р.А. Взаимодействие законодательной, исполнительной и судебной власти в реализации информационной функции государства // Российская юстиция, (12):56–60, 2010.
8. Bamberger Kenneth A. and Mulligan Deirdre K. (2015) Privacy on the Ground: Driving Corporate Behavior in the United States and Europe. Cambridge, Massachusetts: MIT Press. P. 45–47.
9. Crawford Kate (2016) Artificial Intelligence's White Guy Problem // The New York Times, June 25.
10. Ferrucci David A. (2012) Introduction to «This is Watson» // IBM Journal of Research and Development. 2012. Issue 3. P. 235–249.
11. Ilyin I.V., Rozanov A.S. (2013) The impact of globalization on the formation of a global political system // Campus-Wide Information Systems. — Emerald Group Publishing Limited. — DOI: 10.1108/CWIS-08-2013-0037
12. Paz C.A. (2021) Legal Challenges for Artificial Intelligence in Chile // Revista Chilena de Derecho y Tecnologia.

© Пименов Александр Николаевич (sannikolaich@inbox.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ДОГОВОР КОММЕРЧЕСКОЙ КОНЦЕССИИ И ЕГО ОСОБЕННОСТИ В СИСТЕМЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ ДОГОВОРОВ

COMMERCIAL CONCESSION AGREEMENT AND ITS FEATURES IN THE SYSTEM OF BUSINESS CONTRACTS

**L. Popova
P. Zhukova
I. Chiryev**

Summary. In the presented scientific article, the current topic is considered, devoted to the study of the features inherent in a debt commercial concession within the framework of entrepreneurial relations. When studying this issue, the author draws attention to the content of the current legislation, as well as modern legal doctrine. The problematic aspects contained in the relations regulated by the presented contract are analyzed. At the same time, the author's proposals aimed at resolving these problematic aspects and controversial issues are formulated in this work.

Keywords: commercial concession, franchising relations, entrepreneurial activity, subsidiary liability.

Попова Лариса Ивановна

1. к.ю.н., доцент, Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина, г. Краснодар

Жукова Полина Станиславовна

2. Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина, г. Краснодар

Чирьев Илья Сергеевич

Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина, г. Краснодар
chirev.2001@mail.ru

Аннотация. В представленной научной статье рассматривается актуальная на сегодняшний день тематика, посвященная изучению особенностей присущих долговую коммерческой концессии в рамках предпринимательских отношений. При изучении указанного вопроса авторы обращают внимание на содержание действующего законодательства, а также современную правовую доктрину. Проанализированы проблемные аспекты, содержащиеся в отношениях, регулируемых представленным договором. Вместе с этим, в данной работе сформулированы авторские предложения, направленные на разрешение указанных проблемных аспектов и спорных вопросов.

Ключевые слова: коммерческая концессия, отношения франчайзинга, предпринимательская деятельность, субсидиарная ответственность.

Начиная изучение представленной тематики, необходимо обратить внимание на то обстоятельство, что договор коммерческой концессии пользуется весьма большой актуальностью и спросом среди представителей различного рода хозяйственной деятельности. Это обуславливается несколькими причинами, а именно:

- ♦ развитие экономических отношений в нашей стране;
- ♦ модернизация концепции рыночных взаимоотношений между субъектами экономики;
- ♦ а также всеобщее распространение франчайзинга в целом.

В рамках настоящего исследования необходимо сказать о том, что процедура заключения коммерческой концессии находит свое правовое отражение в содержании гл. 54 ГК РФ [1]. Тем не менее, многие правоведы указывают на отсутствие должного правового регулирования отдельных аспектов, связанных с заключением коммерческой концессии [2]. То есть, в настоящее время существует актуальная проблема, суть которой заключается в наличии определенных правовых пробелов.

Так, в качестве примера можно привести вопрос, который касается установления субсидиарной ответственности.

сти в представленных правоотношениях ввиду причинения вреда в отношении правообладателя. Данный вопрос регламентируется ст. 1029 ГК РФ и предусматривает тот факт, что вред правообладателю причиняется посредством действий, так называемых, «вторичных пользователей».

Многие специалисты говорят о том, что представленная выше норма вынуждает франчайзера выступать в качестве контроллера всей франшизной сети, обеспечивая тем самым собственную правовую защиту от преждевременных претензий, направленных в суд [3]. Однако следует учитывать тот факт, что подобные положения лишают концепцию франчайзинга какого-либо смыслового значения, так как основной данной концепции является ни что иное как относительная свобода в предпринимательской и иной экономической деятельности. В свою очередь, установление жесткого контроля со стороны франчайзера превратит отношения франчайзинга в корпоративные. Указанное обстоятельство негативно сказывается на развитии бизнеса.

В рамках настоящего научного исследования следует обратить свое внимание на «Стратегию развития торговли в Российской Федерации на 2011–2015 годы и период до 2020 года» [4]. В содержании данного документа можно обнаружить выдержки, в которых законодатель прямо говорит о положительных чертах использования франчайзинговых механизмов ведения бизнеса. Акцент делается на повышении рентабельности и конкурентоспособности малого и среднего бизнеса. В представленной стратегии также были предусмотрены наиболее актуальные проблемы, касающиеся данной темы. К примеру, в ней говорится об отсутствии легального правового закрепления термина «франчайзинг» и относительной «закрытости» указанных правоотношений.

На сегодняшний день, институт франшизы развивается постепенно, так как многие хозяйствующие субъекты не до конца доверяют зарубежной форме правового регулирования коммерческих отношений. Подтверждением этому может являться длительность договоров по передаче в пользование франшизы, которая в среднем составляет около 5 лет. Когда как в зарубежных странах, данный срок составляет 10 лет, если же фирма-франчайзер занимает лидирующее положение на рынке, то договор франчайзинга может составлять и 20 лет [5].

Вместе с этим, хотелось бы обратиться к ещё одной немаловажной проблеме, суть которой заключается в установлении ответственности. Для отношений, регулируемых договором коммерческой концессии, характерным является установление субсидиарной ответственности. Стоит сказать о том, что данного рода ответственность непосредственно для самого франчайзера является дополнительной. Субсидиарная ответственность для данного лица на-

ступает ввиду совершения потребителем различного рода противозаконных действий. В данном случае, необходимо указать на то, что кредитор обладает правом на предъявление соответствующих требований в отношении франчайзера. Однако необходимо сказать о том, что представленное требование появляется только в том случае, если основной должник откажет в удовлетворении требований.

Следует сказать о том, что содержание ст. 1034 ГК РФ предусматривает возможность удовлетворения законных требований клиентов франчайзи. Удовлетворение представленных законных требований возлагается на франчайзера. Данный вопрос обретает свою актуальность в случаях несостоятельности франчайзи. Многие специалисты сходятся во мнении о том, что в отношениях, продиктованных договором коммерческой концессии, сторонам необходимо ориентироваться на содержание именно ст. 1034 ГК РФ [6]. В частности, особое внимание следует уделять выбору партнеров, а также созданию франчайзинговой сети в целом. Это обусловлено тем, что подбор недобросовестных и ненадежных партнёров может привести к определённым негативным издержкам, которые касаются возникновения дополнительных судебных споров, а также весьма крупных расходов для франчайзера, так как удовлетворение требований клиентов происходит именно за его счет.

В целях предотвращения подобных негативных обстоятельств, по нашему мнению, необходимо указывать в представленном гражданско-правовом договоре формирование целевого фонда реагирования, на указанные выше непредвиденные ситуации. Подобные меры позволят повысить эффективность установления субсидиарной ответственности. К тому же, представленная схема позволит предотвратить возникновение дополнительных расходов и претензий, исходящих от клиентов. Также предусмотренная концепция позволит существенным образом повысить финансовую устойчивость и стабильность франчайзинговых отношений в целом.

Обратим свое внимание на тот факт, что институт франшизы в рамках отечественной экономики имеет некоторые отличительные особенности. К примеру, законодатель предусматривает возможность франчайзера отказаться от получения роялти от пользования франшизы. Подобного рода отказ от получения денежного вознаграждения расценивается правоведами по-разному. С одной стороны, сумма роялти просто включается в сумму оптовой цены франшизы и не влияет на последующее построение отношений между участниками франчайзинга. С другой стороны, франчайзер намеренно отказывается от получения роялти или же паушального платежа, чтобы в дальнейшем не предоставлять услуги по обучению персонала, различного вида маркетинговой поддержки и, что самое главное, франчай-

зер не контролирует деятельность франчайзи, а значит и не несет ответственности. По нашему мнению, это негативно влияет на развитие коммерческих отношений и игнорирует основные цели, ради которых субъекты вступали во франчайзинговые отношения, а именно устойчивость и стабильность предпринимательской деятельности, а также гарантированное экономическое развитие правообладателя.

Также хотелось бы сказать еще об одной особенности франчайзинговых отношений в рамках отечественной правовой системы. В данном случае, речь идет о излишней конспирации и засекреченности всех отношений, которые связаны с предоставлением права на продажу собственных товаров и услуг. Это обусловлено распространением правил о соблюдении коммерческой тайны на подавляющее число таких правоотношений. Стоит обратить внимание на то, что иностранные государства постепенно отходят от такой практики. Например, Международный институт унификации частного права в 2002 году разработал Модельный нормативно-правовой акт, в котором говорится о необходимости раскрывать определенный объем информации, относительно заключения франшизы. Согласно данному закону, открытый характер информации допускается только на преддоговорной стадии.

На сегодняшний день, в отечественном законодательстве отсутствуют положения, которые регламентировали бы обязательный характер открытости информации, хотя бы на преддоговорном этапе. Однако, представители научного сообщества солидарны во мнении о том, что открытость данного рода отношений позволит снизить процент, так называемых, лжепредложений и повысить, тем самым, стабильность гражданского оборота.

Популяризация франчайзинга очевидна, так как уже сформированные риэлторские агентства посредством заключения подобных договоров позволяют развиваться вновь образованным небольшим агентствам, не оказывая на них чрезмерного давления и предоставляя возможность для саморазвития и совершенствования.

Многие практикующие специалисты выделяют плюсы ведения данной правовой концепции. К наиболее существенным достоинствам следует относить:

- ◆ наличие дополнительного источника дохода;
- ◆ минимальные риски для, так называемого, франшизодателя;
- ◆ также можно говорить о наименьшей доле участия франшизодателя в разрешении проблем хозяйственного характера

Также, следует сказать и о недостатках, к которым можно отнести, например:

- ◆ получение прибыли, но в меньших объемах чем если бы это был филиал;
- ◆ наличие риска получения недостоверной отчетности и общего осуществления контроля за деятельностью франшизополучателя;
- ◆ наличие рисков раскрытия коммерческой тайны организации.

Подводя итоги настоящему научному исследованию, необходимо сформулировать несколько выводов относительно изученного материала. Так, в рамках настоящей научной статьи мы упомянули и проанализировали несколько наиболее актуальных и существенных проблем, присущих отношениям, возникающим ввиду заключения договора коммерческой концессии. К первой проблеме относится наличие определенных сложностей в реализации относительной свободы отношений франчайзинга. То есть, существует риск перехода данных отношений в область коммерческих. Также достаточно злободневной проблемой является вопрос субсидиарной ответственности. По нашему мнению, указанные проблемы отчасти можно разрешить с помощью указывания в представленном гражданско-правовом договоре формирования целевого фонда реагирования. При анализе смысловой нагрузки и значения франчайзинга, необходимо понимать, что данная модель взаимоотношения субъектов гражданского оборота основана на высоком уровне поддержки франчайзером, в отношении предпринимателя, который получил право использовать исключительное право первого. В данном случае, устанавливаются определенные требования к качеству оказываемых таким предпринимателем услуг. Когда как положения, зафиксированные в вышеупомянутой нами главе 54 ГК РФ предполагают собой лишь оказание диапозитивной поддержки, которая, в большинстве случаев, сводится попросту к передаче права от одного лица к другому.

По мнению многих правоведов, описанные выше особенности являются наиболее существенными чертами, согласно которым франчайзинг и договор коммерческой концессии различаются между собой.

Кроме всего прочего, можно сделать вывод о том, что современное отечественное законодательство содержит в себе некоторые недоработки. К примеру, следует принять нормы, позволяющие сделать отдельные данные, касающиеся заключения франчайзинга, открытыми. Спорным также является вопрос об обязательной регистрации договора коммерческой концессии, а именно наличия обоснованности данной государственной регистрации. Тем не менее, институт франшизы постепенно развивается и обретает свою актуальность, а восполнение представленных выше правовых пробелов позволит в еще большей степени усовершенствовать коммерческие отношения, основанные на договоре коммерческой концессии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 5 декабря 1994 г. № 32 ст. 3301.
2. Соломонов Е.В., Юрицин А.А. Коммерческая концессия: вопросы понятийного аппарата // Сибирское юридическое обозрение. 2015. № 3.
3. Буслаева Л.М. Правовая природа инвестиционного договора / Л.М. Буслаева // Современное право. — 2012. — № 3. -С. 82–85.
4. Приказ Министерства промышленности и торговли РФ от 25 декабря 2014 г. № 2733 «Об утверждении Стратегии развития торговли в Российской Федерации на 2015–2016 годы и период до 2020 года» // Режим доступа: <http://base.garant.ru> (Дата обращения: 18.11.2020).
5. Кондратьева Е.А. Коммерческая концессия как правовая форма координации экономической деятельности: ключевые аспекты // Право и экономика. 2015. № 3.
6. Климова С.В. Договор франчайзинга: анализ основных элементов / С.В. Климова // Юрист. — 2009. — № 12. -С. 18–24.

© Чирьев Илья Сергеевич (chirev.2001@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

г. Краснодар

О ПОНЯТИИ И СТРУКТУРЕ ФУНКЦИИ ГОСУДАРСТВА НА ПРИМЕРЕ ФУНКЦИИ ОБОРОНЫ

OF THE CONCEPT AND THE STRUCTURE OF FUNCTIONS OF THE STATE ON THE EXAMPLE OF THE DEFENSE FUNCTION

I. Pukhov

Summary. The article deals with issues of the concept of functions of the state, analyzes the structure of functions of the state on the example of the defense function. The author formulates the concept of functions of the state, investigates the elements of the defense function.

Keywords: the concept of functions of the state, the structure of functions of the state, defense, security.

Пухов Илья Александрович

Аспирант, Мурманский государственный
арктический университет
anna.lysova@duma-murman.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы содержания понятия «функции государства», анализируется структура функции государства на примере функции обороны. Автором формулируется понятие функций государства, проводится анализ элементов структуры функции обороны.

Ключевые слова: понятие функций государства, структура функции государства, оборона, безопасность.

Вопрос о понятии «функции государства» много раз становился предметом дискуссий в российской правовой науке.

Накопление научного материала не прекращает споры о содержании анализируемого понятия и не приводит к единому пониманию структуры функций государства.

Значительный вклад в разработку понятия «функции государства» внесли ученые советского периода, поэтому следует начать исследование проблемы с анализа их воззрений.

Чаще всего теоретики советской школы права под функциями государства в первую очередь понимало основные направления его деятельности.

Некоторые авторы добавляли к этому определению указание на решение исторических задач, которые стоят перед государством.

Кто-то трактовал понятие функции как социальное назначение деятельности, кто-то рассматривал указанное понятие в плоскости характера деятельности либо его содержания.

Отдельные административисты, рассматривая понятие функций государства, делали акцент на работе государственного аппарата, что приводило к отождествлению функций государства с деятельностью его аппарата и к смешению понятий «функции государства» и «функции государственного управления».

Несколько отличался подход ученых Л.И. Каска и Л.В. Николаевой, рассматривавших анализируемое понятие как цели деятельности. Рассматривая такой подход, важно остановиться на вопросе соотношения понятий целей и задач государства и функций государства.

Безусловно цели государства и его функции взаимосвязаны, но далеко не тождественны. Под целью следует понимать планируемый результат деятельности государства. Чтобы цель была достигнута, все звенья государственного управления должны действовать системно и согласованно. Цель указывает ориентир, к которому стремится государство, а функция демонстрирует, как государство должно действовать, чтобы достичь желаемой цели. Поэтому, как правило, приоритетность функции тесно связана с приоритетностью целей государства. Например, в условиях военного времени цель защиты государственного суверенитета от нападения извне будет приоритетной, поэтому и функция оборо-

ны в такой период для государства будет на первом плане. В мирное же время на первый план могут выходить другие функции государства. Поэтому стоит согласиться с позицией А.Б. Венгерова, который отмечал, что государственные функции отражают характеристику государства в динамике, тогда как формы правления и государственного устройства являются статичными характеристиками государства.

Как можно заметить, еще в советский период можно было выделить несколько подходов к пониманию функции государства. Среди них преобладали деятельностная и предметная модели, когда для определения исследуемого понятия использовались категории «деятельности государства» и «предмет государственной политики в том или ином направлении». Дополнительным подходом являлся телеологический подход, в котором функции определялись через цели деятельности государства.

На современном этапе наиболее часто можно встретить так называемый интегративный подход, когда исследователи, давая определение понятия «функции государства», объединяют ранее перечисленные подходы в разных интерпретациях. При этом, в первую очередь данное понятие определяется через направления деятельности государства. Так, Д.В. Пожарский, давая определение функций государства, делает акцент на том, что они обусловлены «целями и задачами, выражающими его сущность и ценность». В свою очередь Р.Е. Жихорева отмечает, что функции государства определяются «его содержанием, формами, а также уровнем ... развития общества».

На наш взгляд приведенные выше уточнения понятия «функции государства» не меняют базового подхода, в котором большинство современных авторов едино. Исходя из данного понимания государственных функций, их можно определить как обусловленные целями и задачами государства, объективно-необходимые основные направления его деятельности, в которых выражается сущность и социальное назначение государства.

Стоит согласиться с С.Н. Тумановым, который писал, что многозначность понятия «функции государства» показывает «структурную сложность отражаемого им явления». Именно анализ структуры функции государства позволяет нам не допускать отождествления ее с государственной деятельностью. Довольно подробно структура функций государства была рассмотрена в советский период в трудах А.П. Глебова. Он выделял такие элементы структуры функции как объект, цель, методы, принципы и средства реализации. Так же к структуре функции А.П. Глебов относил социально-классовое назначение государства, что обосновывалось господством

марксистско-ленинской модели классового общества в тот период.

С.Н. Туманов, рассуждая о структуре функции государства, выделяет в ней такие элементы как объект, цель, методы осуществления функции и формы ее осуществления.

А.В. Козлов полагает, что структура функции включает в себя объект, субъект, нормативную основу деятельности, цель и однородный характер самой деятельности.

Как видим, по данному вопросу среди ученых так же нет единства.

Рассмотрим структуру функции государства на примере функции обороны, используя структуру функции государства, предложенную С.Н. Тумановым.

Объектом функции государства выступает определенная сфера общественных отношений. Определение объекта функции обороны вытекает из положений п. 1 ст. 1 Федерального закона «Об обороне», в котором содержится нормативное понятие обороны. Опираясь на указанные нормы, можно заключить, что объектом функции обороны выступают общественные отношения, связанные с подготовкой к вооруженной защите и вооруженной защитой Российской Федерации.

В самом общем виде целью функции обороны является достижение государством состояния безопасности, определение которой мы можем найти в стратегии национальной безопасности Российской Федерации. В первую очередь целью данной функции является защита территории и населения от нападения со стороны других государств. Реализуя эту функцию, государство способно осуществлять независимую внешнюю политику, заботиться об укреплении мира и поддержке общемировой безопасности и правопорядка.

Методами осуществления функции обороны являются разнообразные способы воздействия на объект функции. В сфере обороны такими способами в первую очередь выступает обязывание и запреты. Например, таким образом реализуются положения об исполнении воинской обязанности и ограничения, установленные на территории нахождения военных объектов (режим ЗАТО).

Формами осуществления функции обороны традиционно можно назвать правовые и организационные. Функция обороны не может осуществляться хаотично и подлежит детальной правовой регламентации. Являясь исключительным предметом ведения федеральных органов власти, функция обороны реализуется в правой

форме посредством разработки, принятия и исполнения федеральных нормативно-правовых актов. Одним из примеров правовой формы реализации функции обороны является защита военнослужащих правовыми способами, что находит свое закрепление в п. 2 ст. 3 Федерального закона «О статусе военнослужащих».

Организационными формами реализации функции обороны является поставка в армию современного вооружения, подготовка квалифицированных кадров для

службы в вооруженных силах, поднятие авторитета вооруженных сил и др.

Таким образом, функция обороны проявляется в подготовке к вооруженной защите и вооруженной защите Российской Федерации, в целях охраны ее суверенитета и обеспечения военной безопасности государства, целостности и неприкосновенности территории Российской Федерации военными методами и средствами вооруженной борьбы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020//СПС Консультант+.
2. Федеральный закон от 27.05.1998 № 76-ФЗ (ред. от 25.02.2022) «О статусе военнослужащих»// Собрание законодательства РФ.— 1998.— № 22.— Ст. 2331.
3. Федеральный закон от 31.05.1996 № 61-ФЗ (ред. от 11.06.2021) «Об обороне»//Собрание законодательства РФ.— 1996.— № 23.— Ст. 2750.
4. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»//Собрание законодательства РФ.— 2021.— № 27 (часть II).— Ст. 5351.
5. Алексеев И.Г. Основы теории государства и права.— М., 1963.
6. Венгеров А.Б. Теория государства и права. Учебник для юридических вузов. 3-е изд.— М.: Юриспруденция, 2000.
7. Глебов А.П. Понятие и структура функций социалистического государства: Пособие по спецкурсу «Проблемы теории социалистического государства и права».— Воронеж, 1974.
8. Глебов А.П. Проблемы структуры функций государства: автореферат дис.канд.юрид.наук. Москва, 1974.
9. Денисов А.И. Советское государство. Возникновение, развитие, сущность и функции.— М., 1969.
10. Жихорева Р.Е. Реализация правоохранительной функции государства в сфере экономики: автореферат дис.канд.юрид.наук. Москва, 2017.
11. Каск Л.И., Николаева Л.В. О некоторых вопросах понятия функций государства//Вест. Ленингр. ун-та. Сер. Экономика, философия, право.— Вып. 2.— Л., 1974.— С. 105, 107–108.
12. Козлов А.В. Функция российского государства по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций //Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5. Юриспруденция.— 2011.— № 1 (14).— С. 239–243.
13. Корельский В.М. Общая теория социалистического государства.— Свердловск: Свердловский юридический институт, 1970.
14. Манов Г.Н. Государство и политическая организация общества.— М., 1974.
15. Манохин В.М. Советское административное право: Курс лекций. Вып. 1, Часть общая.— Саратов, 1968.
16. Петров В.С. Советское общенародное государство: основные задачи и функции//Советское государство и право.— 1974.— № 9.— С. 120–126.
17. Пожарский Д.В. Охранительная функция государства (теоретико-методологические проблемы): автореферат дис.канд.юрид.наук. Москва, 2015.
18. Самощенко И.С. О правовых формах осуществления функций советского государства//Советское государство и право.— 1956.— № 3.— С. 76–84.
19. Туманов С.Н. К вопросу о понятии и структуре функции государства// Вестник Пермского университета. Юридические науки.— 2012.— № 4.— С. 33–42.
20. Черноголовкин В.Н. Теория функций социалистического государства.— М.: Юридическая литература, 1970.

© Пухов Илья Александрович (anna.lysova@duma-murman.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ ИНСТИТУТА АДВОКАТУРЫ В РОССИИ И ФРАНЦИИ В ПЕРИОД НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ (XX ВЕК)

HISTORICAL AND LEGAL EVOLUTION OF THE INSTITUTE OF ADVOCACY IN RUSSIA AND FRANCE IN THE MODERN PERIOD (XX CENTURY)

**D. Shirev
A. Kost**

Summary. The article analyzes the formation of Russian and French legal institutions in the twentieth century.

Keywords: lawyer, legal profession, history of the bar, bar associations, legal representation, legal representation, history of the bar in France, history of the Russian bar, General code of rules for lawyers in the European community.

Ширёв Денис Андреевич

*К.ю.н., доцент, Российский Университет Дружбы Народов; адвокат Московского Центрального Филиала Московской областной коллегии адвокатов, г. Москва
ne205@yandex.ru*

Кост Александр Владиславович

*Российский Университет Дружбы Народов
alexcoste123@yandex.ru*

Аннотация. В статье проведён анализ становления отечественного и французского институтов адвокатуры в период с 1917 года по настоящее время.

Ключевые слова: адвокат, адвокатская профессия, история адвокатуры, коллегии правозащитников, правозащитничество, судебное представительство, история адвокатуры во Франции, история российской адвокатуры, Общий кодекс правил для адвокатов стран Европейского сообщества.

Вступая в Новейшее время, адвокатура в России и Франции пошла совершенно противоположным путём. Речь идёт о становлении советской власти в 1917 году и последующем развитии социалистической идеологии. Если институт адвокатуры был разработан французскими юристами в соответствии с достижениями юридической науки и судебной практики того времени, то на основе идеологии диктатуры пролетариата пытались создать совершенно новую правоохранительную систему, никогда и нигде не апробированную.

Часть 3 Декрета о суде № 1 от 22 ноября 1917 года [2] изначально ликвидировала адвокатскую профессию, так как она воспринималась как «неотъемлемая часть всей государственной машины буржуазного общества». Однако не прошло и пяти лет, как ранее сформированное мнение законодателя было скорректировано, и институт адвокатуры был воссоздан. Этот процесс начался с принятия Положения ВЦИК об адвокатуре от 26 мая 1922 года. На IV Всероссийском съезде деятелей советской юстиции, говоря о состоянии правозащитничества 1917–1922 годов, комиссар юстиции Д. Курский выразился следующим образом: «Либо мы создадим организацию адвокатов, которая будет находится под нашим контролем, либо возьмёт верх частная практика» [6]. Адвокатура должна была прийти (вернуться) на смену «коллегий правозащитников», института, сформировавшегося в 1918 году, который показался крайне неэффективным в силу низких требований: отсутствие обязательного какого-либо стажа работы и отсутствие

обязательного высшего юридического образования. Требование высшего юридического образования отсутствовало и при формировании адвокатуры 1922 года, однако наличие двухлетнего стажа в органах юстиции в качестве судьи, следователя, консультанта и пр. стало обязательным (ч. 2 Положения о коллегии защитников) [6,9].

После принятия Конституции СССР 1936 года и сложившейся стабильности в государственном аппарате, молодому союзному государству удалось провести регулирование деятельности адвокатуры. Это выражается в утверждённом СНК СССР Положением «Об адвокатуре СССР» от 16.08.1939 г., а именно в введении необходимого ценза в виде наличия обязательного высшего юридического образования (или трёхлетнего стажа в определённых органах юстиции), конкретного разграничения полномочий между адвокатурой и «юрисконсультурой», а также чёткой иерархией корпорации: коллегия адвокатов отвечает перед президиумом коллегии адвокатов, тот избирается и отвечает перед общим собранием коллегии адвокатов (созывался не реже 2 раза в год), который в свою очередь находился под надзором Народно-го Комиссариата Юстиции СССР — высшей инстанции по всем вопросам дисциплины всего института адвокатуры [10]. Таким образом, несмотря на очевидное «огосударствление» адвокатуры, она приобрела необходимую долю независимости, больше не подчиняясь надзору местных судов и прокуратур, тем самым возвращая себе некий смысл в своей деятельности [1].

Данное Положение действовало вплоть до принятия Закона РСФСР «Об утверждении Положения об адвокатуре РСФСР» в 1962 году [3]. Новый закон придал дополнительный импульс развитию институту отечественной адвокатуры. В частности, п. «ж» ст. 19 Положения, уполномочил Президиум коллегии адвокатов: а) «изучать и обобщать по имеющимся в коллегии материалам причины преступных проявлений и иных нарушений законности; б) «вносить соответствующие предложения в государственные и общественные организации». Были закреплены 3 ключевые права адвоката: право участвовать в предварительном следствии (п. «в» ст. 3), право на так называемый «адвокатский запрос», который впервые был закреплён в истории российской адвокатуры (ст. 26), право не быть допрошенным в качестве свидетеля об обстоятельствах дела, которые стали ему известны в связи с выполнением обязанностей защитника по данному делу (ч. 2 ст. 23).

Однако, организация, руководство и контроль за деятельностью коллегий адвокатов осуществлялись Советами Министров автономных республик, исполнительными комитетами краевых, областных, Московского и Ленинградского городских Советов депутатов трудящихся. Общее руководство коллегиями адвокатов и контроль за их деятельностью на республиканском уровне осуществлялись Министерством юстиции РСФСР. Также государство контролировало весь процесс поступления претендентов в коллегии адвокатов. Информацию о каждом приеме в члены коллегии адвокатов Президиум коллегии был обязан в семидневный срок доводить до сведения Совета Министров. Совет Министров в течение месяца со дня сообщения о приеме нового члена в коллегию адвокатов был вправе отчислить вновь принятого [1].

Таким образом, в целом, Положение соответствовало «либерализации» Хрущёвских времён, коренным образом (для советского времени) расширяя полномочия адвокатуры. Однако, государство по-прежнему сохраняло большое влияние на адвокатуру, опасаясь последствий её независимости.

С 1962 по 1991 гг. существенных изменений института адвокатуры не наблюдается. Конституцией 1977 года было впервые закреплено на конституционном уровне право граждан на судебную защиту (ч. 2 статьи 57) [7]. Сам Закон РСФСР «Об утверждении Положения об адвокатуре РСФСР» 1980 года [4] пришёл на смену Закону РСФСР 1962 г., ничего коренным образом не изменив. Принципиальные изменения произойдут лишь с падением советской власти в 90-х годах XX века.

Итак, если XX век был для Российской адвокатуры веком потрясений, то во Франции, в силе устоявшихся

традиций и, в целом, демократических принципов, коренных изменений в адвокатской деятельности не наблюдаются.

В 1900 году, Франция впервые среди других стран европейского континента законодательно допустила женщин к профессии адвоката [15]. В России, спор о предоставлении права женщинам на профессию адвоката прошёл немалый путь и вызывал в обществе не мало споров как в царской России, так и при Временном правительстве. Право женщинам на доступ в адвокатуру законодательно было оформлено лишь в 1917 году с принятием Декрета о суде, где, в статье 3, защитниками могли быть все «неопороченные граждане обоого пола, пользующиеся гражданскими правами». Однако, можно ли приравнивать предоставленное право женщинам быть защитницами с правом на адвокатскую деятельность — вопрос в науке спорный, так как Декретом отменялся сам институт адвокатуры [12–13].

Во Франции ожидалось преобразования адвокатуры только после принятия Конституции 1958 года и проведения масштабных реформ в судебной системе страны [5]. Основные изменения произошли в 1970-х годах, когда был принят Закон от 31 декабря 1971, поскольку произошло соединение видов адвокатских профессий: адвоката при трибуналах и судах (*avocat près les cours et tribunaux*), поверенного при трибунале большой инстанции (*avoué près les tribunaux de grande instance*) и уполномоченного при коммерческих трибуналах (*agrégé près les tribunaux de commerce*) — в единую профессию адвоката [16]. Таким образом, сужается область деятельности, которую могут осуществлять поверенные (*avoués*).

Закон 31 декабря заложил основу для дальнейшего реформирования профессии адвоката и, по сегодняшний день, он является основным законом, регулирующей деятельность адвокатуры.

Стоит также упомянуть принятие в 1988 году Общего кодекса правил для адвокатов стран Европейского сообщества [14], (Общий кодекс для адвокатов) который, хоть и косвенно, являлся первым кодексом этики адвоката в истории Франции, входившей в Европейское Экономическое Сообщество (ЕЭС), впоследствии преобразованное в Европейский Союз [11].

Общий кодекс для адвокатов впервые конкретно перечисляет принципы, на которых должна основываться европейская, а значит и французская, адвокатура (ст. 2). Этими принципами являются: независимость, доверие и моральная порядочность, профессиональная тайна, уважение этических правил других коллегий, несовместимость с другими профессиями, право на личную ре-

кламу, действовать в интересах доверителя, которые для адвоката выше своих собственных, ограничение ответственности адвоката по отношению к доверителю в силу определённых обстоятельств [8].

В 1992 году были внесены изменения в законе об адвокатуре, произошло объединение адвокатской деятельности с деятельностью юридического консультанта [17]. Последующие изменения в Законе вплоть до 12 февраля 2004 года, когда проводилась масштабная реформа адвокатуры, признаются юридическим сообществом незначительными.

Компаративный анализ институтов отечественной адвокатуры и адвокатуры Франции в период Новейшего времени стоит рассматривать не как сопоставление двух схожих гражданских институтов, как это можно было сделать, сравнивая адвокатуры XIX века, а уже как противопоставление результатов совершенно противоположных государственных идеологий.

Сравнивая прошлое института адвокатуры, можно выявить следующие, ключевые различия: адвокатура

во Франции — институт древний, переживший средневековые монархии, буржуазные революции, а также империи и республики на протяжении семи веков, при этом всегда сохраняя свои традиции и успешно отстаивая свою независимость перед государством.

У адвокатуры России — другая история. Адвокатура стремительно сформировалась лишь к концу XIX века, действовала короткое время до её упразднения в 1917 году, а затем существовала в качестве государственного института, который уже не мог реализовать важнейший принцип адвокатуры, которым является независимость.

В таких условиях, российская (дореволюционная) адвокатура, в отличие от французской, просто не успела реализовать заложенный в неё потенциал и трансформироваться в полноценный институт гражданского общества. Только возрождение демократических начал в нашей стране, запустило процесс модернизации законодательства об адвокатской деятельности, дало адвокатуре вторую возможность развития в полноценный институт гражданского общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дабига, Т.Г. Обеспечение гарантий независимости адвокатской деятельности и адвокатуры: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.11 / Дабига Татьяна Григорьевна; [Место защиты: Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве РФ]. Москва. 2017. 232 с.
2. Декрет СНК РСФСР от 13.07.1918 № 3 «О суде» // Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_316.htm (дата обращения: 08.05.2021).
3. Закон РСФСР от 25.07.1962 «Об утверждении Положения об адвокатуре РСФСР» // Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_5866.htm (дата обращения: 12.05.2021).
4. Закон РСФСР от 20.11.1980 «Об утверждении Положения об адвокатуре РСФСР» // СПС Гарант [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://base.garant.ru/10103690/> (дата обращения: 12.05.2021).
5. Захарова, М.В. Французская правовая система: проблемы теории: диссертация ... доктора юридических наук: 12.00.01 / Захарова Мария Владимировна; [Место защиты: Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)]. Москва. 2015. 338 с.
6. Захаренков, Д.Н. Основные начала организации и деятельности адвокатуры советского периода. / Д.Н. Захаренков. // Евразийская адвокатура. Евразийский научно-исследовательский институт проблем права (Уфа). 2017. № 5 (30). С. 10–13.
7. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик, принята Верховным Советом СССР 7 октября 1977 года. // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=196012643&intelsearch=%CA%EE%ED%F1%F2%E8%F2%F3%F6%E8%FF+%D1%D1%D1%DO+%EE%F2+1977%E3> (дата обращения: 12.05.2021).
8. Общий кодекс правил для адвокатов стран Европейского сообщества (принят Советом коллегии адвокатов и юридических сообществ Европейского союза в Страсбурге 28 октября 1988 г., пересмотрен в Лионе 28 ноября 1998 г., в Дублине 6 декабря 2002 г. и в Порто 19 мая 2006 г.). // Официальный сайт Федеральной Палаты Адвокатов РФ [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://fparf.ru/documents/international-acts/general-code-of-rules-for-lawyers-of-countries-of-the-european-community/> (дата обращения: 18.05.2021).
9. Положение от 5 июля 1922 года «О коллегии защитников» (с изм. и доп., внесенными циркуляром Наркомюста РСФСР № 38 1923 года). // Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1353.htm (дата обращения: 08.05.2020).
10. Постановление СНК СССР от 16.08.1939 г. № 1219 «Об утверждении Положения об адвокатуре СССР» // СПС Консультант плюс. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=9228#030148819900057067> (дата обращения: 09.05.2021).
11. Солиев Р.А. История формирования европейского союза // Учёные записки № 1(54) 2018 с. 65–73
12. Тимофеев, В.В. Проблемы женской адвокатуры в России в конце XIX — начале XX веков. / В.В. Тимофеев. // Марийский юридический вестник. Марийский государственный университет (Йошкар-Ола). 2002. № 2. С. 91–97.

13. Титова, Е.А. Женское лицо русской присяжной адвокатуры. // Е.А. Титова. // Судебная власть и уголовный процесс. Воронежский государственный университет (Воронеж). 2014. № 3. С. 278–284.
14. Code de déontologie des avocats européens, adopté lors de la session plénière du CCBE le 28 octobre 1988 et modifié lors des sessions plénières du 28 novembre 1998, du 6 décembre 2002 et du 19 mai 2006. // Site officiel du Conseil des barreaux européens. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.ccbe.eu/fileadmin/speciality_distribution/public/documents/DEONTOLOGY/DEON_CoC/FR_DEON_CoC.pdf (дата обращения: 17.05.2021).
15. Loi du 1 décembre 1900 ayant pour objet de permettre aux femmes munies des diplômes de licencié en droit de prêter le serment d'avocat et d'exercer cette profession. Version abrogée du 22 décembre 2007. // Légifrance, le service public de la diffusion du droit. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do;jsessionid=627ABC381F0BC4FE79AC2C14E40831E5.tplgfr28s_2?cidTexte=LEGITEXT000006070885&dateTexte=20071221 (дата обращения: 12.05.2021).
16. Loi n° 71–1130 du 31 décembre 1971 portant réforme de certaines professions judiciaires et juridiques. // Fac-similé JO du 05/01/1972, page 00131. Légifrance, le service public de la diffusion du droit. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.legifrance.gouv.fr/jo_pdf.do?id=JORFTEXT000000508793&pageCourante=00131 (дата обращения: 14.05.2021).
17. Loi n° 90–1259 du 31 décembre 1990 portant réforme de certaines professions judiciaires et juridiques. // Légifrance, le service public de la diffusion du droit. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000000718250&categorieLien=id> (дата обращения: 14.05.2021).

© Ширёв Денис Андреевич (ne205@yandex.ru), Кост Александр Владиславович (alexcoste123@yandex.ru).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Российский Университет Дружбы Народов

НАШИ АВТОРЫ OUR AUTHORS

Alekhin V. — Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin, Krasnodar

Alexandrov M. — FGBOU VO «Chuvash state university of I.N. Ulyanov» (Cheboksary)
amv-ekf@yandex.ru

Bagdasarova I. — Senior Lecturer, Moscow Institute of Physics and Technology (national research university)
artameli@mail.ru

Barinov A. — Candidate of Law, Associate Professor, Vladimir Branch of RANEPA
barinov-vlad@inbox.ru

Belyaev D. — Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow
da_belyaev@mail.ru

Chiryev I. — Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin, Krasnodar
chirev.2001@mail.ru

Chiryev I. — Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin, Krasnodar
chirev.2001@mail.ru

Chuvakhin P. — Lecturer, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow; Senior Lecturer, Russian State University of Justice, Moscow
chuvakhin.petr@yandex.ru

Drozdov O. — Junior Researcher, Pacific Institute of Geography Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences; postgraduate student, St. Petersburg State University of Economics, Vladivostok
drozdovov@gmail.com

Dubrovsky A. — PhD in Economics, Associate Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation
dav-rgsu@yandex.ru

Feklin V. — PhD, Associate Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation
vfeklin@fa.ru

Gorbunova O. — PhD, Associate Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation
OAGorbunova@fa.ru

Gudkov A. — Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, VUI FSIN of Russia
gudkovaniv@yandex.ru

Guliyev A. — PhD Student, Azerbaijan University of Tourism and Management (Baku)
alizamin94@gmail.com

Guseva I. — PhD (Law), Associate Professor, VLI of the FPS of Russia
guseva-ir@mail.ru

Guseva I. — PhD (Law), Associate Professor, VLI of the FPS of Russia
guseva-ir@mail.ru

Kharitonov D. — Doctor of Technical Sciences, JSC ONPP Tekhnologiya named after A.G. Romashin, Obninsk
haritonovdv1978@gmail.com

Khvorostova K. — Senior lecturer, Reshetnev Siberian State University of Science and Technology, Krasnoyarsk
27inemenshe@mail.ru

Kondrashin P. — Retired judge, PhD student, Krasnoyarsk State Agrarian University
kondrashina_05@mail.ru

Kondratiev I. — St. Petersburg Polytechnic University named after Peter the Great
kondrvanya@ya.ru

Korchagin S. — PhD, Associate Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation
sakorchagin@fa.ru

Kost A. — Peoples' Friendship University of Russia
alexcoste123@yandex.ru

Kosykh V. — Senior Investigator of the Investigative Department of the Kotlassky Law of the Ministry of Internal Affairs of Russia on transport
val-kosykh@yandex.ru

Kudina S. — Lomonosov Moscow State University
skmsu@ya.ru

Kulazhina A. — Financial University under the Government of Russia, Moscow
anastasiakulazhina@yandex.ru

Kuznetsov A. — Crimean Branch of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
kuznetsov-crimea@mail.ru

Kuznetsova E. — FGBOU VO «Chuvash state university of I.N. Ulyanov» (Cheboksary)
elvira.kuz.70@mail.ru

Kuznetsova I. — PhD(Law), Associate Professor, Vladimir Branch of the RANEPА
kuzina33@mail.ru

Kuznetsova N. — Senior Lecturer, FKOU HE «Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia»
kuznezova-1963@mail.ru

Lachina E. — PhD(Law), Associate Professor, Vladimir Branch of the RANEPА
Lena-Lachina@mail.ru

Lebedev N. — Doctor of Economics, Professor, leading researcher of the Institute of Economics OF the Russian Academy of Sciences
ieras@inecon.org

Levoshich N. — Associate Professor, Financial University (Moscow)
NVLevoshich@mail.ru

Lutsenko N. — Senior Lecturer, Moscow Institute of Physics and Technology (national research university)
nataly.l@inbox.ru

Malichenko V. — PhD in Law, Senior Researcher, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow
vlad.malichenko@gmail.com

Markov V. — Professor, Samara State University of Economics
ladimirmarkov@gmail.com

Matveeva T. — Senior Lecturer, FKOU VO «Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia»
matveeva33@mail.ru

Melentiev V. — Director, Engels Technological Institute (branch) Yuri Gagarin State Technical University of Saratov
eti@techn.sstu.ru

Mishchenko V. — Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, VUI FSIN of Russia
vyacheslav-mischenko@mail.ru

Mishina N. — Doctor of Political Science, Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow
NaVMishina@fa.ru

Nadedova E. — Senior Lecturer, University of Sport and Tourism (Moscow)
ekaterina.nadedova@yandex.ru

Pimenov A. — Graduate student, Russian University of Transport (Moscow)
sannikolaich@inbox.ru

Popova L. — Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin, Krasnodar

Pracheva N. — Chief Expert, Federal Tax Service's Inspectorate for the Soviet District of Krasnoyarsk
Natali_9889@mail.ru

Pukhov I. — Graduate student, Murmansk Arctic State University
anna.lysova@duma-murman.ru

Revina E. — Candidate of Economics, Associate Professor, Ural State University of Railway Transport (Ekaterinburg)
erevina@usurt.ru

Ryabova I. — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Federal State Budget Institution of higher education «Finuniversitet under the Government of Russian Federation» (Moscow)
Holandy@mail.ru

Ryabova O. — Teacher, FKOU HE «Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia»
frau.lelya2012@yandex.ru

Saenko A. — Junior Researcher, RAS Institute of Africa
saenko@atom-alliance.com

Safronova E. — Candidate of Economic Sciences, Senior Lecturer, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow
ESSafronova@fa.ru

Serdechnyy D. — Ph.D., Associate Professor, State University of Management
dv_serdechnyj@guu.ru

Shatalova A. — Assistant of the Financial University under the Government of the Russian Federation
ayshatalova@fa.ru

Shchennikova V. — Senior Lecturer, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation
shchennikova-vn@ranepa.ru

Shirev D. — Candidate of Law, Associate Professor, Peoples' Friendship University of Russia; Barrister of the Moscow Central Branch of the Moscow Regional Bar Association
ne205@yandex.ru

Shustova E. — Financial University under the Government of the Russian Federation
shustova_16@mail.ru

Simonov A. — St. Petersburg Polytechnic University
alsim_alex@mail.ru

Turishcheva T. — Candidate of economic Sciences, associate Professor, REA im. G.V. Plekhanov; associate Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation
ttb2812@mail.ru

Ushanov A. — PhD in Economics, Associate Professor, Financial University under the Government Russian Federation, Moscow
ushanov_0656@mail.ru

Vasiliev I. — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Financial University under the Government of the Russian Federation
vasilev-1962@inbox.ru

Voronov A. — Doctor of Law, Professor, Chief Researcher, FSKU «VNII Ministry of Internal Affairs of Russia»
vnii-nic-4@yandex.ru

Zhovtonozhko M. — Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow
maxsim-sev02@mail.ru

Zhukova P. — Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin, Krasnodar

Zhukova P. — Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin, Krasnodar

Zubkov V. — Senior Lecturer, VLI of the FPS of Russia
z-vladimir-z@mail.ru

Zubkov V. — Senior Lecturer, VLI of the FPS of Russia
z-vladimir-z@mail.ru

Zudina A. — Postgraduate student, Financial University under the Government of the Russian Federation
a.v.zudina@mail.ru

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат».

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением “.doc”, или “.rtf”, шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускаются.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Литература составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные - 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» (e-mail: redaktor@nauteh.ru).